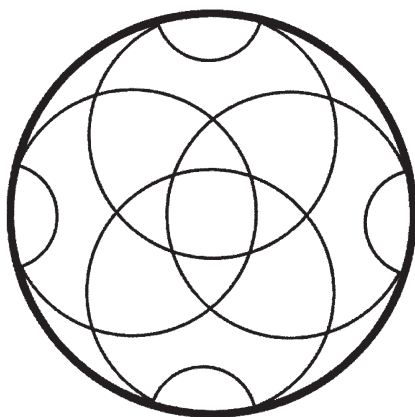

ISSN 2311-3065 (print)
ISSN 2311-3332 (online)

КОММУНИКОЛОГИЯ

COMMUNICOLOGY (RUSSIA)

Том 9 № 1 2021
Vol. 9 No 1 2021

Москва
2021

КОММУНИКОЛОГИЯ

Международный научный журнал

DOI 10/21453|2311-3065-2021-9-1

ISSN 2311-3065 (print)

ISSN 2311-3332 (online)

Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии (ВАК) Министерства образования и науки РФ от 28.12.2018 года журнал «Коммуникология» включен в перечень рецензируемых научных изданий ВАК, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по отраслям науки: 22.00.01 – Теория, методология и история социологии (социологические науки); 22.00.03 – Экономическая социология и демография (социологические науки); 22.00.04 – Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки); 22.00.05 – Политическая социология (социологические науки); 22.00.06 – Социология культуры (социологические науки); 22.00.08 – Социология управления (социологические науки); 23.00.01 – Теория и философия политики, история и методология политической науки (политические науки); 23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии (политические науки); 23.00.06 – Конфликтология (политические науки); 24.00.01 – Теория и история культуры (культурология); 24.00.01 – Теория и история культуры (философские науки).

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-54393 от 10.06.2013 г.

Зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standard Serial Numbering — ISSN) с присвоением международного стандартного номера ISSN 2311-3065 (print), ISSN 2311-3332 (online).

Включён в базы данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), Всероссийского института научной и технической информации Российской академии наук (ВИНИТИ РАН), EBSCO, Ulrich's International Periodical Directory (UlrichsWeb), научной электронной библиотекой «КиберЛенинка», ICI Journals Master List (Copernicus).

Публикуемые материалы прошли процедуру рецензирования и экспертного отбора.

Категория информационной продукции «16+

Том 9. № 1, январь-март 2021 г.

Издается с 2013 г.

Выходит 4 раза в год

Главный редактор:

Шарков Ф.И. – председатель редколлегии, доктор социологических наук, профессор, заместитель декана факультета журналистики, заведующий кафедрой общественных связей и медиаполитики Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (ИГСУ РАНХиГС), заслуженный деятель науки РФ, г. Москва, Российская Федерация.

Редакционная коллегия:

Кириллина Н.В. – заместитель главного редактора – выпускающий редактор, кандидат социологических наук, доцент кафедры общественных связей и медиаполитики Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (ИГСУ РАНХиГС), г. Москва, Российская Федерация.

Беллозо Х. – международный эксперт по корпоративной стратегии и стратегии развития территорий, брендингу и международному продвижению, основатель и глава консультационной компании «Future Places», г. Барселона, Испания.

Бука С. – доктор экономических наук, профессор, соучредитель Балтийской международной академии, г. Рига, Латвийская Республика.

Гарванов И. – доктор наук, профессор, проректор Университета библиотекосведения и информационных технологий, г. София, Болгария.

Джафаров Д. – доктор наук, профессор, ректор Азербайджанского государственного педагогического университета, г. Баку, Азербайджан.

Кашаф Ш.Р. – научный сотрудник Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья Института востоковедения РАН, г. Москва; научный сотрудник Ресурсного центра по развитию исламского и исламо-

ведческого образования Института международных отношений, истории и востоковедения Казанского федерального университета, г. Казань, Российская Федерация.

Ки Ён Су – профессор Университета иностранных языков Хангук, Президент Корейско-Российской Ассоциации (KORUSS), г. Сеул, Республика Корея.

Киричек П.Н. – доктор социологических наук, профессор кафедры журналистики Московского гуманитарного университета, г. Москва, Российская Федерация.

Кравченко С.А. – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии Московского государственного института международных отношений (Университет), г. Москва, Российская Федерация.

Кузнецов В.Ф. – доктор политических наук, профессор кафедры связей с общественностью Института гуманитарного образования, г. Москва, Российская Федерация.

Ле Нгок Хунг – PhD (Soc.), заместитель директора Института социологии Государственной административно-политической Академии имени Хо Ши Мина, г. Ханой, Вьетнам.

Максимович Г. – PhD (Philos), профессор, декан Философского факультета Университета г. Ниш, Сербия.

Мамедов Н.М. – доктор философских наук, профессор, директор Института глобализации и устойчивого развития Московского независимого эколого-политологического университета, г. Москва, Российская Федерация.

Назарова Е.А. – доктор социологических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой общественных связей и медиаполитики ИГСУ РАНХиГС, г. Москва, Российская Федерация.

Попов В.Д. – доктор философских наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления Международного университета природы, общества и человека, г. Дубна, Российская Федерация.

Гвинн П. – профессор университета Клемсона, г. Клемсон, США.

Садохин А.П. – доктор культурологических наук, профессор кафедры ЮНЕСКО, г. Москва, Российская Федерация.

Станишич В. – доктор филологических наук, профессор кафедры южнославянских языков филологического факультета Белградского университета, г. Белград, Республика Сербия.

Старк Е. – PhD, Почетный профессор Школы общественных дел и управления Университета Рутгерс, г. Вудбридж, США.

Сулейманова Ш.С. – доктор политических наук, профессор кафедры общественных связей и медиаполитики ИГСУ РАНХиГС, г. Москва, Российская Федерация.

Танака Ю. – почетный профессор Университета Рюкоку, г. Рюкоку, Япония.

Уколова Л.Е. – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой «Реклама и связи с общественностью в высокотехнологичных отраслях», Институт иностранных языков Московского авиационного института (национального исследовательского университета), г. Москва, Российская Федерация.

Шубрт И. – доктор философии, профессор, заведующий кафедрой истории социологии факультета гуманитарных исследований Карлова университета, г. Прага, Чехия.

Сотрудники редакции:

Рюмшин С.А. – ответственный секретарь;

Ямбушев В.Ю. – редактор сайта журнала.

Журнал аффилирован с Международной академией коммуникологии и факультетом журналистики ИГСУ Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; декан факультета ИГСУ РАНХиГС – заместитель председателя редакционного совета журнала «Коммуникология», доктор политических наук, профессор В.В. Силкин.

Формат: 70х100/16, бумага: офсет №1 – 80г/м², тираж 700 экз.

© Оформление, макет, верстка: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°»

Авторские права на публикации принадлежат авторам

Международная академия коммуникологии, г. Москва

Редакционный совет:**Председатель редакционного совета:**

Сафонов А.Л. – доктор экономических наук, профессор, проректор по стратегии и работе с органами власти Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация.

Заместители председателя редакционного совета:

Барциц И.Н. – первый заместитель председателя редакционного совета, доктор юридических наук, профессор, директор Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (ИГСУ РАНХиГС), заслуженный юрист РФ, действительный государственный советник РФ 3 класса, г. Москва, Российская Федерация.

Силкин В.В. – заместитель председателя редакционного совета, доктор политических наук, профессор, декан факультета журналистики ИГСУ РАНХиГС, г. Москва, Российская Федерация.

Шарков Ф.И. – заместитель председателя, доктор социологических наук, профессор, заместитель декана факультета журналистики, заведующий кафедрой общественных связей и медиаполитики ИГСУ РАНХиГС, заслуженный деятель науки РФ, г. Москва, Российская Федерация.

Алексеев Ю.В. – заместитель председателя, кандидат психологических наук, профессор, член-корреспондент РАЕН, г. Москва, Российская Федерация.

Члены редакционного совета:

Аверин А.Н. – доктор философских наук, профессор кафедры философии философско-социологического факультета Института общественных наук, РАНХиГС, г. Москва, Российская Федерация.

Антипов К.В. – доктор экономических наук, профессор, проректор по интеграции, директор Высшей школы печати и медиаиндустрии Московского политехнического университета, г. Москва, Российская Федерация.

Астафьева О.Н. – доктор философских наук, профессор кафедры ЮНЕСКО, РАНХиГС, директор центра «Гражданское общество и социальные коммуникации», г. Москва, Российская Федерация.

Байменов А. – кандидат технических наук, Председатель Агентства Республики Казахстан по делам государственной службы, г. Астана, Республика Казахстан.

Богатырева Т.Г. – доктор культурологии, профессор, эксперт института «Высшая школа государственного управления» РАНХиГС, г. Москва, Российская Федерация.

Бочаров М.П. – доктор социологических наук, профессор, заместитель генерального директора Института региональных проблем, г. Москва, Российская Федерация.

Вукичевич С. – доктор философии, профессор философского факультета Университета Черногории, г. Подгорица, Черногория.

Евстафьев В.А. – доктор филологических наук, профессор, академик РАЕН, вице-президент Ассоциации коммуникативных агентств России (АКАР), г. Москва, Российская Федерация.

Запесоцкий А.С. – доктор культурологии, профессор, член-корр. РАН, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация.

Зорин В.Ю. – доктор политических наук, профессор, заместитель директора Института этнологии и антропологии РАН, член Совета по межнациональным отношениям при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация.

Ивченков С.Г. – доктор социологических наук, декан социологического факультета Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского, г. Саратов, Российская Федерация.

Казотакис-Гатополоу А. – профессор Афинского университета, доктор философии, г. Афины, Греческая Республика.

Минаева Л.В. – доктор филологических наук, заслуженный профессор МГУ им. М.В. Ломоносова, действительный член Академии педагогических и социальных наук, президент Ассоциации преподавателей по связям с общественностью, г. Москва, Российская Федерация.

Михайлов В.А. – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой национальных и федеративных отношений ИГСУ РАНХиГС, заслуженный деятель науки РФ, г. Москва, Российская Федерация.

Микульский К.И. – доктор экономических наук, член-корреспондент РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Пихоя Р.Г. – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, г. Москва, Российская Федерация.

Ромат Е. – доктор наук государственного управления, профессор кафедры маркетинга и рекламы Киевского национального торгово-экономического университета, президент Союза рекламистов Украины, г. Киев, Украина.

Соловей В.Д. – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой связей с общественностью, МГИМО (У) МИД РФ, г. Москва, Российская Федерация.

Чумиков А.Н. – доктор политических наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии РАН, генеральный директор Агентства «Международный пресс-клуб Чумиков PR и консалтинг», г. Москва, Российская Федерация.

Шабров О.Ф. – доктор политических наук, профессор, президент Академии политических наук, г. Москва, Российская Федерация.

DOI 10.21453/2311-3065-2021-9-1

COMMUNICOLOGY

International Scientific Journal

By the decision of the Presidium of the Higher Attestation Commission (VAK) of the Ministry of Education and Science of Russia (January 28, 2018) Communicology is included in the list of peer-reviewed scientific editions recommended by the Higher Attestation Commission for publication of basic scientific results of theses for scientific degree of a candidate of sciences (Cand.Sc.) and doctor of sciences (Dr.Sc.) in the following areas of studies: 22.00.01 – Theory, methodology and history of sociology (sociology); 22.00.03 – Economic sociology and demography (sociology); 22.00.04 – Social structure, social institutions and processes (sociology); 22.00.05 – Political sociology (sociology); 22.00.06 – Sociology of culture (sociology); 22.00.08 – Sociology of management (sociology); 23.00.01 – Theory and philosophy of politics, history and methodology of political science (political science); 23.00.02 – Political institutions, processes and technologies (political science); 23.00.06 – Conflict resolution studies (political science); 24.00.01 – Theory and history of culture (cultural studies); 24.00.01 – Theory and history of culture (philosophy).

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor) Cert. No. ФC77-54393 of June 10, 2013; by the International Standard Serial Number International Centre and awarded with international standard numbers: ISSN 2311-3065 (print), ISSN 2311-3332 (online); included in academic electronic data bases: Russian Index for Scientific Citation (RSCI), the database of the Russian Institute for Scientific and Technical Information (VINITI RAS), EBSCO, Ulrich's International Periodical Directory (UlrichsWeb), scientific electronic library CyberLeninka, ICI Journals Master List (Copernicus).

Information product category «16+»

Volume 9. No. 1. January-March 2021

Published since 2013

(4 issues per year)

Chief Editor:

Felix I. Sharkov – Dr. Sc. (Soc.), Prof., Head of the Editorial Board, Deputy Dean of Journalism Department, Head of the Public Relations and Media Policy Chair of the Institute of Public Administration and Civil Service, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Honored Scientist of the Russian Federation. Moscow, Russian Federation.

Editorial Board:

Natalia V. Kirillina – Executive Editor, Cand. Sc. (Soc.), associate prof. at the chair of Public Relations and Media Policy, RANEPA. Moscow, Russian Federation.

Juan C. Belloso – International Expert on Corporate Strategy and the Strategy of Territorial Development, Branding and International Promotion, Future Places agency Director & Founder, advisor to the City Council of Barcelona. Barcelona, Spain.

Stanislav A. Buka – Dr. Sc. (Econ.), Prof., Co-Founder of the Baltic International Academy. Latvia, Riga.

Le Ngoc Hung – Ph.D. (Soc.), Prof., Deputy Director of Sociology, Ho Chi Minh National Political Academy. Hanoi, Vietnam.

Jafar M. Jafarov – Dr. Sc., Prof., Rector of Azerbaijan State Pedagogical University. Baku, Azerbaijan.

Shamil R. Kashaf – research associate of the Center of studies of Central Asia, Caucasus and Ural-Volga region, Institute of Oriental Studies of Russian Academy of Sciences, Moscow; Researcher of the Resource Center for the Development of Islamic Studies of the Institute of International Relations, History and Oriental Studies, Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation.

Ki En Su – Prof., Hankuk University of Foreign Studies (HUFS), President of the Korean-Russian Association (KORUSS). Korea, Seoul.

Petr N. Kirichek – Dr. Sc. (Soc.), Prof. of the Department of journalism of the Moscow Humanitarian University. Moscow, Russian Federation.

Sergey A. Kravchenko – Dr. Sc. (Philos.), Prof., Head of Department of Sociology, Moscow State Institute of International Relations, Ministry of Foreign Relations (MGIMO – University). Moscow, Russian Federation.

Vadim F. Kuznetsov – Dr. Sc. (Pol.), Prof. of the Department of public relations of the Institute of humanitarian education. Moscow, Russian Federation.

Goran Maksimovich – Ph.D. (Philos.), Prof., Dean of Philosophy Department, University of Nis. Nis, Serbia.

Nizamy M. Mamedov – Dr. Sc. (Philos.), Prof., Director of the Institute of globalization and sustainable development, Moscow Independent Ecological-Political University. Moscow, Russian Federation.

Elena A. Nazarova – Dr. Sc. (Soc.), Prof., Deputy Head of Public Relations and Media Policy Chair, RANEPA. Moscow, Russian Federation.

Vladimir D. Popov – Dr. Sc. (Philos.), Prof. of chair of state and municipal management of International University of nature, society and man. Dubna, Russian Federation.

Gvynn Powell – Ph.D. (Pedag.), Professor of the Clemson University. Clemson, USA.

Aleksandr P. Sadokhin – Dr. Sc. (Cult.), Prof. at Journalism Department, RANEPA. Moscow, Russian Federation.

Vanja Stanishich – Ph.D., Prof. of South Slavic Languages Department of Philological Faculty of the University of Belgrade. Serbia, Belgrade.

Evan Stark – Ph.D. (Philos.), Prof. Emeritus, School of Public Affairs and Administration, Rutgers University. Woodbridge, CT, USA.

Shukran S. Suleymanova – Dr. Sc. (Pol.), Prof. at the chair of the Public Relations and Media Policy, RANEPA.

Yuso Tanaka – Prof. Emeritus Ryukoku University. Ryukoku, Japan.

Lidiya E. Ukolova – Dr. Sc. (Philol.), Professor, head of Department of advertising and public relations at the Institute of Foreign Languages, Moscow Aviation Institute (National Research University). Moscow, Russian Federation.

Jiri Subrt – Dr. Sc. (Philos.), Professor, head of chair of history of sociology of the faculty of humanitarian studies of Charles University. Prague, Czech Republic.

Organizational and management team of the editorial board

Sergey A. Ryumshin – executive secretary;

Vildan Y. Yambushev – editor, webmaster.

Deputy Chairman of the Editorial Council of Communicology Journal – dean of the Journalism Department (RANEPA), Prof. Dr. Vladimir V. Silkin.

Editorial Council:

Chairman of the Editorial Council:

Aleksandr L. Safonov – Dr. Sc. (Econ.), Prof., Vice-Rector for strategy and government relations of the Financial University under the Government of the Russian Federation. Moscow, Russian Federation.

Vice-Chairmen of the Editorial Council:

Igor N. Bartsits – Dr. Sc. (Law), Prof., First Deputy Chairman of the Editorial Council, Director of the Institute of Public Administration and Civil Service, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Honored Lawyer of the Russian Federation, Full State Advisor of the Russian Federation. Moscow, Russian Federation.

Vladimir V. Silkin – Dr. Sc. (Pol.), Prof., Deputy Chairman of the Editorial Council, Dean of Journalism Department (RANEPA). Moscow, Russian Federation.

Felix I. Sharkov – Dr. Sc. (Soc.), Prof., Deputy Chairman of the Editorial Council, Deputy Dean of Journalism Department, Head of the Public Relations and Media Policy Chair of the Institute of Public Administration and Civil Service, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Honored Scientist of the Russian Federation. Moscow, Russian Federation.

Yuriy V. Alekseev – Cand. Sc. (Psychol.), Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences. Moscow, Russian Federation.

Editorial Council:

Alexander N. Averin – Dr. Sc. (Philos.), Prof. at the chair of philosophy, Philosophy and Sociology Department, Institute of Social Sciences (RANEPA). Moscow, Russian Federation.

Konstantin V. Antipov – Dr. Sc. (Econ.), Prof., Vice-rector for integration, Director of the graduate school print and media industry of the Moscow Polytechnical University (Polytech Moscow). Moscow, Russian Federation.

Olga N. Astafieva – Dr. Sc. (Philos.), Prof. at UNESCO Dept. of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, head of Civil Society and Social Communications Centre. Moscow, Russian Federation.

Alikhan M. Baymenov – Cand. Sc. (Tech.), Chairman of the Agency of the Republic of Kazakhstan for Civil Service Affairs. Astana, Republic of Kazakhstan.

Tatiana G. Bogatyreva – Dr. Sc. (Cult.), professor, expert at Higher School of Public Administration, RANEPA, Moscow, Russian Federation.

Mikhail P. Bocharov – Dr. Sc. (Soc.), Prof., Deputy General Director of the Institute of Regional Problems. Moscow, Russian Federation.

Aleksandr N. Chumikov – Dr. Sc. (Pol.), Prof., Chief Researcher of the Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences, General Director of Chumikov PR and Consulting, Chairman of the Committee of Professional Education and Certification of the Russian Association of Public Relations. Moscow, Russian Federation.

Vladimir A. Evstafyev – Dr. Sc. (Philol.), Prof., Member of Russian Academy of Natural Sciences, Vice-President of the Association of Communicative Agencies of Russia. Moscow, Russian Federation.

Sergey G. Ivchenkov – Dr. Sc. (Soc.), Professor, Dean of the Faculty of Sociology, Saratov State University. Saratov, Russian Federation.

Argiro Kasotaki-Gatopoulou – Dr. Sc. (Philos.), Prof. of the University of Athens. Greece, Athens.

Ludmila V. Minaeva – Dr. Sc. (Philol.), Prof., Member of the Academy of Pedagogical and Social Sciences, President of the Public Relations Association. Moscow, Russian Federation.

Vyacheslav A. Mikhailov – Dr. Sc. (Hist.), Prof., Head of National and Federal Relations Department (RANEPA). Moscow, Russian Federation.

Konstantin I. Mikulski – Dr. Sc. (Econ.), Prof., Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences. Moscow, Russian Federation.

Rudolf G. Pihoya – Dr. Sc. (Hist.), Prof., Principal Researcher of the Institute of the Russian History, Russian Academy of Sciences. Moscow, Russian Federation.

Evgeny V. Romat – Dr. Sc. (Gov.), Prof. of Marketing and Advertising Department of the Kiev National Trade and Economic University, President of the Advertisers Academy of Ukraine. Kiev, Ukraine.

Oleg F. Shabrov – Dr. Sc. (Pol.), Prof. Head of the Politology and Policy Management Department (RANEPA). Moscow, Russian Federation.

Valery D. Solovey – Dr. Sc. (Pol.), Prof. Head of the Public Relations Department (MGIMO – University). Moscow, Russian Federation.

Slobodan Vukicevic – Dr. Sc., Prof. University Crne Gore. Podgorica, Montenegro.

Aleksandr S. Zapesotskiy – Dr. Sc. (Cult.), Prof. Correspondent Member of the Russian Academy of Sciences. St. Petersburg, Russian Federation.

Vladimir Y. Zorin – Dr. Sc. (Pol.), Prof., Deputy Director of the Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences. Moscow, Russian Federation.

■ ■ ■ СОДЕРЖАНИЕ

■ Коммуникология: современные проблемы коммуникативной практики

Богатырева Т.Г.

Зарубежный опыт коммуникации публичного сектора
в условиях COVID-19. 15

Михайлов В.А., Тупик Е.С.

Информационно-коммуникационные проблемы инновационной
деятельности в региональном вузе 29

Койдан Е.В.

Связь коммуникологии и актуальной фонетики
(на примере использования коммуникативных возможностей
звука в поэзии футуристов). 42

Ракова К.В.

Распространение практики самостоятельной онлайн-диагностики
здоровья: новые вызовы для коммуникации врача и пациента. 53

■ Социальная структура, социальные институты и процессы

Олешкова А.М.

Дискурс гендерной асимметрии в социальных сетях:
методология исследования 67

Юй Лань

Трансформация концепции «мягкой силы»
в политическом дискурсе КНР 79

Григорян Т.Р.

Социокультурные традиции в развитии экономики
(коммуникативный аспект) 89

■ Политическая социология

Воронцов С.А., Шарков Ф.И., Понеделков А.В.

Проблемы коммуникации между властью, обществом и СМИ
в сфере профилактики экстремизма. 99

Конов В.В.

Развитие диалога в сети как новый формат PR-деятельности
органов власти 112

Филиппов И.М.

Проблемы развития лидерского потенциала на региональном уровне	127
--	-----

■ Конфликтология

Зотов В.В., Алексеенко А.И.

Выявление социальных барьеров в этноконфессиональном пространстве публичных коммуникаций приграничных регионов	139
--	-----

Андриянова Т.В.

«Общественный диалог» в социокультурной среде и его управленческие перспективы в коммуникационной теории Б. Пирса и В. Кронена	151
--	-----

■ ■ ■ CONTENTS

■ Communicology: practical cases

Bogatyreva T.G.

Foreign Experience of Public Sector Communications in the Context of Global COVID-19 Pandemic.26

Mikhailov V.A., Tupik E.S.

Information and Communication Problems of Innovative Activity in a Regional University.40

Koydan E.V.

The Communicative Function of Phonetic Units in Russian Futurist Poetry51

Rakova K.V.

Expansion of Online Health Self-Diagnosis Practices: new challenges for doctor-patient communication64

■ Social Structure, Social Institutions and Processes

Oleshkova A.M.

Discourse of Gender Asymmetry in Social Media: methodology of research.76

Yu Lan

Transformation of the Concept of Soft Power in the Political Discourse of China87

Grigoryan T.R.

Sociocultural Tradition in Economic Development (communicative aspect)96

■ Political Sociology

Vorontsov S.A., Sharkov F.I., Ponedelkov A.V.

Problems of Communication between Government, Society and the Media in the Field of Extremism Prevention. 109

Konov V.V.

Dialogue in Internet Channels as a New Trend in PR Activity of Public Authorities 125

Filippov I.M.

Problems of Developing Leadership Potential at the Regional Level. 136

■ Conflict Resolution Studies

Zotov V.V., Alekseenko A.I.

Identification of Social Barriers in the Ethno-Confessional Space
of Public Communication of Border Regions 149

Andriyanova T.V.

Public Dialogue in the Socio-Cultural Environment and its Management
Perspectives in the Communication Theory of W. Barnett Pearce
and Vernon E. Cronen. 158

КОММУНИКОЛОГИЯ: СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ
КОММУНИКАТИВНОЙ ПРАКТИКИ

COMMUNICOLOGY: PRACTICAL CASES

■ ■ ■ Зарубежный опыт коммуникации публичного сектора в условиях COVID-19¹

Богатырева Т.Г.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), Москва, Российская Федерация.

Аннотация: Коммуникация в публичном секторе является ключевым инструментом реагирования на внезапные кризисы. Она позволяет проверять интерпретации происходящего в соответствии с меняющимися обстоятельствами и предотвращать риски необратимых обязательств при принятии управленческих решений органами власти в условиях, когда пандемический кризис высоко поднял планку их ответственности по защите своих граждан. COVID-19 рассматривается автором как точка отсчета в преобразовании традиционных коммуникационных схем и институционального закрепления новых коммуникативных практик и моделей кризисной коммуникации. Организации публичного сектора сталкиваются с другими проблемами по сравнению с частными, поскольку на них влияют социальные структуры и динамика власти и более высокий уровень контроля со стороны СМИ. Пандемия ускорила процессы медийной конвергенции и определила в нем коммуникационную коллаборативную стратегию развития кризисных коммуникаций в публичном секторе. Начавшаяся институционализация кризисных коммуникаций делает возможным систематизацию коммуникационных стратегий и повышение эффективности используемых инструментов и средств для правильной организации кризисной коммуникации в публичном секторе. Сердцевиной современных кризисных коммуникаций становятся социальные медиа, которые, по сути, приравнены к традиционным СМИ и вступили с ними в прямую конкуренцию, в первую очередь, благодаря возможностям мониторинга кризисных проблем и децентрализованным быстрым коммуникациям. Чтобы не потерять контроль над процессом информирования населения в условиях кризиса, власти должны действовать в соответствии со сложным коммуникационным сценарием. Модель кризисной коммуникации для публичного сектора пока только формируется. Она должна получить новую концептуализацию во все более персонализированном, эмоциональном и гибридном медиа-ландшафте.

Ключевые слова: кризисная коммуникация, пандемия, COVID-19, публичный сектор, модели, медиатизация, социальные сети

Для цитирования: Богатырева Т.Г. Зарубежный опыт коммуникации публичного сектора в условиях COVID-19 // Коммуникология. 2021. Том 9. №1. С. 15-28. DOI 10.21453/2311-3065-2021-9-1-15-28.

Сведения об авторе: Богатырева Татьяна Георгиевна – доктор культурологии, профессор, ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Современные технологии в государственном управлении» Института «Высшая школа государственного управления» РАНХиГС. Адрес: 119571, Россия, г. Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: bogatyreva-tg@ranepa.ru.

Статья поступила в редакцию: 13.01.2021. *Принята к печати:* 21.02.2021.

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Действия органов власти по разработке кризисных стратегий в условиях пандемического кризиса осложнены беспрецедентными факторами неопределенности и нестабильности. В связи с этим возникает необходимость применять стратегии, устойчивые перед лицом перемен и не позволяющие принять органам власти на себя необратимые обязательства. Это выдвигает на передний план важность такого фактора преодоления кризиса как коммуникация [Ansell, Boin] при принятии управленческих решений в условиях, когда пандемический кризис высоко поднял планку их ответственности органов власти по защите своих граждан [Comfort, Каруси, Ко, Menoni, Siciliano].

В течение длительного времени коммуникация в публичном секторе оставалась неизменной в отношении ее формы, функций, моделей и содержания [Fredriksson, Pallas]. В условиях пандемического кризиса обострилась необходимость всестороннего взгляда на коммуникационную среду, на контексты, политику, цели, проблемы, которые формируют коммуникацию, а также меняющиеся ожидания граждан и заинтересованных сторон.

Нельзя не признать, что поле коммуникационных практик публичного сектора никогда не оставалось без внимания ученых, однако, его анализ все еще ограничен с точки зрения качества [Canel, Luoma-aho 2019: 11]. Это в том числе сказывается на неадекватной экстраполяции моделей частного сектора на публичные организации в результате ориентации на идеологию внедрения в госуправление принципов менеджмента [Fredriksson, Pallas]. Тем не менее очевидно, что организации публичного сектора сталкиваются с другими проблемами по сравнению с частными, поскольку на них влияют социальные структуры, динамика власти и более высокий уровень контроля со стороны СМИ, что еще слабо отражается в исследованиях. Если кризисные коммуникации в частном секторе необходимы для управления репутацией, защиты имиджа и бизнес процессов, то для органов власти важно служить общественному благу, используя коммуникацию для воздействия на знания, отношения и поведение людей [Myoung-Gi Chon; Fredriksson, Pallas].

В результате событий, которые происходят сегодня в мире, многие организации публичного сектора подвергаются сложным вызовам, по сути трансформируясь в рискованные организации, кризисная коммуникация же играет ключевую роль в процессе трансформации [Luoma-aho, Canel 2020: 229]. Знания в этой области крайне важны, поскольку организации публичного сектора несут наивысшую ответственность за подготовку, информирование и управление крупномасштабными кризисными событиями и отвечают за то, чтобы обеспечить граждан и кризисных менеджеров своевременной и адекватной информацией [Olsson, Eriksson].

COVID-19 как точка отсчета для новых подходов к коммуникациям

Центральным фактором развития коммуникаций в публичном секторе, обусловившим далеко идущие для их трансформации последствия, стала пандемия

COVID-19. Феномен COVID-19 изменил то, как население относится к информации в целом и к медицинской информации.

Ключевым компонентом эффективного реагирования на пандемию во всех странах является коммуникация между органами власти, медицинскими работниками, учеными, средствами массовой информации и общественностью, а критическим фактором – доверие, которое складывается в этом общении. Именно доверие оказывает влияние на поведение граждан, включая приверженность профилактическим мерам во время COVID-19 [Porat, Nyrup, Calvo, Paudyal, Ford].

Британские ученые в своем исследовании (август 2020 г.) сравнили уровень доверия к правительствам в разных странах, выявили влияние коммуникации в общественном здравоохранении на благополучие людей и устойчивое изменение поведения. На примере кейса о противоречивых сообщениях, которые получали граждане во время COVID-19, ими подчеркнута важность контекстуализации коммуникационных стратегий для различных групп населения и вовлечения общественности в процесс принятия решений, отрицания способа решения вопроса инфодемии при помощи нисходящего от властей подхода и упрощения знаний. Эффективным подходом признан подход, исходящий из понимания информационных потребности аудитории и основывающийся на решениях, которые она должна принять с учетом местных обстоятельств. Исследователи считают коммуникационные стратегии Австралии, Германии и Тайваня четкими и способствующими доверию граждан. В США и Великобритании меньше доверяют официальной информации. Отмечено, что в Великобритании нечеткие политические формулировки привели к недоверию правительству, когда возник вопрос, не является ли проводимая в стране стратегия «коллективного иммунитета» преднамеренным «хладнокровным экспериментом в социальной инженерии»¹.

Исследования в Норвегии показали, что в качестве важнейших принципов эффективности деятельности органов власти во время пандемии были управление репутацией организаций публичного сектора и смысловое творчество, выражающееся в том числе в использовании таких символов, как солидарность, сплоченность и призыв к доверию к правительству. Этот подход соответствует норвежскому стилю управления, предполагающему вовлечение заинтересованных сторон. Фокус исследования – то, как политические и профессиональные лидеры общались с общественностью во время кризиса, определяли ситуацию и обосновывали новые правила поведения граждан. В целом кризисная коммуникация в Норвегии характеризовалась сильными культурными чертами, достаточно четкими и своевременными сообщениями и советами относительно действий, основанных на экспертных знаниях и предоставленных заслуживающих доверия источниках.

¹ The Real Reason the UK Government Pursued “herd immunity” – and Why It Was Abandoned <https://www.newstatesman.com/politics/uk/2020/04/real-reason-uk-government-pursued-herd-immunity-and-why-it-was-abandoned>; Porat T., Nyrup R., Calvo R.A., Paudyal P., Ford E. (2020). Public Health and Risk Communication During COVID-19 – Enhancing Psychological Needs to Promote Sustainable Behavior Change. *Front. Public Health* 8: 573397.

вающими доверия руководителями. Политические лидеры сумели сбалансировать временное удержание информации с потребностью в прозрачности. Главный урок заключается в том, что эффективность в борьбе с пандемией обусловлена высоким уровнем доверия граждан к правительству, стилем совместного принятия решений, успешным осмыслением и коммуникацией с общественностью [Christensen, Lægreid].

Обратим внимание на выводы ученых, проанализировавших работу норвежского министерства здравоохранения в аспекте осуществления коммуникации этим госорганом в условиях высокой персонализации медиа ландшафта [Figenschou, Thorbjørnsrud]. Даже если нормы прозрачности обязывают чиновников общаться с медиа аудиторией, то другие принципы государственной службы ограничивают содержание и сообщение выступлений в СМИ. Институциональные ограничения являются ключевым условием для понимания коммуникации в организациях публичного сектора. Необходимо искать способы, чтобы обеспечить демократическую легитимность во все более персонализированном и эмоциональном медиа-ландшафте, поскольку личные и эмоциональные аспекты играют здесь все более важную роль.

В связи с этим нельзя не отметить, что от лидеров COVID-19 потребовал продемонстрировать не только навыки эффективного планирования и координации, но и способность проявить коммуникативные аспекты кризисного лидерства, общаться ясно, честно, последовательно, убедительно и эмпатически, проявлять мужество и уверенность в условиях крайней неопределенности. При этом, если такие характеристики как харизма и решительность универсальны, то особенности связаны с соответствием коммуникации лидера культуре, ценностям своего общества. Так, например, высоко оценен эффективный стиль руководства министра Джасинды Ардерна (Новая Зеландия) за верное в этом отношении построение стратегии кризисных коммуникаций, сочетание гуманности, силы и сострадания, проявляемые в коммуникациях [McGuire, Cunningham, Reynolds, Matthews-Smith].

Высокий интерес вызывает способность сегодняшних пандемических событий трансформировать медиасистему и влиять на специфику использования различных инструментов органами власти в условиях, когда организации публичного сектора становятся все более медиатизированными. COVID-19 по сути породил и укрепил новую коммуникационную парадигму, ускорив трансформацию коммуникационного сектора. Центр изменений – обогащение традиционной коммуникации каналами, развивающимися в цифровых средах и захватывающими поток коммуникации, который идет параллельно дискурсу средств массовой информации. Это явление ломает традиционное изучение источников информации в кризисных ситуациях [Casero-Ripollés], усложняя коммуникационный сценарий. Несмотря на контрпродуктивную способность цифровых медиа создавать мистификации и фальшивые новости [Brennen, Simon, Howard, Nielsen], они востребованы как источники информации о COVID-19, о здоровье и о кризисе общественного здравоохранения. Сети, по сути, приравнены к тра-

диционным СМИ и вступили с ними в прямую конкуренцию, в первую очередь, благодаря возможностям мониторинга кризисных проблем и децентрализованным быстрым коммуникациям [Pérez-Escoda, Jiménez-Narros, Perlado-Lamo-de-Espinosa, Pedrero-Esteban].

Есть исследования, которые свидетельствуют не только о высокой социальной значимости медиасистемы в условиях кризиса, но и о возрождении роли традиционных средств массовой информации. Результаты онлайн-опросов группы исследовательского центра Pew Research Center в Соединенных Штатах подтверждают такое влияние COVID-19 на медиасистему (последние опросы лонгитюдного исследования проводились в марте 2020 года и касались влияния COVID-19 на информационную практику граждан). В исследовании утверждается, что вспышка коронавируса восстановила часть журналистского авторитета СМИ в период кризиса и их роль в медиасистеме, заставила общественность выбирать устоявшиеся источники информации с давней историей, в частности, телевидение, привлекла к потреблению информации пользователей, которые ранее не были связаны с новостями, таких как молодежь, необразованные люди. Несмотря на то, что традиционные СМИ имеют самый высокий процент потребления новостей и доверия, цифровые СМИ испытывают значительный рост по сравнению с периодом до кризиса здравоохранения, что, по мнению ученых, свидетельствует о полностью установившемся симбиотическом сосуществовании старых и новых медиа. Потребление новостей представлено в исследовании как важнейший процесс участия информированных граждан в общественных делах, а сами новости важными для артикуляции проблем публичной сферы, а также достижения внутреннего равенства, доступа к информации и в целом для развития демократии [Casero-Ripollés].

В условиях кризиса остро встает такой сложный вопрос о том, как коммуникационные усилия могут быть идеально приспособлены к целевой аудитории. Здесь уместно упомянуть о влиянии культурных и этических факторов на социальный диалог, без учета которых трудно ожидать эффективности управления и соблюдения гражданами социальных норм во время пандемии. Этическое общение является критерием наилучшей коммуникационной практики, поскольку оно имеет решающее значение для репутации организации, ее авторитета и даже морального духа сотрудников [Jin, Pang]. Не менее важна и адаптация ценностей, культур и систем убеждений к уникальным условиям стран [Porat, Nygup, Calvo, Paudyal, Ford]. Культурные факторы порождают значительные отличия кризисных управленческих стратегий в разных странах и, соответственно, стратегий и моделей коммуникации. Исследования опыта Восточной Азии (Южная Корея, Гонконг, Сингапур и материковый Китай) подчеркивают важность послушания граждан, восприимчивых к политике принуждения, несмотря на различия в их политических системах и уровне политического доверия. Это соответствие фундаментально заложено в отношениях между государством и обществом [He, Shi, Liu], влияет на модель коммуникации и ее нарративы, часто усиленные нарративом военного времени [Yang Cheng]. Положив в основу

своего исследования два критических контекстуальных фактора: институциональные механизмы и национальная культурная ориентация [Bo Yan, Xiaomin Zhang, Long Wu, Heng Zhu, Bin Chen], китайские исследователи сравнили национальные стратегии реагирования на COVID-19 в Китае, Японии, Швеции и Франции (январь-март 2020 г.). Исследование основывалось на данных из общедоступных источников, таких как правительственные пресс-релизы и брифинги, новостные статьи. Выбор стран обусловлен тем, что их расходящиеся стратегии реагирования на COVID-19 привлекли внимание всего мира и вызвали глобальную дискуссию, несмотря на то, что все они являются унитарными государствами с одинаковым уровнем готовности к чрезвычайным ситуациям в области здравоохранения. По итогам исследования сделаны следующие выводы. Централизованные страны с однородной структурой управления, такие как Китай и Франция, могут легче осуществлять более жесткие ответные меры на кризис в отношении соблюдения мер сдерживания и изоляции, мер ранней диагностики во время кризиса, по сравнению с децентрализованными странами, такими как Швеция и Япония, где предпочитают слабые ограничения граждан. Люди в странах со «свободной» культурой проявляют меньшую терпимость к поведенческому вмешательству, в этих странах поощряется индивидуальная гибкость и принятие риска, согласующиеся с свободными культурными ценностями. Ключевым здесь является чувство личной ответственности индивидов и высокий уровень доверия, стратегии коммуникации строятся больше на рекомендациях, чем требованиях [Brennen, Simon, Howard, Nielsen; Velamoor, Persad].

Публичный сектор: типы и каналы коммуникации о COVID-19

Во время кризисных ситуаций органы власти применяют широкий спектр традиционных источников, типов и каналов коммуникации, заботясь о разных аудиториях граждан. В то же время кризисные коммуникации предлагают новые крайне важные в условиях кризисной неопределенности возможности для реагирования на стихийные бедствия. Сердцевиной современных кризисных коммуникаций становятся социальные медиа, справляющиеся с неординарной задачей мгновенного информирования населения, передачей сообщений в режиме реального времени. Появление платформ социальных сетей сделало коммуникацию о риске для здоровья нелинейным процессом [Raamkumar, Tan, Wee]. Спрос на коммуникацию такого рода растет, и органы власти рискуют потерять централизованный контроль над процессом информирования о рисках, если не будут действовать оперативно в соответствии с общественными настроениями и опорой на новые технологии.

Надо иметь в виду, что коммуникативные возможности, предоставляемые различными социальными сетями, постоянно развиваются и меняются. Во время кризиса несоответствие восприятия социальных сетей между государственными органами и гражданами может помешать распространению жизненно важной информации [Eriksson, Olsson]. Органы власти, используя социальные сети,

рискует выделять ресурсы для создания потенциала кризисной коммуникации на платформе, которую общественность не использует для тех же целей или не имеет к ней такого же уровня доверия. Специалисты по цифровым кризисным коммуникациям должны правильно использовать социальные сети с учетом ключевых аудиторий и их потребностей, а не применять заранее подготовленные, жесткие планы антикризисного управления и каналы связи. Поскольку представления пользователей о полезности социальных сетей различаются в зависимости от возраста и уровня владения технологиями, они выбирают разные социальные медиа. Так, например, молодые пользователи ориентируются на SNSs в качестве эффективного средства для связи с внешним миром, другие – на контент-ориентированные социальные сети, такие как Wiki, форумы и блоги [Eriksson, Olsson].

Важным инструментом коммуникации местных органов власти в период пандемии в Италии стал Facebook. Италия является одной из первых стран, зарегистрировавших самый высокий показатель инфицированных в мире, а также одной из первых стран, положительно отреагировавших на пандемию. Проанализировав страницы Facebook итальянских муниципалитетов с самыми высокими показателями смертности, вызванной COVID-19, итальянские исследователи выявили, как правительственная коммуникация через Facebook изменилась с точки зрения потоков и содержания на различных этапах пандемии COVID-19 (февраль – июнь 2020 г.). Была получена аналитика, отражающая, как органы местного самоуправления достигают соответствия потребностям граждан и осваивают новые способы коммуникации. Сделан вывод о том, что местные органы власти находятся на ранней стадии как приобретения навыков социальной коммуникации, так и разработки коммуникационной стратегии для укрепления своих прав, и что они использовали социальные коммуникации во время пандемии, не имея полного представления об их потенциале. В исследовании также отмечено, что содержание коммуникации удалось адаптировать к различным контекстам и фазам кризиса. Тон сообщений превратился из предписывающего во время высокой чрезвычайной ситуации в информативный, как только кризис стал менее серьезным. Напротив, стиль общения не менялся на разных этапах: посты, как правило, состояли из короткого текста и многочисленных ссылок с большим использованием инфографики, что идеально как система доставки сообщений короткого формата, а также видео – всего, что делало коммуникацию динамичной и простой, привлекающей внимание граждан. Чтобы коммуникация с гражданами была построена как стратегическая цель для включения в планы развития местных органов власти, считают ученые, необходимо перейти от традиционных односторонних средств коммуникации к интерактивным цифровым инструментам, а в дальнейшем – к более сложной модели, которая требует интеграции вертикальных и горизонтальных источников информации, использования наряду с официальными данными данных, полученных неправительственными организациями [Mori, Barabaschi, Cantoni, Virtuani].

Коллаборативные технологии и социальные сети были важны для привлечения граждан и правительств к практике совместного производства информации во время кризиса COVID-19 в Испании. Несмотря на дебаты о конфиденциальности и слежке, широкое использование новых коммуникационных технологий во время кризиса здравоохранения в Испании, как и многих других странах, было ориентировано на содействие сотрудничеству граждан с государственными органами, главным образом в самые трудные моменты изоляции. Примером является инициатива использования властями в социальных сетях хештегов, в том числе #EsteVirusLoParamosUnidos в Twitter для предоставления критически важной информации, относящейся к кризису общественного здравоохранения. Нельзя в связи с разговором о сетевых испанских практиках не упомянуть и такой инновационный государственный проект, как Frena la Curva (гражданская платформа, где участники, от гражданского общества дополняли информацию правительства и основных государственных служб). Хотя совместные сетевые практики реализуются не без проблем, очевиден потенциал таких инструментов для развития совместного управления информацией и достижения социально-го эффекта [Criado, Guevara-Gomez, Villodre].

Существуют межстрановые исследования коммуникационных стратегий органов власти в Facebook. На примере изучения деятельности органов общественного здравоохранения Сингапура, США и Англии (PHAs) сделана попытка ответить на вопросы, связанные с обращением к Facebook во время пандемии: как часто используют Facebook для коммуникации рисков; каковы были основные темы сообщений PHAs о COVID-19; являются ли настроения и эмоции подписчиков Facebook реакцией на сообщения от PHAs; насколько распространены комментарии, которые могут спровоцировать общественные беспорядки. Исследование базировалось на сообщениях и комментариях Ministry of Health (MOH) в Сингапуре, Centers for Disease Control and Prevention (CDC) в США, and Public Health England (PHE) в Великобритании (2019-2020 гг.) Публикации PHAs в Facebook отразили расширение коммуникационных стратегий их правительств в отношении COVID-19. Выявлены различия в информационно-пропагандистских усилиях трех развитых стран на основе Facebook. Различия были обнаружены как с точки зрения частоты постов, так и с точки зрения затронутых в них тем. Прослеживалось также изменение настроений в ответ на конкретные информационно-пропагандистские мероприятия. Оказалось, что MOH вело свою информационно-пропагандистскую работу в Facebook более интенсивно по сравнению с CDC и PHE [Raamkumar, Tan, Wee].

К вопросу о модели кризисных коммуникаций в публичном секторе

Одной из отличительных особенностей кризисов становится изменение моделей коммуникации, когда отработанные схемы уже не работают и необходимы новые подходы к кризисным коммуникациям в публичном секторе, выходящие за традиционные рамки [Olsson]. Более того, в процессе современных коммуни-

кационных взаимодействий высок риск конфликтности типичных практик, применимых в условиях прогнозируемых кризисов, и новых коммуникационных практик.

Пандемия ускорила процессы медийной конвергенции и провозгласила коммуникационную коллаборативную модель с гегемонией тех, кто овладел потоком информации через основные социальные сети [Pérez-Escoda, Jiménez-Narros, Perlado-Lamo-de-Espinosa, Pedrero-Esteban]. Однако модели кризисной коммуникации, адекватные трендам современного развития коммуникативных практик в публичном секторе все еще находятся на ранней стадии разработки, существуют пробелы в том, как коммуникационные стратегии реализуются в быстро меняющемся медийном ландшафте. Ряд проблем государственных организаций вовсе не открыт для изучения из-за институциональных ограничений или из-за сложности отразить организацию и процессы официальных коммуникаций [Figenschou, Thorbjørnsrud].

1. Необходимость новых теорий и моделей коммуникации для публичного сектора важна и потому, что коммуникации органов власти имеют не только положительные эффекты, но и риски. Они связаны прежде всего с тем, что просеивание информационной среды на предмет фальсификаций не всегда достигает результата, что ставит вопрос о пригодности систем управления для реагирования на экзистенциальные вызовы [Deslatte]. Важно и то, что коммуникативная деятельность в условиях кризиса может носить экспрессивный характер или таить в себе риск игнорирования эмоций людей, особенно пострадавших от пандемии, что может повлечь за собой претензии к государственным должностным лицам, которые не соблюли требования относительно формы и содержания коммуникации [Quinn].

2. Определенные риски существуют и в связи с тем, что содержание, размещенное органами власти в сети, может подвергнуться некорректным комментариям и манипуляциям разного рода. Это требует от органов власти большей способности к контролю за такими действиями. В случае практики закрытия возможностей обратной связи встает задача примирить потенциал, предоставляемый цифровыми технологиями, с открытостью по отношению к гражданам. Ведь даже тогда, когда интерактивность кажется невозможной из-за специфических аспектов некоторых предоставляемых услуг или контента, двусторонняя модель может быть реализована, как путем внимания к потребностям и идентичности собеседника, так и путем настройки информации в содержании общения [Ducci, Materassi, Solito].

Преодоление рисков и упорядочивание коммуникаций в организациях публичного сектора отражает идущую институционализацию кризисных коммуникаций, важную для совершенствования управления ими. Ряд исследователей делают вывод о том, что уже наступает третья фаза институционализации, которую они видят в том, что социальные медиа включаются в коммуникационную стратегию организации и что принимаются конкретные меры для их использования в условиях, когда пандемия увеличила коммуникационные потребности

органов власти, а коммуникация «вырывается» из своих традиционных границ [Ducci, Materassi, Solito].

Человекоцентричность сегодня становится сутью новой коммуникационной парадигмы, расширяющей возможности общения граждан и власти за счет официальных сайтов и порталов, страниц в социальных сетях, различного рода приложений мгновенного обмена сообщениями [Rogova, Scott]. Такой подход может быть реализован через модель множественного посредничества, отражающую идею полного сотрудничества между органами власти и общественностью, чтобы побудить людей принять эффективные меры защиты для борьбы с пандемией. Эта модель, дает ответ на то, какие правительственные и индивидуальные факторы являются детерминантами и как они взаимодействуют с защитным поведением против COVID-19. Для эффективной борьбы с пандемией COVID-19 органы власти должны принимать меры в сочетании с индивидуальными факторами, уделять приоритетное внимание распространению позитивной информации, принимать меры по опровержению слухов, поощрять людей повышать свою самоэффективность с помощью получаемой информации для соблюдения антипандемического поведения [Dai, Fu, Meng, Liu B., Li, Liu X.]. Отправной точкой для разработки конкретной стратегии коммуникации в области общественного здравоохранения должно стать укрепление благополучия и основных психологических потребностей человека, потенциально способных преодолеть инфодемию и способствовать эффективному и устойчивому изменению поведения во время пандемий. По результатам исследования, одобренного Институтом психологии Китайской академии наук (февраль – март 2020 года), для преодоления негативных явлений предлагаются рекомендации, которые направлены на поддержку основных психологических потребностей человека и устойчивого изменения поведения и которые могут быть положены в основу модели кризисной коммуникации. Они формулируются следующим образом: – создание благоприятного климата в здравоохранении как регулирование, заставляющее человека понимать и одобрять важность адекватного поведения в условиях пандемии; – выбор в пределах ограничений, проактивность во время кризиса, что может помочь восстановить чувство контроля и преодолеть эмоции беспомощности и безнадежности; – коммуникационный подход «снизу вверх» при создании сообщений, интегрированных в обстоятельства людей, чтобы было легче им следовать, а не двусмысленных и общих указаний; – мотивация ограничивать свою повседневную жизнь, сознавая, что другие люди нуждаются в защите, противостояние индивидуалистическому поведению; – отчетливое понимании того, что известно и что неизвестно, чтобы не порождать слухи, путаницу, спекуляции и недоверие [Dai, Fu, Meng, Liu B., Li, Liu X.].

Возлагая надежду на то, что пандемия может стать поворотным моментом для коммуникаций публичного сектора, исследователи предлагают также интерпретационную динамическую модель, которая вводит этику в качестве нового, основного фактора коммуникации в публичном секторе. Во время неопределенности новые траектории коммуникации должны охватывать этический подход,

чтобы стать устойчивыми, способными реагировать на потребности и ожидания граждан и поддерживать ответственные отношения со средствами массовой информации [Lovari, D'Ambrosi, Bowen]. Помещая коммунитарные ценности и этику в центр кризисных коммуникаций, исследователи считают, что люди с большей вероятностью будут принимать решения в своей повседневной жизни, которые гарантируют благополучие других и поддержание отношений [McGuire, Cunningham, Reynolds, Matthews-Smith], тем самым повышая самоэффективность в борьбе с инфекцией.

COVID-19 создал специфические коммуникационные требования для кризисных менеджеров публичного сектора из-за уникальных кризисных требований. Классик кризисной коммуникации Т. Кумбс сформулировал шесть основных коммуникативных требований, которые, по его мнению, формируют кризисную коммуникацию в условиях COVID-19 и имеют последствия для будущей кризисной коммуникации: тревога, эмпатия, эффективность и усталость, охват и угроза. Эти требования отражают самые сложные проблемы, с которыми организации публичного сектора столкнулись сегодня и столкнутся во время любого кризиса общественного здравоохранения. Подчеркивая, что не существует универсального решения для коммуникации в области общественного здравоохранения и что следует избегать соблазна перечисления лучших практик, Т.Кумбс формулирует главный вопрос к организациям публичного сектора. Он заключается в следующем: «Какие результаты дал опыт COVID-19 организациям публичного сектора, столкнувшимся с кризисом общественного здравоохранения?» [Coombs].

Этот вопрос требует дополнительных исследований для создания соответствующей теории и моделей оказания чрезвычайной помощи во время стихийных бедствий, вспышках заболеваний, обеспечения готовности к кризисным ситуациям и управления ими. Модель кризисной коммуникации для публичного сектора призвана дать новую концептуализацию с учетом современного гибридного медиа ландшафта. Впереди, провозглашают исследователи, построение моделей коммуникаций, поддерживаемых искусственным интеллектом, применение социального зондирования, цифрового волонтерства и краудсорсинга [Bukar, Jabar, Sidi, Nor, Abdullah, Othman], способных инновационно «подпитать» сетевым опытом традиционные теоретические модели кризисной коммуникации.

Заключение. В современной науке пока только начинают формироваться подходы к кризисным коммуникациям публичного сектора. Происходит сдвиг парадигмы исследований от функциональной к организационно-центричной с фокусом на этике, культурно-специфических чертах, кризисных эмоциях, выражающихся по отношению к различным организациям и в различных каналах коммуникации [Jin, Austin].

Пандемия ускорила процессы медийной конвергенции и определила в нем коммуникационную коллаборативную стратегию развития кризисных коммуникаций в публичном секторе. Начавшаяся институционализация кризисных коммуникаций делает возможным систематизацию коммуникационных стратегий и

повышение эффективности используемых инструментов и средств для правильной организации кризисной коммуникации в публичном секторе.

■ ■ ■ Foreign Experience of Public Sector Communications in the Context of Global COVID-19 Pandemic¹

Bogatyreva T.G.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Moscow, Russia.

Abstract. Communication in the public sector is a key tool for responding to sudden crises. It allows to check the interpretation of what is happening in accordance with changing circumstances and prevent the risks of irreversible obligations, when the authorities make management decisions in conditions of the pandemic crisis, which has raised the bar of their responsibility to protect citizens. COVID-19 is considered by the author as a starting point in the transformation of traditional communication schemes and the institutional consolidation of new communication practices and models of crisis communication. Public sector organizations face different challenges in comparison to private ones, because they are influenced by social structures, power dynamics and a higher level of media control. The pandemic accelerated the processes of media convergence and defined in it a communication collaborative strategy for the development of crisis communications in the public sector. The beginning institutionalization of crisis communications makes it possible to systematize communication strategies and increase the effectiveness of the tools and means used for the proper organization of crisis communication in the public sector. The core of modern crisis communications is social media, which, in fact, is equated with traditional media and entered into direct competition with them, primarily due to the ability to monitor crisis problems and decentralized rapid communications. To keep control over the process of informing the citizens in a crisis, the authorities must act in accordance with a certain communication scenario. The model of crisis communication for the public sector is still being formed. It needs to be re-conceptualized in an increasingly personalized, emotional, and hybrid media landscape.

Keywords: crisis communication, pandemic, COVID-19, public sector, models, mediatization, social network

For citation: Bogatyreva T.G. (2021). Foreign Experience of Public Sector Communications in the context of Global COVID-19 Pandemic. *Communicology (Russia)*. Vol. 9. No.1. P. 15-28. DOI 10.21453/2311-3065-2021-9-1-15-28.

Inf. about the author: Bogatyreva Tatiana Georgievna – Dr.Sc. (Cult.), Professor, Leading researcher of the Research Laboratory «Modern Technologies in Public Administration», Graduate School of Public Administration, RANEPA. Address: 119571, Russia, Moscow, Vernadsky av., 84. E-mail: bogatyreva-tg@ranepa.ru.

Received: 13.01.2021. *Accepted:* 21.02.2021.

¹ The research was prepared as part of the state assignment at Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

References

- He A.J., Shi Y., Liu H. (2020). Crisis Governance, Chinese Style: Distinctive Features of China's Response to the Covid-19 Pandemic. *Policy Design and Practice*. No. 3(3). P. 242-258.
- Ansell C., Boin A. (2019). Taming Deep Uncertainty: The Potential of Pragmatist Principles for Understanding and Improving Strategic Crisis Management. *Administration & Society*. No. 51(7). P.1079-1112.
- Raamkumar A.S., Tan S.G., Wee H.L. (2020). Measuring the Outreach Efforts of Public Health Authorities and the Public Response on Facebook During the COVID-19 Pandemic in Early 2020: Cross-Country Comparison. *Journal of Medical Internet Research*. Vol. 22, No. 5: e19334.
- Bo Yan, Xiaomin Zhang, Long Wu, Heng Zhu, Bin Chen (2020). Why Do Countries Respond Differently to COVID-19? A Comparative Study of Sweden, China, France, and Japan. *The American review of public administration*. Vol. 50. No.6-7. P.762-769.
- Brennen S., Simon F.M., Howard P., Nielsen R. (2020). Types, Sources, and Claims of COVID-19 Misinformation. Reuters Institute for the Study of Journalism: Oxford, UK [el. source]: <https://reutersinstitute.politics.ox.ac.uk/types-sources-and-claims-covid-19-misinformation>
- Bukar U.A., Jabar M.A., Sidi F., Nor R.N., Abdullah S., Othman M. (2020). Crisis Informatics in the Context of Social Media Crisis Communication: Theoretical Models, Taxonomy, and Open Issues. *IEEE Access*. Vol. 8. P. 185842-185869.
- Casero-Ripollés A. (2020). Impact of Covid-19 on the Media System. Communicative and Democratic Consequences of News Consumption During the outbreak. *El Profesional de la Información*. Vol. 29 (2): e290223.
- Christensen T., Lægread P. (2020). The Coronavirus Crisis – Crisis Communication, Meaning-making and Reputation Management. *International Public Management Journal*. No.23:5. P. 713-729.
- Comfort L.K., Kapucu, N., Ko K., Menoni S., Siciliano M. (2020). Crisis Decision-Making on a Global Scale: Transition from Cognition to Collective Action under Threat of COVID-19. *Public Admin Rev*. 80: 616-622.
- Coombs W.T. (2020). Public Sector Crises: Realizations from Covid-19 for Crisis Communication. *Partecipazione e Conflitto*. Vol.13. No.2. P. 990-1001.
- Criado J. I., Guevara-Gomez A., Villodre J. (2020). Using Collaborative Technologies and Social Media to Engage Citizens and Governments during the COVID-19 Crisis. The Case of Spain. *Digital Government: Research and Practice*. No.1, article 30.
- Dai B., Fu D., Meng G., Liu B., Li Q., Liu X. (2020). The Effects of Governmental and Individual Predictors on COVID-19 Protective Behaviors in China: A Path Analysis Model. *Public Admin Rev*. No.80. P. 797-804.
- Deslatte A. (2020). The Erosion of Trust During a Global Pandemic and How Public Administrators Should Counter It. *The American Review of Public Administration*. Vol. 50. No.6-7. P.489-496.
- Ducci G., Materassi L., Solito L. (2020). Re-Connecting Scholars' Voices. An Historical Review of Public Communication in Italy and New Challenges in the Open Government Framework. *PACO*. Vol. 13. No.2. P. 1062-1084.
- Eriksson M., Olsson E.-K. (2016). Facebook and Twitter in Crisis Communication: A Comparative Study of Crisis Communication Professionals and Citizens. *Journal of Contingencies Crisis Management*. No. 24. P. 198-208.
- Figenschou T.U., Thorbjørnsrud K. (2018). Mediated Agency, Blame Avoidance and Institutional Responsibility: Government Communication in a Personalised Media Landscape. *Scandinavian Political Studies*. Vol.41. P. 210-232.
- Fredriksson M., Pallas J. (2018). Public Sector Communication. In: The International Encyclopedia of Strategic Communications. Eds: R.L.Heath, W.Johansen. Wiley-Blackwell.
- Rogova G., Scott P., eds. (2016). Fusion Methodologies in Crisis Management Higher Level Fusion and Decision Making. Springer.

Jin V., Austin L. (2020). Crisis Communications and Social Media: Short History of the Evolution of Social Media in Crisis Communications. *Crisis Communication*. Eds.: F. Frandsen, W. Johansen. Walter de Gruyter GmbH & Co KG. P. 477-493.

Jin Y., Pang A., Smith J. (2018). Crisis communication and ethics: the role of public relations. *Journal of Business Strategy*. Vol. 39(1). P. 43-52.

Lovari A., D'Ambrosi L., Bowen Sh. A. (2020). Re-Connecting Voices. The (New) Strategic Role of Public Sector Communication After the Covid-19 Crisis. *PACO*. Vol. 13. No.2. P. 970-989.

McGuire D., Cunningham J.E.A., Reynolds K., Matthews-Smith G. (2020). Beating the Virus: an Examination of the Crisis Communication Approach Taken by New Zealand Prime Minister Jacinda Ardern During the Covid-19 Pandemic. *Human Resource Development International*. 23:4.361-379.

Mori E., Barabaschi B., Cantoni F., Virtuani R. (2020). Local Governments' Communication Through Facebook. Evidences from COVID-19 Pandemic in Italy. *J Public Aff*. Nov 25, e2551.

Myoung-Gi Chon (2019). Government Public Relations when Trouble Hits: Exploring Political Dispositions, Situational Variables, and Government-public Relationships to Predict Communicative Action of Publics. *Asian Journal of Communication*. V. 29 (5): 424-440

Olsson E.-K., Eriksson M. (2020). Crisis Communications in Public Organizations. In: Crisis Communication / Eds.: F. Frandsen, W. Johansen. Walter de Gruyter GmbH & Co KG. P. 419-438.

Olsson, E.-K. (2014). Crisis Communication in Public Organisations: Dimensions of Crisis Communication Revisited *Journal of Contingencies and Crisis Management*. Vol. 22(2):113-125.

Pérez-Escoda A., Jiménez-Narros C., Perlado-Lamo-de-Espinosa M., Pedrero-Esteban L.M.(2020). Social Networks' Engagement During the COVID-19 Pandemic in Spain: Health Media vs. Healthcare Professionals. *Int. J. Environ. Res. Public Health*. 17(14): 5261.

Porat T., Nyrop R., Calvo R.A, Paudyal P., Ford E. (2020). Public Health and Risk Communication During COVID-19 – Enhancing Psychological Needs to Promote Sustainable Behavior Change. *Frontiers in Public Health* 8: 573397.

Canel M.-J., Luoma-aho V., eds. (2019). Public Sector Communication: Closing Gaps Between Citizens and Public Organizations. Wiley-Blackwell.

Quinn P. (2018). Crisis Communication in Public Health Emergencies: The Limits of "Legal Control" and the Risks for Harmful Outcomes in a Digital Age. *Life Sciences, Society and Policy*. Vol. 14 (1).

Luoma-aho V., Canel M.-J., eds. (2020). The Handbook of Public Sector Communication. Wiley-Blackwell.

Velamoor V., Persad E. (2020). Covid-19: Cultural Perspectives. *Asian Journal of Psychiatry*. Oct. 53: 102439.

Yang Cheng (2020). The Social-Mediated Crisis Communication Research: Revisiting Dialogue between Organizations and Publics in Crises of China. *Public Relations Review*. Vol. 46(1): 101769.

■ ■ ■ Информационно-коммуникационные проблемы инновационной деятельности в региональном вузе

Михайлов В.А., Тупик Е.С.

Тверской государственный университет, Тверь, Российская Федерация.

Аннотация. В статье рассматриваются особенности инновационной деятельности в системе высшего образования. Подводятся итоги преобразований, запланированных в «Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года», анализируется нынешнее состояние и перспективы развертывания инновационной деятельности, формулируются некоторые предложения. Анализируется коллективная природа субъекта инновационной деятельности в региональном вузе, а также проблематика взаимосвязей между его отдельными группами. Освещаются информационно-коммуникационные проблемы в ходе организации и осуществления вузовской инновационной деятельности, в частности, – в процессе формирования компетенций инновационной деятельности. Отдельно рассматривается проблематика коммерциализации результатов научной деятельности в региональных вузах страны. Широко используются конкретно-социологические данные для верификации выводов и положений. Основной вывод: инновационная деятельность в региональном вузе (особенно – в классическом университете) развивается медленно и с большими трудностями, в частности, – из-за многочисленных информационно-коммуникативных проблем взаимодействия и формирования корпоративной инновационной культуры.

Ключевые слова: высшее учебное заведение, инновация, инновационная деятельность, инновационная культура, инновационное развитие, инновационный климат, проблемы инновационной деятельности

Для цитирования: Михайлов В.А., Тупик Е.С. Информационно-коммуникационные проблемы инновационной деятельности в региональном вузе // Коммуникология. 2021. Том 9. № 1. С. 29-41. DOI 10/21453/2311-3065-2021-9-1-29-41.

Сведения об авторах: Михайлов Валерий Алексеевич – заведующий кафедрой социологии, доктор философских наук, профессор; Тупик Елена Сергеевна – старший преподаватель кафедры социологии, заведующий Лабораторией социальных исследований ТвГУ. Адрес: 170000, Россия, г. Тверь, ул. Желябова, 33, Тверской государственный университет, кафедра социологии. E-mail: mikhaylov.va@tversu.ru, tupik.ES@tversu.ru.

Статья поступила в редакцию: 12.12.2020. *Принята к публикации:* 20.02.2021.

Закончился 2020 год, пора подводить некоторые итоги, в том числе – применительно к нынешнему состоянию и перспективам развертывания инновационной деятельности в высшей школе. В Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года (далее в тексте – Стратегия) одной из важнейших миссий системы высшего образования было провозглашено повсеместное формирование компетенций инновационной деятельности: «способность и готовность к непрерывному образованию, постоянному совершен-

ствованию, переобучению и самообучению, профессиональной мобильности, стремление к новому; способность к критическому мышлению; способность и готовность к разумному риску, креативность и предприимчивость, умение работать самостоятельно и готовность к работе в команде, готовность к работе в высоко конкурентной среде; широкое владение иностранными языками как коммуникационными инструментами эффективного участия в процессах глобализации, включая способность к свободному бытовому, деловому и профессиональному общению на английском языке»¹. Необходимо внимательно проанализировать, что удалось и что не удалось сделать за это время, какие существуют на данный момент проблемы и какие шаги следует предпринять, чтобы выявить, например, многочисленные информационно-коммуникативные препятствия.

При этом важно отметить, что многие проблемы одинаково значимы как для зарубежной, так и отечественной системы высшего образования. Сьюзен К. Уайт и Теодор С. Гликман в публикации «Инновации в высшем образовании: Последствия для будущего» отмечают: «Проблемы, стоящие сегодня перед высшим образованием, являются и новыми, и старыми. Гибкость, зрелость, финансовая ответственность и повышение эффективности сами по себе не являются инновационными. Однако сжимающийся мир, в котором мы живем...привносит новое понимание и актуальность в эти вопросы» [White, Glickman: 104]. Можно сослаться на целую группу современных зарубежных авторов, которые настойчиво актуализируют и привносят новое понимание разбираемую проблематику [Glickman; Dusst; Kwiek; Swanger; Winthrop; White; и др.]. Так, Дастин Свангер отмечает, что цифровые информационные сети делают доступ повсеместным (особенно в научных областях), поэтому исследователям больше не нужно находиться вместе и это снизит привлекательность многих университетов для экспертного состава [Swanger]. Эмаль Дусст и Ребекка Уинтроп, пытаясь ответить, что в настоящее время движет инновациями в высшем образовании, выделяют шесть долгоиграющих трендов [Dusst, Winthrop]. Некоторые известные зарубежные ученые одинаково активно и успешно выступают как на российских площадках, так и во многих других странах [Квик; Kwiek 2015; 2016 и др.].

Проблема развертывания инновационной деятельности в системе высшего образования с самых разных сторон анализируется и отечественными авторами [Андреев; Башмаков; Ефремова; Игнатова; Казакова; Налетова; и др.]. В специализированных журналах, на полях многочисленных конференций идет постоянная дискуссия, которая позволяет высвечивать как фундаментальные проблемы, так и решать ситуативные задачи. Так, О.А. Латуха и Ю.В. Пушкарев высказали мнение, что множество форм инновационной деятельности вуза можно свести к трем направлениям: деятельность по созданию инноваций как фактор развития инновационной деятельности вуза; обучение инновационной

¹ Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года. Минэкономразвития России. Москва, 2010 [эл. ресурс]: http://wiki.dataved.ru/knol/innovation-and-venture-capital/russian-innovations-program#Тoc_281234960.

деятельности как фактор воспроизводства инновационных кадров; образовательная деятельность как фактор поддержки и развития инноваций. При таком подходе основная роль вуза в реализации инновационных процессов заключается в разработке научно-технических идей и подготовки будущих высококвалифицированных кадров для инновационной экономики [Латуха, Пушкарёв: 46]. А.А. Башмаков мог бы ответить следующим образом: «Прагматизация высшего профессионального образования обусловлена тем, что образовательные учреждения ориентированы главным образом на: 1) запросы общества, 2) формирование образовательных программ на основе актуальных запросов работодателя, выступающих носителями самых современных компетенций и знаний в профессиональной области, 3) практикоориентированность. Основными востребованными инновационными технологиями становится: 1) трансляция реальных задач корпораций в образовательные учреждения в виде кейсов, подразумевающих командную работу в рамках реальных проектов; 2) применение симуляторов профессиональной деятельности» [Инновационные процессы в науке и образовании: 15]. Подобные общетеоретические выкладки позволяют высветить предметную площадку для заинтересованного общения и совместного разрешения спорных исследовательских решений, высвечивают существо предмета исследований, выводят на существенные признаки исследуемых феноменов, предопределяют направленность эмпирической интерпретации понятий и, тем самым, задают направленность конкретно-социологическим исследованиям.

Кафедра социологии и Лаборатория социальных исследований Тверского государственного университета работают в области социологии инноваций с начала 2010-х гг., когда была предпринята первая большая работа на тему «Социологическое измерение готовности вуза к инновационному развитию» в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (Госконтракт № 16.740.11.0709). В течение почти десяти лет в мониторинговом режиме проводятся фундаментальные и прикладные исследования, которые позволили не только в той или иной мере проверить некоторые важные теоретические выкладки в данной области исследований, но и представить широкий спектр первичных данных для сравнительного анализа инновационной деятельности региональных вузов страны.

Так, проведенные недавно фокус-группы среди студентов Тверского государственного университета показали следующее ранговое распределение важности указанных выше компетенций (в деле развертывания инновационной деятельности в региональном вузе):

1) способность и готовность к непрерывному образованию, постоянно-му совершенствованию, переобучению и самообучению, профессиональной мобильности;

2) способность и готовность к разумному риску, креативность и предприимчивость, умение работать самостоятельно и готовность к работе в команде, готовность к работе в высоко конкурентной среде;

3) способность к критическому мышлению;

4) стремление к новому;

5) широкое владение иностранными языками как коммуникационными инструментами эффективного участия в процессах глобализации, включая способность к свободному бытовому, деловому и профессиональному общению на английском языке

Удивительно, но последовательность, заданная в тексте Стратегии, практически полностью повторяет ранговую шкалу, полученную по результатам фокус-групп среди обучающихся в университете. При этом формирование нужных качеств и навыков, по мнению студентов, происходит исключительно в рамках учебного процесса, а в качестве основных сдерживающих моментов в привлечении к инновационной деятельности и, следовательно, формирования компетенций инновационной деятельности, были выделены следующие позиции: отсутствие желания, интереса, низкая степень мотивации.

Далее необходимо отметить следующее. В соответствии с приказом Минобрнауки Российской Федерации от 12 сентября 2013 года № 1061 об утверждении перечней специальностей и направлений подготовки высшего образования (с изменениями на 30 августа 2019 года) область образования «Науки об обществе» включает 7 укрупненных групп специальностей и направлений (УГСН)¹. Анализ видов деятельности/типов задач профессиональной деятельности, реализация которых осуществляется при подготовке выпускников в данной области образования показывает, что инновационный вид деятельности у многих направлений или совсем не представлен, или представлен недостаточно полно. В этом отношении можно заключить, что информационно-коммуникативная взаимосвязь между постулируемыми запросами экономического развития (требования той же стратегии) и проводимой политикой в системе высшего образования (уровень и способы формирования соответствующих компетенций) выглядит пока не вполне отлаженной и оперативной.

Компетентностный подход предполагает привитие трех групп компетенций. Однако «заказчики» этих компетенций разные и они, по необходимости, предъявляют различные требования к выпускникам. Например, в выработке общекультурных (сопоставимые качественные характеристики выпускников всех вузов страны) заинтересовано общество в целом (в лице Минобрнауки). Существо общепрофессиональных компетенций задает то или иное профессиональное сообщество (как правило, в рамках того или иного профессионального стандарта). А вот процесс выработки и закрепления у обучающихся соответствующих профессиональных компетенций напрямую зависит от местного рынка труда, где трудоустраивается большинство выпускников региональных вузов.

Можно видеть, что общепрофессиональные компетенции с большим трудом стыкуются с профессиональными стандартами (например, социологи до

¹ Приказ Минобрнауки Российской Федерации от 12 сентября 2013 года № 1061 об утверждении перечней специальностей и направлений подготовки высшего образования (с изменениями на 30 августа 2019 года) [эл. ресурс]: <http://docs.cntd.ru/document/499045862>.

сих пор ждут утверждения проекта соответствующего профстандарта «Специалист по организации и проведению социологических исследований»), а работодатели регионального рынка труда не находят достаточного времени и не демонстрируют достаточного потенциала для плодотворной взаимовыгодной информационно-коммуникативной деятельности в этой плоскости взаимодействия. Многие исследователи рынка труда социологов справедливо указывают на то, что добрая половина рабочих мест, куда приходят молодые специалисты, требует применения, в основном, универсальных компетенций. А вот большинство представителей научно-исследовательских организаций предпочитают считать главными профессиональные компетенции. В вузах часто настаивают на умениях выполнять педагогические и методические функции. В специализированных организациях отмечают важность практических навыков полевой работы. И все это наглядно представляет еще одну линию раскола корпуса работодателей, научного сообщества и системы высшего образования.

Еще один момент, который чрезвычайно важен именно для инновационной деятельности системе образования. Согласно распространенной точкой зрения, новация становится инновацией только в том случае, если приобретает широкое распространение, в частности, приносит коммерческую отдачу. В Стратегии было заявлено: «В сфере коммерциализации результатов научной деятельности основным координирующим органом со стороны государства станет Минэкономразвития России. Главным инструментом обеспечения координации станет эффективное функционирование «инновационного лифта» – сети созданных государством институтов развития, поддерживающих инновационные проекты на всех стадиях развития. В рамках такого «инновационного лифта» будет создан механизм обмена информацией о перспективных инновационных проектах, налажена «передача» таких проектов от одного института развития к другому. «Инновационный лифт» также должен стать эффективным инструментом «стыковки» сферы исследований и разработок с бизнесом, формирования новых предприятий на основе результатов прикладных исследований»¹. В связи с этим несколько замечаний.

Во-первых, проблема состоит в том, что во многих классических региональных университетах мало что слышали об участии данного министерства в научной жизни конкретного вуза и практически ничего не знают о механизме обмена информацией о перспективных инновационных проектах, о «передаче» таких проектов от одного института развития к другому. Тем самым искомое формирование «инновационного климата» в вузовском сообществе страны изначально было поставлено под вопрос.

Во-вторых, и это главное, требование «коммерциализации результатов научной деятельности» не совсем стыкуется со спецификой деятельности са-

¹ Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года. Минэкономразвития России. Москва, 2010 [эл. ресурс]: http://wiki.dataved.ru/knol/innovation-and-venture-capital/russian-innovations-program#Toc_281234960.

мой системы высшего образования и, в частности, с особенностями научно-исследовательской деятельности классических университетов. Самое главное состоит в том, что уже сама попытка соединить несоединимое (применительно к образовательной деятельности) обречена на неуспех, ибо изначально закладывается расхождение целевых установок: одно дело получать новое знание или социализировать подрастающее поколение, совсем другое – пытаться получить материальные дивиденды и подсчитать экономический эффект (можно вспомнить бесконечные споры российской общественности о том, можно ли рассматривать систему образования в качестве одного из рынков – рынка образовательных услуг).

Таким образом, коммерческая деятельность не может выступать в качестве главного критерия успешности инновационной деятельности вуза. Например, миссия Тверского государственного университета – «выступать генератором инновационного развития Верхневолжского региона. Она включает пять основных компонентов: **образовательный** – развивать инновационную, соответствующую мировым стандартам, систему подготовки квалифицированных кадров по фундаментальным и приоритетным направлениям, конкурентоспособных на рынке труда, готовых к созданию на нем новых рабочих мест, ориентированных на самореализацию, гражданские ценности и социальную ответственность; **научный** – готовить кадры высшей научной квалификации, развивать фундаментальные и прикладные исследования в приоритетных направлениях; **культурный** – быть центром культуры в регионе, содействуя изменению социальной среды, создавая определенную духовную атмосферу, обучая интеллигентному и конструктивному разрешению проблем, творческому подходу к реализации моделей жизнедеятельности, необходимости сочетания материальных и духовных компонентов на всех стадиях человеческой жизни; **инновационный** – быть ведущим научно-координационным центром развития инновационной среды региона и формирования в регионе особой инновационной культуры и инноваций как образа мышления и повседневной деятельности; **предпринимательский** – развивать социально-ориентированную и инновационную предпринимательскую активность, использовать механизмы государственно-частного партнерства»¹. И если по первым трем компонентам элементы инновационной деятельности вполне зримо представлены в ТвГУ, как и в любом региональном вузе, то коммерческая составляющая явно неспроста поставлена на последнее место, ибо в системе образования результаты образовательного и воспитательного процессов имеют весьма отсроченный характер.

Даже в такой модели университетской жизни, как «предпринимательский университет», где в качестве основных задач ставится подготовка таких выпускников, которые в будущем организуют собственный бизнес, развитие предпринимательского мышления у обучающихся и под., вузовская предприниматель-

¹ Миссия Тверского государственного университета [эл. ресурс]: <http://university.tversu.ru/general/goals/>.

ская деятельность вуза кардинально отличается от предпринимательской деятельности коммерческого предприятия: не максимизация прибыли, а получение средств для дальнейшего развития вуза.

Мониторинговые исследования в Тверском государственном университете год за годом показывают примерно одну и ту же картину: большинство научно-педагогических работников никак не хотят видеть себя на месте субъекта *внедрения* инновационных разработок. Главными целями инноваций в системе высшего образования признаются «повышение качества образования» (71%) и «всестороннее развитие способностей личности» (53%), а в ответ на вопрос «Кто должен заниматься вопросами внедрения инновационных разработок?» большинство респондентов (43%) посчитало, что этим должно заниматься специальное подразделение вуза, тогда как «сам инноватор» оказался в самом конце списка вариантов ответа (17%).

Кстати сказать, то же самое можно наблюдать и в системе среднего образования: «... учительское сообщество разделилось на противников процесса коммерциализации (подавляющее большинство), негативно воспринимающих соответствующие трансформации в образовании, и сторонников этого процесса (меньшинство)... коммерциализация образования, придание ему статуса услуги сопровождается следующими негативными процессами и тенденциями: вымывание воспитательной компоненты из образовательного процесса, отсутствие предпосылок для личностного развития ребенка, потеря смысла таких базовых понятий системы образования, как «общедоступность», крен в сторону «элитарности» образования, финансовая недоступность платных образовательных услуг для значительной части населения, восприятие учениками «платности» образовательных услуг как повод для снижения требований к уровню знаний, перевод дополнительных образовательных услуг (в частности «продленки») в разряд «платных», формализм в реализации процесса коммерциализации со стороны школьного руководства, трансформация сложившейся системы отношений между учителями и учениками» [Отношение российских педагогов: 23].

Есть еще один важный момент – взаимодействие с работодателями, которое должно стать одним из основных способов поддержания и развития предпринимательской деятельности региональных вузов. Пять лет назад в исследовании ЦИРКОН в виде гипотезы (в дальнейшем подтвержденной) было отмечено: «Многочисленные высказывания представителей ВУЗов и СПО об отсутствии заинтересованности бизнеса в развитии инновационной активности учреждений профессионального образования и, как результат, медленное развитие инноваций, имеют под собой скрытое желание сохранения такой ситуации и в дальнейшем. Многие периферийные ВУЗы страны не обладают достаточным научным потенциалом и широтой взглядов в соответствии с требованиями времени, поэтому инновационная деятельность для них скорее обуза, нежели объективная необходимость. Для создания прорывных технологий нужны неординарные знания и неординарное мышление, на что многие ВУЗы просто не способны» [Изучение объективных и субъективных противоречий: 2]. И надо сказать, что дан-

ная проблема до сих пор не разрешена. Большинство работодателей хотят получить из государственного вуза «готового» специалиста, но всячески манкируют финансовое и иные способы участия в образовательном процессе. В силу этого развертывание инновационной деятельности пока отдано на откуп самим вузам, тогда как правильно выстраиваемая взаимосвязь академической и отраслевой науки, высшего образования и инновационного бизнеса должна основываться на равномерном распределении обязанностей между всеми участниками данного процесса и эффективном использовании имеющегося потенциала.

Скорее всего, именно поэтому региональная общественность Тверской области довольно осторожно отвечает на следующий обобщающий вопрос «Является ли региональная высшая школа ядром инновационной инфраструктуры региона?».

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос «Является ли региональная высшая школа ядром инновационной инфраструктуры региона?» / Is the regional higher school the core of the region's innovation infrastructure?

да	16
нет, но со временем обязательно станет уже в обозримом будущем	49
нет, этого не произойдет в обозримом будущем	23
затрудняюсь с ответом	13

Вследствие этого попытки большинства вузов развернуть инновационную деятельность происходят в очень неблагоприятной среде. Например, инновационный климат в вузовской среде активно не будет развиваться, пока в стране нет соответствующего импульса со стороны работодателей.

В каждой организации, в том числе и в любом вузе, субъект инновационной деятельности имеет коллективную природу, хотя бы уже потому, что производят инновации одни люди, а продвигают их, как правило, другие. Обнаруживается, что серьезные информационно-коммуникативные проблемы существуют у вуза не только во взаимодействии с внешней общественностью, но и во взаимодействии отдельных сегментов внутренней общественности.

Уже на уровне знаний встают трудноразрешимые проблемы. Так, *открытый* вопрос («В каких формах Вы участвуете в инновационной деятельности в университете?») многих респондентов просто ставит в тупик, т.к. понимание самой инновационной деятельности недостаточно отрефлектировано, ибо сама она еще не превратилось в особый вид личной и коллективной деятельности.

Бросается в глаза также и тот факт, что при ответе на *закрытый* вопрос («Для Вас инновационная деятельность – это: ...») мы получаем ответы, но наблюдается слишком большой разброс мнений: изобретательская деятельность, в том числе – разработка новых технологий и изделий (33%), разработка, апробация и внедрение новых элементов содержания образования, новых форм образовательных технологий (31%), научная работа в рамках основной образовательной программы (26%), создание новых (инновационных) образовательных про-

грамм, в которых остро нуждается общество (23%), поиск и применение новых форм обучения (21%), создание эффективной системы подготовки и переподготовки кадров для региона (20%) и др. А без единого понимания и добровольного принятия инновационной деятельности корпоративная культура не способна выполнять ни одну из своих (коммуникативная, адаптивная, интегративная, регулирующая) функций.

Уровень понимания сути инновационных процессов, а также степень их приложения к собственной жизнедеятельности у большинства студентов ТвГУ остается критически незначительной. Абсолютное большинство обучающихся на младших курсах, как правило, только из анкеты впервые узнает о стратегии инновационного развития университета и т.д. Представители старших курсов более информированы, однако не настолько, чтобы можно было с уверенностью утверждать, что обсуждаемая тема у старшекурсников не вызывает затруднений. Так, 48% опрошенных не имеют представления, как и в каких формах университет влияет на различные сферы региональной жизни, 54% указали на личную неготовность что-либо предпринимать для развития университета, и только 4% оказались готовыми предложить и воплотить в жизнь свои решения.

Еще одно наблюдение: профессорско-преподавательский состав и вспомогательный персонал вуза весьма радикально отличаются не только по уровню понимания инновационной деятельности, но и по степени вовлеченности в саму инновационную деятельность (это не только крайне недостаточная осведомленность вспомогательного персонала о научной деятельности университета и под., но и почти нулевая личная вовлеченность в инновационную деятельность большинства представителей этой группы внутренней общественности университета).

Таким образом, инновационная деятельность в вузе внутренне противоречива в силу специфичности интересов субъектов и разнородности участия различных внутренних групп общественности в инновационном процессе. Эта проблема должна не только хорошо осознаваться, но и быть предметом постоянной заботы руководства вуза.

Например, главным в развертывании инновационной деятельности со стороны руководства является мотивация всех, а не отдельных категорий занятых. Без данного компонента само управление инновационной деятельностью не может считаться инновационным. Вот показательный пример. Применительно к реалиям ТвГУ было получено следующее распределение ответов на вопрос «Отметьте, что побуждает Вас внедрять в своей работе инновационные технологии»: 42% – интересно создавать что-то свое, необычное и лучше, чем было, 27% – с использованием инновационных методов легче и успешнее работать, 18% – привычка выполнять любое дело хорошо, 18% – в новшествах полнее реализуешь свой опыт, силы и способности, 14% – возрастает самоуважение, формируется новый взгляд на себя, 11% – творческая атмосфера в рабочем коллективе, 9% – внешнее принуждение (требования руководства), 4% – желание быть на высоте, среди лидеров коллектива, 4% – другое. При этом проректоры, на-

чальники управлений, деканы, заведующие кафедрой склонны отмечать в качестве основной причины внедрения инновационных технологий *привычку выполнять любое дело хорошо*, а основная масса научно-педагогических работников – *возрастает самоуважение, формируется новый взгляд на себя, с использованием инновационных методов легче и успешнее работать*.

Для всестороннего и долговременного развертывания инновационной деятельности в любом учебном заведении руководство, в первую очередь, должно всемерно расширять количество членов коллектива, реально участвующих в инновационной деятельности вуза, и – одновременно с этим – налаживать их плодотворное информационно-коммуникационное взаимодействие, т.е. стремиться к тому, чтобы инновационная деятельность стала выступать в качестве образа жизни (способа существования всего коллектива). Действительно, если мы подойдем к измерению готовности того или иного вуза к инновационной деятельности, то определенный уровень развития инновационной корпоративной культуры может выступать, с одной стороны, как необходимое основание и важный источник инновационной деятельности, с другой – как результат и вполне достоверный показатель инновационного потенциала любого вуза.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие **выводы**.

К настоящему времени еще не решена проблема развития российской высшей школы в качестве ведущего звена развития интеллектуального, культурно-образовательного, профессионально-трудового потенциала общества, центра фундаментальной и прикладной науки.

Инновационная деятельность в региональном вузе (особенно – в классическом университете) развивается медленно и с большими трудностями. Во-многом, это проистекает из-за многочисленных информационно-коммуникативных проблем различного характера. Все эти проблемы требуют тщательного изучения, чтобы выработать эффективные способы их скорейшего решения.

Обзор некоторых информационно-коммуникативных проблем взаимодействия основных структурных элементов коллективного субъекта инновационной деятельности в вузе дает основание для практического вывода: без своеобразной «дорожной карты» не обойтись. В ней, как минимум, четко и ясно должны быть расписаны как объединяющая всех стратегия, так и свои «зоны ответственности» для каждой группы внутренней ответственности (для руководства – координация, контроль, мотивация и проч.).

Для успешного развертывания инновационной деятельности в вузе, с одной стороны, необходима единая общеузовская система мотивации (информации, контроля, регулирования и т.д.), с другой – в отношении каждой группы внутренней общественности необходимо развертывать свою особенную систему стимулирования и управленческого воздействия.

Источники

Андреев Ю.Н. (2019). Современное состояние малых инновационных предприятий при вузах и научных организациях // Инноватика и экспертиза. Выпуск 1 (26). С. 10-20.

Башмаков А.А. (2019). Инновационные направления развития высшего профессионального образования в контексте цифровой эпохи // Инновационные процессы в науке и образовании: монография / Под общ. ред. Г.Ю. Гуляева. Пенза: Наука и Просвещение. С. 5-28.

Ефремова П.В. (2018). Совершенствование системы управления инновационной деятельностью в вузе путем формирования инновационной инфраструктуры // Вопросы инновационной экономики. № 2. С. 311-326.

Игнатова Н.Ю. (2017). Образование в цифровую эпоху: монография – Нижний Тагил: НТИ (филиал) УрФУб.

Изучение объективных и субъективных противоречий в процессе управления инновациями в системе среднего и высшего профессионального образования в регионах Российской Федерации (2009). Аналитический обзор результатов социологического исследования. Липецк: Сократ [эл. ресурс]: <http://disus.ru/knigi/389938-1-oglavlenie-vvedenie-celi-zadachi-issledovaniya-predmet-issledovaniya-gipotezi-celevaya-auditoriya-ponyatiynie-kazus.php>.

Казакова Н.В. (2003). Управление инновационной деятельностью университетских комплексов Российской Федерации: теория и методология: дис. ... д-ра экон. наук; Саратов. гос. техн. ун-т.

Квик М. (2016). Продуктивные исследователи в Европе. Кто они и о чем думают? // Современный университет между глобальными вызовами и локальными задачами. VII Международная конференция Российской ассоциации исследователей высшего образования: сб. материалов / под ред. Д.В. Козлова, Н.Г. Малошонок. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. С. 8-20.

Латуха О.А., Пушкарёв Ю.В. (2012). Инновационная деятельность современного вуза: тенденции развития // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. № 4(8). С. 44-51.

Налетова И.В. (2005). Исследования высшего образования: концепт метафундаментализма: моногр. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина.

Отношение российских педагогов к коммерциализации школьного образования. Аналитический отчет по результатам 1-го этапа исследования. ЦИРКОН-2015 [эл. ресурс]: http://Commercialization_of_school_education_report1_2015.pdf.

Dusst E., Winthrop R. (2019). Top 6 trends in higher education [access mode]: <https://www.brookings.edu/blog/education-plus-development/2019/01/10/top-6-trends-in-higher-education/>.

Kwiek M. (2015). The unfading power of collegiality? University governance in Poland in a European comparative and quantitative perspective. *Intern. journal of educational development*. Vol. 43. P. 77-89.

Kwiek M. (2016). The European research elite: A cross-national study of highly productive academics in 11 countries. *Higher education*. Vol. 71. No. 3. P. 379-397.

Swanger D. (2016). Innovation in Higher Education: Can Colleges Really Change? [access mode]: <https://www.fmcc.edu/about/files/2016/06/Innovation-in-Higher-Education.pdf>.

White S., Glickman Th. (2007). Innovation in Higher Education: Implications for the Future. *New Directions for Higher Education*. No. 137. P. 97-105. DOI: 10.1002/he.248 [access mode]: https://cyber.harvard.edu/communia2010/sites/communia2010/images/White_Glickman_2007_Innovation_in_Higher_Education-_Implications_for_the_Future.pdf.

■ ■ ■ Information and Communication Problems of Innovative Activity in a Regional University

Mikhailov V.A., Tupik E.S.

Tver State University, Tver, Russia.

Abstract. The paper reveals the features of innovation activity in the higher education system in Russia. The authors summarize the reforms planned in the Strategy of innovative development of the Russian Federation for the period up to 2020, analyze the current state and prospects for the deployment of innovation, and draft some proposals for university practice. The article analyzes the collective nature of the subject of innovation activity in a regional university, as well as the problems of interrelationships between its individual groups. It highlights information and communication problems in the course of organizing and implementing university innovation activities, in particular, in the process of forming innovation competencies. The problems of commercialization of the results of scientific activity in regional universities of the country are considered separately. Specific sociological data gathered by the authors is used to verify conclusions and propositions. The main conclusion: innovation activity in a regional university (especially in a classical university) is developing slowly and with great difficulties, in particular, due to numerous information and communication problems of interaction and the formation of a corporate innovation culture.

Keywords: higher education institution, innovation, innovative activity, innovative culture, innovative development, innovative climate, problems of innovative activity

For citation: Mikhailov V.A., Tupik E.S. (2021). Information and Communication Problems of Innovative Activity in a Regional University. *Communicology (Russia)*. Vol. 9. No.1. P. 29- 41. DOI 10/21453/2311-3065-2021-9-1-29-41.

Inf. about the authors: Mikhailov Valery Alexeevich – Dr.Sc. (Philos.), Professor, head of the department of sociology, Tver State University; Tupik Elena Sergeevna – senior lecturer of the department of sociology, head of the social research laboratory of Tver State University. Address: 170000, Russia, Tver, Zhelyabova str., 33. E-mail: mikhaylov.va@tversu.ru, tupik.es@tversu.ru.

Received: 12.12.2020. *Accepted:* 20.02.2021.

References

- Andreev Y.N. (2019). The current state of small innovative enterprises at universities and research organizations. *Innovation and Expertise*. Issue 1 (26). P. 10-20 (In Rus.).
- Bashmakov A.A. (2019). Innovative directions for the development of higher professional education in the context of the digital era. In: Innovative processes in science and education: monograph / Ed. ed. G.Y. Gulyaev. Penza: Science and Education. P. 5-28 (In Rus.).
- Dusst E., Winthrop R. (2019). Top 6 trends in higher education [access mode]: <https://www.brookings.edu/blog/education-plus-development/2019/01/10/top-6-trends-in-higher-education/>.
- Efremova P.V. (2018). Improvement of the innovation management system in the university through the formation of an innovative infrastructure. *Issues of innovative economics*. No. 2. P. 311-326 (In Rus.).

Ignatova N.Yu. (2017). Education in the digital age. Nizhniy Tagil: NTI (branch) UrFUB (In Rus.).

Kazakova N.V. (2003). Management of innovative activity of university complexes of the Russian Federation: Dr. econ. sciences dis. Saratov state tech. university (In Rus.).

Kweik M. (2016). Productive researchers in Europe. Who are they and what are they thinking about?. In: Modern university between global challenges and local problems. VII International Conference of the Russian Association of Higher Education Researchers / ed. D.V. Kozlova, N.G. Maloshonok. Moscow: Higher School of Economics. P. 8-20 (In Rus.).

Kwiek M. (2015). The unfading power of collegiality? University governance in Poland in a European comparative and quantitative perspective. *Intern. journal of educational development*. Vol. 43. P. 77-89.

Kwiek M. (2016). The European research elite: A cross-national study of highly productive academics in 11 countries. *Higher education*. Vol. 71. No. 3. P. 379-397.

Latukha O.A., Pushkarev Y.V. (2012). Innovative activity of a modern university: development trends. *Bulletin of the Novosibirsk State Pedagogical University*. No. 4 (8). P. 44-51 (In Rus.).

Naletova I.V. (2005). Research in Higher Education: The Concept of Metafundamentalism. Tambov: Publishing house of TSU (In Rus.).

Study of objective and subjective contradictions in the process of innovation management in the system of secondary and higher vocational education in the regions of the Russian Federation (2009). Analytical review of the results of sociological research. Lipetsk: Socrates [el source]: <http://disus.ru/knigi/389938-1-oglavlenie-vvedenie-celi-zadachi-issledovaniya-predmet-issledovaniya-gipotezi-celevaya-auditoriya-ponyatiynie-kazus.php> (In Rus.).

Swanger D. (2016). Innovation in Higher Education: Can Colleges Really Change? [access mode]: <https://www.fmcc.edu/about/files/2016/06/Innovation-in-Higher-Education.pdf>.

The attitude of Russian teachers to the commercialization of school education. Analytical report on the results of the 1st stage of the study. ZIRCON-2015 [el. source]: http://Commercialization_of_school_education_report1_2015.pdf (In Rus.).

White S., Glickman Th. (2007). Innovation in Higher Education: Implications for the Future. *New Directions for Higher Education*. No. 137. P. 97-105. DOI: 10.1002/he.248 [access mode]: https://cyber.harvard.edu/communia2010/sites/communia2010/images/White_Glickman_2007_Innovation_in_Higher_Education-Implications_for_the_Future.pdf.

■ ■ ■ Связь коммуникологии и актуальной фонетики (на примере использования коммуникативных возможностей звука в поэзии футуристов)

Койдан Е.В

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), Москва, Российская Федерация.

Аннотация. В работе рассматривается историческая связь фонетики с общим языкознанием, выявляется, почему данная область лингвистики не развивалась ни последовательно, ни параллельно в структуре филологических наук. Уделено внимание современному медиатекстовому подходу к такой области фонетики, как интонирование; последнее, в свою очередь, рассматривается как часть теории коммуникации. Выдвигается гипотеза, что подобное отношение к звуку, к фонеме, уже рассматривалось в среде футуристов, дадаистов, леттристов, буделян и обэриутов, трактовавших звуки как непознаваемое явление, находящееся за пределами познания умом. Здесь определяется место и прагматическая роль современной науки об актуальных подходах к фонетике в коммуникологии, где интонирование не относится ни к когнитивистике, ни к паралингвистике, но, вместе с тем, объединяет эти две области практического речепроизводства. Гипотетически предполагается, что подобные подходы осознались некоторыми представителями течений и школ направления модернизма начала XX века.

Ключевые слова: фонетика, фонология, коммуникология, прагматика, нигилистический авангард, «заумь», Олег Юрьев, М.В. Панов, Джеральд Янечек

Для цитирования: Койдан Е.В. Связь коммуникологии и актуальной фонетики (на примере использования коммуникативных возможностей звука в поэзии футуристов) // Коммуникология. 2021. Том 9. №1. С. 42-52.

Сведения об авторе: Койдан Елизавета Валерьевна – студентка факультета журналистики ИГСУ РАНХиГС. Адрес: 119571, Россия, г. Москва, пр-т Вернадского, 84. E-mail: elizavetakoydan@gmail.com.

Статья поступила в редакцию: 11.09.2020. *Принята к печати:* 25.02.2021.

Первые труды по изучению грамматики различных языков появились несколько тысячелетний назад, но фонетическая составляющая лингвистического материала не считалась элементом синтеза речи; именно поэтому, по наблюдению ученых, этот раздел языкознания стал изучаться языковедами позже других лингвистических направлений почти на две тысячи лет [Ганиев: 21-24]. Действительно, упоминание на первых этапах развития филологических наук о фонетике (в разделе графики) еще не являлось началом данной науки, а всего лишь являлось «технологическим приложением» для обучения чтению. Возможно, этот факт и является причиной «непознанности», «неизученности» фо-

нетики, что неизбежно сопрягается с неким элементом «таинственности», при-
сущим этому разделу лингвистики и языкознания; возможно поэтому фонети-
ческие знаки позже последовательно применялись в арсенале средств художе-
ственной выразительности.

В области речевых коммуникаций, восприятия текстов – не только художе-
ственных, но даже научных и публицистических – роль фонетики очевидна, и
переценить её прагматическое значение при реализации дискурса невозмож-
но. Фонетика – самая «материальная» сторона языка и речи: звук можно запи-
сать иными средствами – не только графическими, – хотя, конечно, законы фо-
нетической транскрипции в начертательном плане на сегодняшний день во всех
языках разработаны достаточно основательно. Тем не менее, нельзя измерить в
каких-либо единицах «силу грамматических категорий», а «фонетическую силу»
можно зафиксировать при помощи акустической техники. Поэтому в понятии
«сила слова» (в коммуникативном проявлении) «сила звука» играет не послед-
нюю роль; и это не только метафора.

Актуальная фонетика в коммуникации

Актуальная фонетика занимается изучением языкового материала, принци-
пами его коммуникативного использования в речи, а также причинами и след-
ствиями исторических изменений в произношении: в коммуникативной прак-
тике и разделе языкознания. Коммуникация основывается на устном и пись-
менном типах речи; с точки зрения функциональности устного произношения
также выдерживаются стилистические каноны: тон повседневного разговора,
художественное чтение и деловое общение, – что также неизбежно связывают
с фонетикой. «Выделение трех основных функциональных типов речи – разгово-
рной, художественной и специальной – оправданно и с позиции фонетики» – со-
вершенно справедливо считает В.В. Потапов [Потапов: 167].

Под звуковым материалом в коммуникологии стоит понимать звуки, фонемы
и иные звуковые единицы, а также ударения и интонации, влияющие на воспри-
ятие звукового потока и переводение его в контактные смыслы.

Мнение Ж.В. Ганиева о том, что фонетический уровень языка «более полуве-
ка после 30-х годов прошлого столетия был авангардной частью науки о языке,
затем фонетика – фонология – достигли пика развития и благополучно преда-
ли свою эстафету грамматике и лексикологии» [Хромов: 165], – представляет-
ся важным для данного исследования, так как хронология развития изучаемого
явления имеет значение и будет рассмотрена ниже. Констатацию упомянутого
выше учёного можно усилить еще одним авторитетным высказыванием: «Рус-
ская интонация, – пишет современный лингвист С.С.Хромов, – как, впрочем, и
интонация любого другого языка, долгое время оставалась Золушкой для офи-
циальной лингвистики (где-то до 60-х гг. прошлого века), хотя в то же время не
было ни одного крупного труда по русистике, в котором так или иначе не упоми-
налась бы роль интонации в тексте и живой речи, ее взаимоотношение с грам-

матикой и лексикой» [Хромов: 167]. Оба предположения учёных говорят о том, что современная лингвистика уделяет недостаточно пристальное внимание фонетике как отдельной науке, затрудняется определить её статус, место и функциональность. Данная работа также не предполагает дать ответы на возникающие вопросы и разрешить поставленные проблемы. Здесь будет совершена попытка выявить некоторые аспекты коммуникативной функции фонетической стороны языка и указать на не изучаемые ранее источники данного употребления фонетических единиц.

Интонационные маркеры

Подходы к изучению фонетики звучащей речи, несомненно, претерпевают изменения в подходах к их анализу. В реалиях медиатекстовой эпохи изучение звука и фонемы неотделимо от лингвистики в целом, от изучения среды социального употребления звучащей речи, от психолингвистических исследований в коммуникологии, от характеристики фонетических манер отдельно взятого «говорящего» субъекта. То же утверждает и С.Хромов, который полагает, что «в конце XX в. в лингвистике произошло изменение векторов научного поиска: на смену строгому поуровневому стратификационному анализу пришло комплексное, полифункциональное, системное рассмотрение явлений, что полностью относится к объекту и предмету изыскания, который рассматривается как феномен одновременного междисциплинарного научного исследования и комплексного подхода различных наук – собственно лингвистики, психолингвистики, социолингвистики, этнолингвистики, лингводидактики» [Хромов: 168].

Не вызывает сомнения и приведённое выше утверждение, и то, что в коммуникации первостепенное значение имеет звучащая речь, применяемая на практиках публичных выступлений, в процессе делового общения, в быту. В этих ситуациях интонационная и фонетическая сторона коммуникации приобретает релевантное, преобладающее компонентное значение. При этом для коммуникации интонационный аспект фонетики имеет превалирующее значение. Опираясь на исследования, проведённые ранее в области интонации, можно сформулировать приблизительную парадигму интонационных маркеров в коммуникации:

- тесная связь интонации общения с содержательным пластом речи: произношение является как бы «манифестом» содержания;
- синкретичность фонетики коммуникации: тон охватывает большее количество смыслов, чем непосредственно сказанное;
- интонация при общении, скандирование, неполное произношение в процессе коммуникации позволяют скрыть грамматические недочёты в речи, наличие акцента, позволяют вступить в коммуникацию представителям разных культур;
- фонетика позволяет указать на контекстуально сильные и ослабленные позиции в произносимом тексте;
- интонационные аспекты в процессе коммуникации позволяют как дифференцировать сказанное, так и объединять части высказывания, интегрировать их;

– прагматическая составляющая коммуникативного акта напрямую связана с употреблением фонетико-грамматических утрированных (например, скандирований) и цезурных интонирований.

Доводы, приведённые в парадигме интонационных маркеров, позволяют предположить, что ещё одним аспектом изучения и становления современной теоретической коммуникологии может стать практическая фонетика, в частности, – её более прагматическая часть: интонация.

Как бывает во многих областях коммуникативной жизни, в том числе и в её научно-исследовательской стороне, подходы, объявленные учёными XXI века как новые, могут оказаться сродни «хорошо забытому старому».

«Звуковые эксперименты» эпохи модернизма

Яркой иллюстрацией коммуникативной роли фонетики в художественной речи могут послужить «звуковые эксперименты» поэтов эпохи модернизма, когда «таинственность» фонетического знака была на пике разностороннего анализа и не могла не привлечь внимание мирового словесного импрессионизма, футуризма и иных новаторских течений коммуникологической лингвистики, которые в основу поэтической речи помещали философию её звучания: дополнительные возможности коммуникативных соприкосновений.

Одним из основных направлений поэтического модернизма, который в истории русской поэзии получил название «Серебряный век», был футуризм, зародившийся первоначально в живописи, а затем (в 1909 году) манифестированный итальянским поэтом Ф.Т. Маринетти. Основным постулатом направления был призыв «ежедневно плевать на алтарь искусства». Помимо пропаганды культурологической независимости, футуристы предлагали многие словесные коммуникации перевести в область фонетических знаков; как видно из современного вектора развития фонетики, они не ошибались и даже, можно сказать, предвидели векторное направление развития данной науки. Футуристы на уровне звука ощущали наступление эпохи индустриализации, которая упростит звучание стиха, а возможно, и сделает ненужными сложности лингвистических коммуникаций, сведя общение до «динамики ощущений». В труде «Обоснование и манифест футуризма» Филиппо Маринетти пишет: «Пусть поэт жарит напропалую, пусть гремит его голос и будит первозданные стихии» [Marinetti]. Скорее всего, под «первозданными стихиями» поэт и понимал фонетические единицы: фонему и тон. Призывая дать звукам свободу («Parole in libert»), он также пишет, что слово надо высвободить из границ синтаксиса и пунктуации, презреть традиционное письмо и традиционную передачу смыслов при помощи слов и выражений, применяя новые принципы звучания для экономии языковых средств при общении автора и читателя.

На основе лингвистически-новаторского учения футуристов возникает теория утрированно-фонетической поэзии и общего направления в искусстве – дадизма, идеологом которого считается представитель германской поэзии и дра-

матургии начала XX века Хуго Балль, который предлагал внедрить в культурно-коммуникативный обиход «поэзию без слов» или «звукостихи», основанные на «балансе гласных» [Балль: 403]. В драматических произведениях Балль также уделял внимание звуковым качествам речи, произносимой на сцене.

Важнейший фонетический эксперимент в звуковой поэзии был проведён леттристами, идеологами которых считаются французские авангардисты Исидор Изу и Морис Леметр. В своем нетрадиционном «Словаре новой литературы» они объяснили постатейно смысловое значение каждого звука в той или иной речевой ситуации. Данный подход пытался развиваться в течение следующих 30 лет XX века, но был признан несостоятельным; в настоящее время он получает продолжение в области коммуникологии.

Звучание поэтической речи на различных языках происходит по-разному, что находит своё отражение в особенностях межкультурной коммуникации современной интонологии. Поэтому нельзя однозначно утверждать, что отечественные футуристы в точности подхватили и внедрили в поэзию русского модернизма фонетические коммуникативные эксперименты западных поэтов, писателей и лингвистов. Общим, пожалуй, был только энтузиазм новаторства.

Поэзия «звукописания» в России имела самобытное выражение, которое обосновал литератор и художник Давид Бурлюк, начав с призыва «выбросить флаг футуристов» и, утверждая право на словотворчество, предлагает соотечественникам называться «будущниками» или «будетлянами» [Бурлюк: 63]. Литературные школы, типа «Гилея» и «Эгофутуристы», принадлежащие И. Северянину и В.И. Гнедову, продвигали идеологию призыва преобразования жизни в целом, желание преобразовать отечественную лингвистику, сделав её частью «таинственной» фонетики. Одним словом, на фоне общего слома экономических и политических формаций в России начала XX века активно рождаются новые формы коммуникативных поэтических идей, появляются кубофутуристы («Гилея», Д.Бурлюк, В.Хлебников, В.Маяковский, А.Крученых и их сборники «Дохлая луна», «Рыкающий Парнас»), московские эгофутуристы («Мезонин поэзии» В. Шершневич, И. Лотарев), петербургские эгофутуристы (И. Северянин, И. Игнатъев), группировка «Цетрифуга» (Б.Пастернак, С. Бобров). Эти имена тесным образом связаны с пиком интереса к российской фонетике, к прагматическим особенностям, «таинственно» заложенным в ней.

Собственно-звуковые эксперименты проводили такие русские футуристы, как В.Хлебникова и А.Крученых; именно они выделили звук как элемент коммуникации в поэтическом творчестве, в лингвистическом эксперименте; недаром у Велимира Хлебникова «элемент звука живет собственной жизнью» [Хлебников: 635]. Понимая эфемерную природу звука, «неуловимость» для более пристального изучения, единомышленник Хлебникова – Кручёных – называет звуковой подход в поэтической коммуникации «заумью»; этим термином позже активно будет пользоваться культурологическое направление эпохи нигилистического авангарда – дадизм. За пределами «умного» восприятия, понимания умом, по их мнению, находится фольклорное и диалектное песенное звучание, при кото-

ром лексическое значение слова значительно ослабляется. С этим связаны проводимые ими лексические и семантические эксперименты (словотворчество).

Все эти практики-экспериментаторы в области русского звука предполагали, что звук и есть смысл, и (при всей изначально кажущейся абсурдности утверждения) с точки зрения современных подходов к коммуникативной прагматике они были правы. Поэты эпохи модернизма, – как иноязычные, так и русские, – пытались радикальным образом поменять отношение к лексической и семантической сторонам слова, заменив их способностью влиять на сознание и подсознание реципиента звучанием. В этом основа «заумного» подхода футуристов к материальной стороне языка; они полагали, что именно в звучании заложены нематериальные смысловые единицы, способные находить индивидуальное отражение в сознании каждого отдельно взятого читателя, полагая, что при коммуникации в системе «автор-читатель» преобладает «эмоционально-интуитивное начало», в котором заложено бесконечное количество смыслов.

Сложность изучения «зауми» как лингвистического явления заключается в теории непознаваемости явления, о которой сразу объявили авторы термина: если читатель или лингвист познал «заумь», расшифровал, понял, то она перестаёт ею быть. Звук должен остаться на уровне эмоционального подсознания: «Мысль и речь не успевают за переживанием вдохновенного, поэтому художник волен выражаться не только общим языком (понятия), но и личным (творец индивидуален), и языком, не имеющим определенного значения (не застывшим), заумным» [Кручёных: 39]. Такой подход поясняет, почему соратник Кручёных по перу – В.В. Маяковский – назвал главы его книги «крученыховским адом»¹.

Примером «зауми» во многих исследованиях о русских футуристах традиционно служит стихотворение Кручёных «Дыр бул щыл»², вошедшее в первый сборник «Помада» (1913 года). Это же стихотворение стало частью «Декларации слова как такового» с пояснением: «в этом пятистишии более русского национального, чем во всей поэзии Пушкина» [Кручёных: 43].

Единомышленник Кручёных – Велимир Хлебников – даёт более точные пояснения коммуникативной роли звука в нигилистической поэзии, полагая, что даже «заумь» можно уловить, понять и осмыслить: «Эль — остановка падения, или вообще движения, плоскостью, поперечной падающей точке (лодка, летать). <...> Пэ — беглое удаление одной точки прочь от другой, и отсюда для многих точек, точечного множества, рост объёма (пламя, пар). <...> Ха — преграда плоскости между одной точкой и другой, движущейся к ней (хижина, хата)» [Хлебников: 799]. Но и в этом случае субъективный ненаучный подход к разделу лингвистики в его коммуникативной плоскости – очевиден. Утверждение же художника слова о том, что для понимания слова иногда достаточно услышать его начальную зву-

¹ Имеется в виду строчка из известного стихотворения «Лиличка!» («Дым табачный воздух выел. Комната – глава в крученыховском аде»).

² Полное название стихотворения А. Кручёных: *Дыр бул щил убежур скум вы со бур л эз*.

ковую оболочку, достаточно уловить цезурный тон произнесения лексемы, чтобы осуществить полноценный коммуникативный процесс, – вполне основательно.

Хронология продолжения «фонетического эксперимента»

Фонетические эксперименты русских авангардистов не получили научного продолжения; предполагается, что под гнётом реалий исторической деформации российского государственного строя «сворачивались» многие важнейшие научно-лингвистические начинания. В качестве примера можно упомянуть такое важное и необходимое, но незавершенное преобразование академического русского языка, как реформа орфографии 1904 года, начатая величайшими филологами: А.А. Шахматов, Ф.Ф. Фортунатов, А.И. Соболевский, Ф.Е. Корш, И.А. Бодуэн де Куртенэ; она оборвала своё логическое продолжение в 1918 году под влиянием социальных потрясений.

Современный поэт и литературный критик Олег Юрьев уже в реалиях настоящего времени подверг анализу факты продолжения фонетического эксперимента отечественных «серебряников» на основе творчества А.Введенского и Д.Хармса (а их творчество приходится уже на 30-е годы XX века). Он рассмотрел, какое продолжение на закате нигилистического авангарда получило учение о фонеме и выявил: «Бессмыслица – “правый выход” из конвенциональной парадигмы общения. Бессмыслица контрреволюционна, она, по сути, консервативна и охранительна – она доводит до предела и переводит через предел присущие материнской культуре “правила соединения слов”, сохраняя в синтаксисе, в затексте всю предысторию смысла. Заумь – эстетика левая, революционная, авангардная. Она отменяет принятые “правила соединения слов”, уничтожает предшествующие смыслы. В этом разница между кручёныховским “дыр-булширом” и “бессмыслицей” зрелых Хармса и Введенского» [Юрьев]. Очевидно, что Юрьев также показывает связь лингвистической фонетики с политической коммуникативной ситуацией. В свете этого следует признать достоверность причин хронологического завершения развития фонетической линии в лингвистике, о которых говорили процитированные выше современные исследователи В.В. Потапов, Ж.В. Ганиев и С.С. Хромов. Мнения О. Юрьева и современных ученых совпадают в том, что «начало конца» изучения коммуникативной составляющей фонетики соотносится с творчеством обэриутов, с 30-ыми годами XX века. Концом попытки найти место фонетики в истории языкознания полагаются 60-е.

Итоговым трудом по исследованию фонетической области языкознания считаются выводы теоретика-фонолога М.В. Панова (труды 1967 года), сказавшего весомое слово в области парадигматики и синтагматики фонем, где учёный останавливает развитие науки на фонетико-лингвистическом уровне, не принимая во внимание коммуникативную составляющую фонетики, интонирование [Панов: 440].

Выведенное утверждение о завершении одного из уровней лингвистического анализа фонетики покажется ещё более основательным, если обратиться к исследованию-«точке» доктора философских наук Джеральда Янечека, лите-

ратурного критика-русиста из Америки. Он рассматривал во второй половине XX века фонетические особенности «авангардной эпохи» русских модернистов. В известном труде «Классификация зауи» он подчеркивает остроту научного конфликта, который привел к прекращению развития коммуникативной фонетики во второй половине XX века. Янечек пишет: «Такая ситуация создаётся сдвигом на одном или одновременно нескольких уровнях языковой структуры: фонетическом, морфологическом, синтаксическом или супрасинтаксическом (то есть, на уровне идей, повествований и пр.)» [Янечек: 37-54]. Мнение профессора, скорее всего, объясняет, но не прекращает развитие коммуникативной фонетики.

Связь фонетики и коммуникологии

Анализ, проведённый в данной статье, позволяет предположить, что современный вектор изучения фонетической «неопознанности» может перейти в область коммуникологии, как науки.

Коммуникология на своей исследовательской платформе сосредоточивает новые знания о коммуникации в широком смысле, о синтезе различных областей познания окружающей действительности: коммуникаций различных теоретических областей, когнитивистики, практики деятельности социальных институтов (например, журналистики, политологии, экономики, социологии). Лингвистические исследования также являются частью коммуникологии; следовательно, область коммуникативной фонетики, не получившая должного научного развития в эпоху модернизма и исчерпавшая себя в фонологических школах эпохи постмодернизма, может продолжиться (возвратиться к предположениям отечественных футуристов) в рамках одного из направлений коммуникологии.

По мнению основателя науки коммуникологии в России, доктора социологических наук, профессора Ф.И. Шаркова, коммуникология как наука также берёт своё начало в 30-х годах XX века. Учёный утверждает: «Проблемы социальных коммуникации в вузах развитых стран начали изучать еще в начале прошлого века. В американских университетах с конца 30-х годов двадцатого века читаются курсы по коммуникации. <...> Первая кафедра по общим проблемам развития коммуникаций была открыта в США более полувека назад. В настоящее время кафедры по различным сферам коммуникологии существуют практически во всех ведущих американских и европейских университетах» [Шарков: 15]. В этом же труде профессор обосновывает связь общей лингвистики с коммуникологией, но отрицает узкую функцию лингвистики: «Изучение восприятия информации ее получателем отодвигается на второй план» [Шарков: 17]. Шарков также объясняет связь лингвистики и коммуникологии «экстралингвистическим факторам коммуникации», что совпадает с выдвинутой здесь теорией экстралингвистической функции фонетики в коммуникативных процессах.

Следовательно, фонетика как «отрезанный» вектор языкознания может применяться практически и изучаться теоретически в коммуникологии на границе лингвистических и паралингвистических подходов, на соприкосновении теории коммуникаций и психолингвистики.

Закключение. Рассмотреть в данной работе коммуникологическую функцию фонетики позволила идея о том, что возникшее в отечественной поэзии нигилистического авангарда (среди футуристов, дадаистов, леттристов, буделян и обэриутов) учение о звуковой «зауми» (непостижимости умом) семантики фоном исчерпало себя в 60-е годы XX века, но возрождается в реалиях современной медиатекстовой эпохи. Изучение фонетики как области языкознания существенно отстаёт от общей лингвистики, так как ученые долго не могли найти точки соприкосновения звучания речи с её грамматикой. Возможно, данный факт послужил причиной понимать звучащую речь как нечто «таинственное», «непознаваемое». В реалиях современных учений о звучании речи рассматриваются именно коммуникативные аспекты фонетики, находящиеся на стыке понятий о вокализме, паралингвистике и когнитивистике. Современная фонетика переходит в область интонационных маркеров, которые в коммуникологии проявляются в связанности интонации и содержания, в способности «маскировать» проблемы коммуникации, сосредоточении внимания на контексте, а не на тексте, дифференциации и интеграции сказанного, прагматике. В этом кратком исследовании выдвигается гипотеза, что подобные подходы (без формирования понятийного и терминологического аппарата) уже рассматривались в различных течениях футуризма как на уровне манифестов и художественного творчества, так и на теоретическом уровне. Эта взаимосвязь позволяет продолжить освоение семантической фонетики как раздела коммуникологии.

Источники

- Балль Х. (2010). Бегство из времени / Вступительная статья, составление, перевод и примечания В. Седельника. М.: Журнальный зал в РЖ.
- Бурлюк Д.Д. (1994). Фрагменты из воспоминаний футуриста. Письма. Стихотворения. СПб.: Пушкинский фонд.
- Ганиев Ж.В. (2013). Об основах методики преподавания фонетики русского языка. // Русский язык в школе. № 2.
- Крученых А. Е. (1923). Апокалипсис в русской литературе. Чорт и речетворцы. Тайные пороки академиков. Слово, как таковое. Декларации. М.: Тип. ЦИТ.
- Панов М.В. (1967). Русская фонетика. М.: Просвещение.
- Потапов В.В. (2005). Фонетические единицы русской речи: Статус и функции. ИНИОН РАН. Москва.
- Хлебников В. (1986). Творения / Общая редакция и вступительная статья М.Я. Полякова; Сост. и комментарии В.П. Григорьева и А.Е. Парниса. М.: Советский писатель.
- Хромов С.С. (2011). Полифункциональный анализ русской интонации в языке и речи в начале XXI в. // Ярославский педагогический вестник (*Гуманитарные науки*). № 4. Том 1.
- Шарков Ф.И. (2014). Социология социальных коммуникаций в контексте развития научного направления «коммуникология» // Коммуникология. Том 7. №5. С. 15-26.
- Юрьев О. (2008). Заполненное зияние-2. Рецензия на книгу: Гор Геннадий. Блокада: Стихи / Пер. с русского с параллельным текстом. Вена: НЛО.
- Janecek G. (1986). A Zaum' Classification. *Canadian-American Slavic Studies*. Vol. 20, No. 1-2. P. 37-54 / Russian transl.: Классификация зауми // Слово. Тамбов: Тамбовский гос. ун-т, 1996.
- Marinetti F.T. (1909). Fondazione e manifesto del futurism [режим доступа]: https://it.wikisource.org/wiki/I_Manifesti_del_futurismo/Fondazione_e_Manifesto_del_futurismo.

■ ■ ■ The Communicative Function of Phonetic Units in Russian Futurist Poetry

Koydan E.V.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Moscow, Russia.

Abstract. The paper examines the historical connection of phonetics with general linguistics, and reveals why this area of linguistics did not develop neither consistently, nor simultaneously in the structure of philological sciences. Attention is paid to the modern media-text approach to such an area of phonetics as intonation; the latter, in turn, is viewed as part of communication theory. It is hypothesized that such an attitude to sound, to the phoneme, has already been considered among the Futurists, Dadaists, Lettrists, Budelyans and Oberiuts, who interpreted sounds as an unknowable phenomenon that is beyond the cognition of the mind. Here the place and the pragmatic role of modern science on current approaches to phonetics in communicology is determined, where intonation does not refer to either cognitive science or paralinguistics, but, at the same time, unites these two areas of practical speech production. It is hypothetically assumed that such approaches were realized by some representatives of trends and schools of the direction of modernism of the early twentieth century.

Keywords: phonetics, phonology, communicology, pragmatics, nihilistic avant-garde, "zaum", Oleg Yuryev, M.V. Panov, Gerald Yanechek

For citation: Koydan E.V. (2021). The Communicative Function of Phonetic Units in Russian Futurist Poetry. *Communicology (Russia)*. Vol. 9. No.1. P. 42-52. DOI 10/21453/2311-3065-2021-9-1-42-52.

Inf. about the author: Koydan Elizaveta Valerievna – student of the Faculty of Journalism, Institute of Public Administration and Civil Service, RANEPA. *E-mail:* elizavetakoydan@gmail.com.

Received: 11.09.2020. *Accepted:* 25.02.2021.

References

- Ball H. (2010). Flight from time. Ed., introductory article, compil., transl. and notes V. Sedelnik. Moscow (In Rus.).
- Burliuk D.D. (1994). Fragments from the memoirs of a futurist. Letters. Poems. SPb.: Pushkin Foundation (In Rus.).
- Ganiev Zh.V. (2013). On the basics of teaching Russian phonetics. *Russian language at school*. No. 2 (In Rus.).
- Kruchenykh A.E. (1923). Apocalypse in Russian literature. The devil and the talkers. Secret vices of academicians. The word as such. Declarations. Moscow (In Rus.).
- Panov M.V. (1967). Russian phonetics. M.: Education (In Rus.).
- Potapov V.V. (2005). Phonetic units of Russian speech: Status and functions. INION RAS. Moscow (In Rus.).

Khlebnikov V. (1986). Creations. Ed. and introductory article M.Y. Polyakov; compil. by V.P. Grigoriev and A.E. Parnis. M.: Soviet writer (In Rus.).

Khromov S.S. (2011). Multifunctional analysis of Russian intonation in language and speech at the beginning of the XXI century. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin (Humanities)*. No. 4. Vol. 1 (In Rus.).

Sharkov F.I. (2014). Sociology of social communications in the context of the development of the scientific direction "Communicology". *Communicology*. Vol. 7. No. 5. P. 15-26.

Yuriev O. (2008). Filled gap-2. Book review: Gennady Gor. Blockade: Poems / Transl. from Russian with parallel text. Vienna: UFO.

Janecek G. (1986). A Zaum 'Classification. Canadian-American Slavic Studies. Vol. 20, No. 1-2. R. 37-54 / Russian transl.: Zaumi classification // Word. Tambov: Tambov state. un-t, 1996.

Marinetti F.T. (1909). Fondazione e manifesto del futurism [access mode]: https://it.wikisource.org/wiki/I_Manifesti_del_futurismo/Fondazione_e_Manifesto_del_futurismo.

■ ■ ■ Распространение практики самостоятельной онлайн-диагностики здоровья: новые вызовы для коммуникации врача и пациента

Ракова К.В.

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России (МГИМО), Москва, Российская Федерация.

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена тем, что ныне отмечается увеличение количества интернет-запросов о диагностике и методах лечения Covid-19, а также определения первых симптомов данного вируса. На фоне ежедневного прироста числа заразившихся коронавирусом и инсценирования его рисков возрастает социальная напряженность, что побуждает индивидов к онлайн-диагностике и саморефлексии относительно дистанционного лечения, так как горячие линии больниц перегружены, а приемные часы врачей сокращены из-за большого потока пациентов. В статье рассматриваются реальные и инсценированные риски, которые влекут за собой самостоятельное интернет-лечение без коммуникаций с медицинскими работниками лицом-к-лицу; анализируются современные исследования экспертов о том, что подталкивает индивидов к онлайн-лечению и самоназначению медикаментов. Автором был проведен анализ статистических данных об интернет-запросах пользователей в поисковой системе «Яндекс» на темы, связанные с диагностикой и лечением коронавирусной инфекции. Делается вывод о том, что дальнейшее устойчивое развитие характера коммуникаций врача и пациента связано с тем, как будет решена задача обеспечения граждан необходимым спектром медицинских услуг и определением того, какие процессы в сфере медицины поддаются цифровизации.

Ключевые слова: диагностика, дистанционная коммуникация, здравоохранение, коронавирус, телемедицина, цифровизация, человеческий капитал

Для цитирования: Ракова К.В. Распространение практики самостоятельной онлайн-диагностики здоровья: новые вызовы для коммуникации врача и пациента // Коммунология. 2021. Том 9. № 1. С. 53-65. DOI: 10.21453/2311-3065-2021-9-1-53-65.

Сведения об авторе: Ракова Кристина Викторовна – аспирант кафедры социологии Московского государственного института международных отношений (университет) МИД России (МГИМО). Адрес: 119571, Россия, г. Москва, пр-т Вернадского, 76. E-mail: kristina@msrcenter.ru.

Статья поступила в редакцию: 04.02.2021. *Принята к печати:* 01.03.2021.

За последнее время мир и Россия подверглись радикальным социальным трансформациям, напрямую связанным со стремительным распространением коронавирусной инфекции. В 2020 году ключевые сферы жизнедеятельности человека претерпели невиданные ранее изменения на фоне пандемии Covid-19. Переход значительного числа образовательных учреждений, коммерческих и государственных организаций в режим дистанционной коммуникации в 2020 году – один из примеров таких трансформаций. Более того, определенные со-

циальные нормы, включая правила поведения в общественных местах также были изменены в связи с пандемией коронавирусной инфекции: теперь ношение маски и перчаток, соблюдение социальной дистанции в местах большого скопления людей является неотъемлемой частью становящейся социо-цифро-эпидемиологической реальности. В рамках социологии здоровья коронавирусная инфекция может рассматриваться в качестве социального феномена, так как при инфицировании Covid-19 индивид принимает на себя не существовавшую ранее социально-эпидемиологическую роль. Согласно концепции «роли больного» Т. Парсонса индивид на время покидает группу социально активных членов общества, обретая две характерные для этой роли черты: добровольная зависимость, которая предполагает необходимость в заботе и пассивное уклонение от своих обязательств (например, профессиональных) из-за болезни [Парсонс 401, 402].

Ускоряющееся распространение коронавирусной инфекции по всему миру является наглядной иллюстрацией того, что Ульрих Бек определяет как новейшие сложные риски инсценированного толка [Beck 2016: 4], которые по своей природе *делокализованы* (иными словами, не ограничиваются какой-либо определенной территорией или границей), *неисчислимы* (т.к. на сегодняшний день невозможно предсказать и определить все краткосрочные и долгосрочные последствия и риски, которые будут вызваны коронавирусом) и *некомпенсируемы* (ущерб здоровью, вызванный инфицированием коронавирусной инфекцией не поддается материальному возмещению), о чем пишет российский социолог С.А. Кравченко¹. Тенденции стремительного распространения коронавируса (Covid-19) также можно интерпретировать через призму теории «текущей современности», разработанной Зигмундом Бауманом: коронавирусная инфекция «вытекла» из одного китайского города Ухань и «растеклась» по всему миру, изменив социальный порядок миллионов людей [Bauman: 6].

Ежедневный прирост числа инфицированных коронавирусом пациентов в России² и других странах³, характерный для конца 2020 – начала 2021 гг., является серьезным вызовом для медицинских работников, поликлиник, больниц, научно-исследовательских учреждений, фармацевтических компаний, предприятий по производству медицинской аппаратуры и техники, а особенно для коммуникации типа «врач – пациент». Как отмечает заместитель министра здравоохранения РФ Олег Гриднев, по состоянию на 13 октября 2020 года «...коечный фонд в России, развернутый для пациентов с коронавирусом, занят практиче-

¹ Kravchenko S.A. (2020). Being Cosmopolitan and Anti-Cosmopolitan – The Complex Risks of Covid-19: The Demand to Move from the 'Society of Normalisation' to Global Medical Surveillance // The European Sociologist. Issue 45: Pandemic (Im)possibilities. Vol. 1.

² Стопкоронавирус.рф – официальный интернет-ресурс для информирования населения по вопросам коронавируса (COVID-19): <https://стопкоронавирус.рф> (дата обращения: 19.11.2020).

³ Covid-19 Map // Johns Hopkins University & Medicine, 2020 [el. source]: <https://coronavirus.jhu.edu/map.html> (accessed: 19.11.2020).

ски на 90%...»¹. Согласно данным пресс-службы департамента здравоохранения Москвы, 7 ноября 2020 года загруженность действующих больниц и госпиталей в столице достигла 70%².

Внедрение новейших цифровых технологий в процессы организации и предоставления медицинских услуг позволит частично снизить нагрузку медицинских работников и повысить скорость оказания помощи заболевшим: «...Ключевая задача сегодня – не только обеспечить врачам возможность использования современных информационных технологий, но и избавить их от тяжелой и затратной по времени бумажной работы, дублирования вносимой информации...»³. Сложившаяся ситуация подчеркивает необходимость внедрения алгоритмов искусственного интеллекта в сферу медицинских услуг для увеличения пропускной способности поликлиник и больниц. Одним из возможных методов увеличения скорости предоставления медицинских услуг является их частичная цифровизация.

22 декабря 2020 года в рамках онлайн-конференции «Найди своего доктора» была рассмотрена тема «Цифровизация в медицине: инновационные технологии в помощь врачам и пациентам». «Цифровизация должна стать помощником врача в принятии решений, например, при его недостаточной компетенции. В этом смысле должны появляться сервисы, интегрированные в инструменты учетной политики, которые будут направлять и помогать врачу⁴», – отметил заместитель министра здравоохранения РФ Павел Пугачев. Это подчеркивает значимость медицинских работников и свидетельствует о том, что при внедрении цифровых технологий искусственного интеллекта в систему здравоохранения речь идет о частичной цифровизации медицины.

В августе 2019 года директор проектов здравоохранения компании «ТехЛАБ» Михаил Кауфман выделил основные трудности при цифровизации медицинских услуг: внедряя цифровые технологии в систему здравоохранения IT-специалистам следует регулярно «консультироваться с медицинским со-

¹ В Минздраве заявили, что коечный фонд для пациентов с коронавирусом занят почти на 90% // ТАСС, 13 октября 2020: <https://tass.ru/obschestvo/9705433> (дата обращения: 23.01.2021).

² Кирьянов Р. Власти Москвы оценили загруженность больниц пациентами с COVID-19 // РБК, 7 ноября 2020: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5fa5784a9a794721b88c2c71> (дата обращения: 19.11.2020).

³ Сидоров К. Цифровизация здравоохранения повысит качество и доступность медицинской помощи // Российская газета, спецвыпуск №209 (8263), 16 сентября 2020: <https://rg.ru/2020/09/16/cifrovizaciia-zdravoohraneniia-povysit-dostupnost-medicinskoj-pomoshchi.html> (дата обращения: 01.02.2021).

⁴ Заместитель министра Павел Пугачев: «Цифровизация должна стать помощником врача в принятии решений» // Министерство здравоохранения РФ, 22 декабря 2020: <https://minzdrav.gov.ru/news/2020/12/22/15727-zamestitel-ministra-pavel-pugachev-tsifrovizatsiya-dolzha-stat-pomoschnikom-vracha-v-prinyatii-resheniy> (дата обращения: 22.01.2021).

обществом и показывать им свои наработки, прежде чем выпускать коммерческую версию решения»¹; программное обеспечение должно включать возможность модернизации в соответствии с новшествами в медицине; проведение предварительного тестирования разработанных цифровых технологий. По мнению эксперта, вышеперечисленные преграды можно преодолеть при соблюдении трех условий: 1) при разработке медицинского программного обеспечения ставить на первое место цель принесения реальной пользы врачам и пациентам; 2) поддерживать коммуникацию с медицинским сообществом; 3) учитывать необходимость своевременной модернизации цифровых технологий в сфере медицины.

В 2016 году эксперты международной консалтинговой компании «McKinsey & Company» опубликовали исследование на тему: «Технический потенциал процесса автоматизации существенно отличается в зависимости от сектора и вида деятельности»². Одним из выводов, сформулированных авторами, является факт о том, что сферы здравоохранения и образования обладают относительно низким техническим потенциалом для внедрения технологий, использующих алгоритмы искусственного интеллекта: *(авт.пер.) «...Важность человеческого взаимодействия очевидна в двух сферах, которые до сих пор обладают низким техническим потенциалом для автоматизации: сферы здравоохранения и образования...»*³. Исследователи оценивают технический потенциал цифровизации медицинских услуг в 36% и подчеркивают, что для процессов, в которых требуется взаимодействие врача с пациентом лицом-к-лицу, технический потенциал цифровизации меньше. В качестве деятельности, которую можно полностью автоматизировать, авторы выделяют сбор и упорядочивание информации о здоровье пациента (медицинские карты, результаты анализов и др.). По оценкам экспертов, на данный вид деятельности младший медицинский персонал тратит две трети своего рабочего времени⁴. Более того, трудности реформирования медицинской деятельности в онлайн-формат также связаны с такими факторами как: отсутствие соответствующих законодательных актов, сопротивление внедрению телемедицины со стороны врачей, низкий уровень информационного освещения возможностей предоставления медицинских услуг дистанционно, а также проблема утечки информации в Интернет о данных больных коронавирусом. Согласно результатам исследования, проведен-

¹ Кауфман М. Что мешает цифровизации медицины // Инвест-Форсайт, 22 августа 2019: <https://www.if24.ru/chto-meshaet-tsifrovizatsii-meditsiny/> (дата обращения: 01.02.2021).

² Chui M., Manyika J., Miremadi M. The technical potential for automation differs dramatically across sectors and activities // McKinsey Digital, July 8, 2016: <https://www.mckinsey.com/business-functions/mckinsey-digital/our-insights/where-machines-could-replace-humans-and-where-they-cant-yet#> (дата обращения: 15.11.2020).

³ Там же.

⁴ Там же.

ным международной компанией «Эрнст энд Янг — оценка и консультационные услуги» на тему: «Исследование рынка коммерческой медицины в России»¹, по состоянию на декабрь 2019 года более 80% респондентов сошлись во мнении о том, что проекты по развитию телемедицины в России не оправдали надежд ввиду законодательных ограничений, низкой информированности населения о возможностях телемедицины, а также нежелания медицинских работников консультировать пациентов дистанционно.

Таким образом, внедрение алгоритмов искусственного интеллекта и цифровизации в сферу здравоохранения способно частично снизить нагрузку на медицинские учреждения и врачей, но не способно полностью автоматизировать процессы диагностики и лечения пациентов (от выявления первых симптомов болезни и до завершения всех этапов лечения пациента). В качестве наглядного примера рациональной автоматизации медицинских услуг следует привести запуск медицинской информационной платформы под названием «Единая радиологическая информационная система»² (далее по тексту – ЕРИС), действующей в Москве с 2015 года.

ЕРИС позволяет сократить объем ручной и бумажной работы в поликлиниках, повысить эффективность использования медицинского оборудования и оптимизировать хранение медицинских данных. Вся информация о пациентах хранится в едином цифровом облачном хранилище, доступ к которому предоставлен медицинским работникам с любой поликлиники в городе согласно положениям Федерального закона «О персональных данных» от 27.07.2006 N 152-ФЗ³. «...Сейчас получаем высокую, положительную оценку от главных врачей – насколько стало проще, удобнее и, главное, быстрее работать врачам благодаря ЕРИС»⁴, – отмечает главный рентгенолог Москвы Сергей Морозов в своем интервью деловому журналу о здравоохранении «Vademecum». Следует также отметить, что ЕРИС предусматривает реализацию аудита качества медицинских исследований и диагнозов: эксперты регулярно проводят аудит, размещенных в ЕРИС заключений и описаний, составленных рентгенологами, что позволяет снизить количество диагностических ошибок и минимизировать риски, связанные с человеческим фактором.

¹ Исследование рынка коммерческой медицины в России в 2018-2019 годы // Эрнст энд Янг: https://assets.ey.com/content/dam/ey-sites/ey-com/ru_ru/news/2020/03/ey_healthcare_research_2018-2019_24032020.pdf (дата обращения: 15.11.2020).

² На томографию без очереди: зачем нужен и как работает ЕРИС // Официальный портал Мэра и Правительства Москвы, 16 июня 2016: <https://www.mos.ru/news/item/12396073/> (дата обращения: 14.11.2020).

³ Федеральный закон «О персональных данных» от 27.07.2006 N 152-ФЗ: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/.

⁴ Добровольский Т. Чаще всего врач попросту не видит на снимке патологию // Vademecum. 20 октября 2017: https://vademec.ru/article/chashche_vsego_vrach_poprostu_ne_vidit_na_snimke_patologiyu/ (дата обращения: 19.11.2020).

Влияние цифровизации на человеческий капитал медработников

В ноябре 2020 года заместитель генерального директора по цифровому здравоохранению «Philips» в России и СНГ Дмитрий Александрович Лисогор в интервью «Российской газете» выразил мнение о том, что цифровизация медицины может положительно повлиять на человеческий капитал. Д.А. Лисогор считает, что внедрение алгоритмов искусственного интеллекта в медицину предоставит возможность врачам посвятить больше времени совершенствованию своих профессиональных компетенций: «Искусственный интеллект не заменит врачей как минимум в ближайшие десятилетия. Но он может освободить врача от многих рутинных операций, чтобы тот смог сфокусироваться на постановке диагноза. Так работа врача становится более интеллектуальной, у него есть возможность развиваться»¹. В свою очередь, российский академик РАН, ректор Первого МГМУ им. И.М. Сеченова Петр Витальевич Глыбочко подчеркивает значимость внедрения цифровых технологий в медицину на фоне эпидемии коронавирусной инфекции и считает, что цифровизация системы здравоохранения открывает целый ряд возможностей для человеческого капитала медицинских работников: «Профессия врача не уйдет. И чем дальше, тем она больше будет востребована. У него сегодня больше возможностей. Раньше, например, у него был рентгеновский аппарат, сегодня – компьютерный томограф. А в ковид наши студенты, ординаторы, аспиранты работают врачами, медсестрами, медбратьями. А те, которые не могут работать, проходят практику в лечебных учреждениях. Такой возможности в доковидный период не было»².

Немаловажной перспективой для человеческого капитала является формирование цифровых компетенций медицинских работников и расширение научного знания о коронавирусной инфекции. Так, для современных врачей создаются многочисленные курсы повышения квалификации, которые посвящены последним цифровым технологиям в медицине и новейшим методикам лечения коронавируса: «С целью реализации программы обучения медицинских работников во многих медицинских учебных учреждениях существуют курсы обучения цифровым технологиям в медицине. В 2020 году более 1,5 млн специалистов (врачей, медицинских сестёр, младшего медицинского персонала) прошли дистанционное обучение по актуальным вопросам заболеваемости и лечения новой коронавирусной инфекции COVID-19 на организованных Минздравом России обучающих онлайн-программах повышения квалификации медицинских работников»³.

¹ Неверова О. Диагноз на расстоянии // Российская газета, спецвыпуск №264 (8318), 23 ноября 2020: <https://rg.ru/2020/11/23/iskusstvennyj-intellekt-osvobodit-vracha-ot-rutinnyh-operacij.html>. (дата обращения: 04.02.2021).

² Краснопольская И. Доктор Чехов в цифре // Российская газета, федеральный выпуск №6 (8357), 14 января 2021: <https://rg.ru/2021/01/14/glybochko-iskusstvennyj-intellekt-standovitsia-pomoshchnikom-vracha-no-nikogda-ego-ne-zamenit.html> (дата обращения: 04.02.2021).

³ Манукиян Е. Как цифровые технологии меняют здравоохранение // Российская газета, 19 ноября 2020: <https://rg.ru/2020/11/19/vrachej-obuchat-cifrovoj-gramotnosti.html> (дата обращения: 06.02.2021).

Поведенческие модели россиян при лечении заболеваний

30 июля 2020 года российская некоммерческая организация Фонд «Общественное Мнение» опубликовала результаты социологического исследования на тему: «Работа системы здравоохранения во время эпидемии коронавируса». Согласно данным проведенного опроса в период с 12.07.2015 по 12.07.2020 гг. количество россиян, которые не доверяют врачам в поликлиниках и больницах, возросло на 14%. Так, отвечая на вопрос о стратегии лечения в случае плохого самочувствия, большинство россиян (60,2%) выбрали стратегию самолечения; в то время как 34,9% опрошенных респондентов сразу обращаются за помощью к врачу; 4,9%, соответственно, затруднились ответить на данный вопрос¹.

14 сентября 2020 года ФОМ опубликовал данные социологического исследования на тему «Фармацевтика и лекарства». Анализируя результаты данного исследования следует обратить внимание на распределение ответов респондентов на вопрос о ситуации, когда с целью экономии денег можно приобрести более дешевый аналог лекарства, которое выписал или порекомендовал врач. Так, по состоянию на 23 августа 2020 года 23% респондентов ответили, что им часто приходится покупать иные медикаменты из-за высокой цены лекарственного препарата, выписанного врачом; 37% опрошенных отметили, что они редко прибегают к покупке другого лекарства с целью экономии денег; в то время как 34% сказали, что не прибегают к данной модели поведения и покупают именно тот препарат, который был выписан или порекомендован врачом².

В октябре 2015 года специалисты Фонда «Общественное мнение» опубликовали результаты исследования на тему «Как россияне лечатся» согласно которым в 2015 году около 46% опрошенных предпочитают лечиться самостоятельно. Среди факторов, побуждающих россиян прибегать к самостоятельному лечению респонденты отметили: большие очереди в поликлиниках, недоверие врачам и современной медицине, низкий уровень профессионализма врачей, экономия денег на лечение и лекарства, отсутствие больницы по месту жительства³.

¹ Работа системы здравоохранения во время эпидемии коронавируса // Официальный портал ФОМ. Еженедельный всероссийский телефонный опрос 10–12 июля 2020 г. 1000 респондентов. Статпогрешность не превышает 3,8%. До 22 марта 2020 г. проводился «ФОМнибус» – еженедельный всероссийский поквартирный опрос. 53 субъекта РФ, 104 населенных пункта, 1500 респондентов: <https://fom.ru/Zdorove-i-meditcina/14425> (дата обращения: 15.11.2020).

² Фармацевтика и лекарства: отечественные и импортные лекарства. Влияние пандемии на фармацевтику // Официальный портал ФОМ. Еженедельный всероссийский телефонный опрос 21–23 августа 2020 г. 1000 респондентов. Статпогрешность не превышает 3,8%. До 22 марта 2020 г. проводился «ФОМнибус» – еженедельный всероссийский поквартирный опрос. 53 субъекта РФ, 104 населенных пункта, 1500 респондентов: <https://fom.ru/Zdorove-i-sport/14451> (дата обращения: 15.11.2020).

³ Как россияне лечатся: насколько распространено в России обращение к нетрадиционной медицине? // Официальный портал ФОМ. Еженедельный опрос «ФОМнибус» 11–12 июля 2015 г.: <https://fom.ru/Zdorove-i-sport/12348> (дата обращения: 20.11.2020).

Результаты вышеуказанных исследований свидетельствуют о том, что на фоне эпидемии коронавируса возрастает актуальность проблемы управления рисками интернет-диагностики и особенно инсценированными рисками, что сказывается на состоянии человеческого капитала: в России значительная доля граждан (60,2%) предпочитает проводить лечение без помощи специалистов и врачей, консультируясь в интернете¹.

Более того, 37% россиян самостоятельно выбирают более дешевую альтернативу медикаментам, выписанных врачом, с целью экономии денежных средств². Практика самостоятельного онлайн-лечения и приема лекарственных препаратов без контроля врачей влечет за собой многочисленные опасности и риски для человеческого организма, которые могут негативно отразиться на здоровье человека как в краткосрочном периоде, так и в долгосрочной перспективе.

Так, Энтони Гидденс говорит о том, что в «ускоряющейся» реальности малейшие действия индивидов, которые не согласуются с действующими моральными нормами общества могут привести к созданию серьезных негативных последствий в отдаленной перспективе – данное явление получило название «парадокс Гидденса» [Giddens: 2,3]. Самостоятельная интернет-диагностика и онлайн-лечение может также повлечь за собой непредвиденные негативные последствия для здоровья. 10 ноября 2020 года на официальном сайте российской газеты «Аргументы и факты» была опубликована статья, в которой главный врач Консультативно-диагностической поликлиники №121, главный внештатный специалист по первичной медико-санитарной помощи взрослому населению Андрей Тяжельников раскрыл ключевые опасности самостоятельного лечения и приема медикаментов без наблюдения врача, среди которых А.А. Тяжельников выделил такие риски, как: ошибочный диагноз, неэффективная лекарственная терапия, осложнения болезни, появление антибиотикорезистентности (при которой вирус в организме человека становится устойчивым к приему антибиотиков)³.

¹ Работа системы здравоохранения во время эпидемии коронавируса // Официальный портал ФОМ. Еженедельный всероссийский телефонный опрос 10–12 июля 2020 г. 1000 респондентов. Статпогрешность не превышает 3,8% (до 22 марта 2020 г. – «ФОМнибус»): <https://fom.ru/Zdorove-i-medsina/14425> (дата обращения: 15.11.2020).

² Фармацевтика и лекарства: отечественные и импортные лекарства. Влияние пандемии на фармацевтику // Официальный портал ФОМ. Еженедельный всероссийский телефонный опрос 21–23 августа 2020 г. 1000 респондентов. Статпогрешность не превышает 3,8% (до 22 марта 2020 г. – «ФОМнибус»): <https://fom.ru/Zdorove-i-sport/14451> (дата обращения: 15.11.2020).

³ Зайцева С. Не навреди себе антибиотиком. Эксперт – о вреде самолечения // Аргументы и факты. 10 ноября 2020. Ссылка на источник: https://aif.ru/health/life/ne_navredi_sebe_antibiotikom_ekspert_o_vrede_samolecheniya. Дата обращения: 19.11.2020.

Самостоятельная интернет-диагностика коронавируса с помощью поисковой системы «Яндекс»

Российская поисковая система «Яндекс» предоставляет пользователям онлайн-сервис «Яндекс. Wordstat»¹ с открытым доступом к статистическим данным о поисковых запросах онлайн-пользователей. Перейдем к анализу статистики поисковых запросов по темам, связанным с диагностикой коронавируса (Covid-19) и его лечением.

Согласно статистическим данным, наибольшее количество запросов по теме «Как лечить коронавирус» приходится на март и октябрь 2020 года: 395 507 запросов зарегистрировано за март 2020 года и 394 868 запросов в период с 1 по 31 октября 2020 года (рис. 1). Наименьшее количество запросов отмечено в августе 2020 года – 108 770 пользователей интересовались тем, как лечить коронавирусную инфекцию².

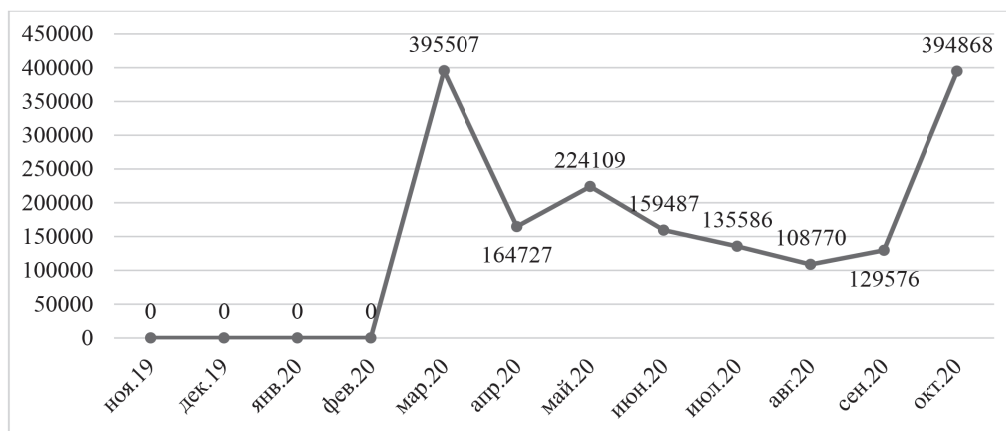

Рисунок 1. Интернет-запросы «Как лечить коронавирус» пользователей поисковой системы «Яндекс» в период с 1 ноября 2019 года по 31 октября 2020 года / “How to treat coronavirus” queries on Yandex from November 1, 2019 to October 31, 2020

В обществе растет уровень тревоги в связи со сложившейся эпидемиологической ситуацией в мире. Ежедневно публикуемые отчеты³ о заболеваемости коронавирусной инфекцией держат индивидов в состоянии постоянного напряжения

¹ Официальный портал ООО «Яндекс». «Яндекс.Wordstat» – статистика ключевых слов на Яндексе. Ссылка на источник: <https://wordstat.yandex.ru>. Дата обращения: 15.11.2020.

² Как лечить коронавирус // Яндекс.Wordstat – статистика ключевых слов на Яндексе, 2020. Ссылка на источник: <https://wordstat.yandex.ru/#!/history?words=как%20лечить%20коронавирус>. Дата обращения: 15.11.2020.

³ Стопкоронавирус.рф – Официальный интернет-ресурс для информирования населения по вопросам коронавируса (COVID-19). Ссылка на источник: <https://стопкоронавирус.рф>. Дата обращения: 19.11.2020.

и подталкивают к регулярной самостоятельной проверке организма на наличие симптомов Covid-19. Анализируя статистические данные¹ о поисковой деятельности пользователей «Яндекса» относительно симптомов коронавирусной инфекции, следует отметить рекордный прирост количества интернет-запросов, который был зарегистрирован в марте 2020 года – 5 613 673 пользователей искали информацию о симптомах Covid-19 (см. рис. 2).

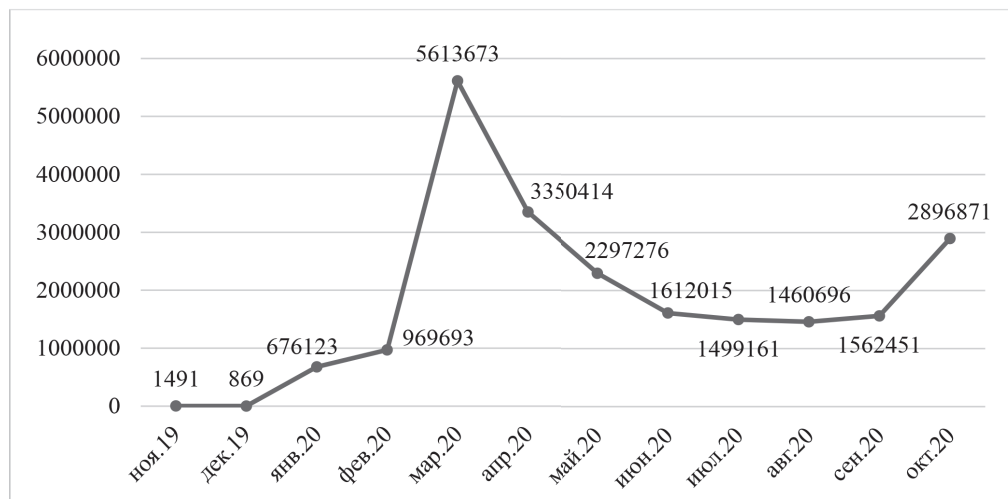

Рисунок 2. Интернет-запрос «Коронавирус симптомы» пользователей поисковой системы «Яндекс» в период с 1 ноября 2019 года по 31 октября 2020 года / “Coronavirus symptoms” queries on Yandex from November 1, 2019 to October 31, 2020

Любопытным является факт о том, что первый стремительный прирост поисковых запросов был отмечен в период с декабря 2019 года по январь 2020 года: за декабрь 2019 года было зарегистрировано 869 запросов на тему «Симптомы коронавируса», в то время как в январе 2020 года количество запросов увеличилось на 675 254 ед. и достигло отметки в 676 123 ед. По состоянию на 1 ноября 2020 года за прошлый месяц (в период с 01.10.2020 по 31.10.2020) было зафиксировано 2 896 871 пользовательских поисковых запросов о симптомах коронавируса.

Одним из многочисленных рисков самостоятельной онлайн-диагностики является прием рецептурных препаратов, например, антибиотиков, без предварительной консультации со специалистом (см. рис. 3). В апреле 2020 года 14 742 пользователя поисковой платформы «Яндекс» смотрели информацию об антибиотиках, которые применяются при лечении коронавирусной инфекции.

¹ Коронавирус симптомы // Яндекс.Wordstat – статистика ключевых слов на Яндексе, 2020. Ссылка на источник: <https://wordstat.yandex.ru/#!/history?words=коронавирус%20симптомы>. Дата обращения: 19.11.2020.

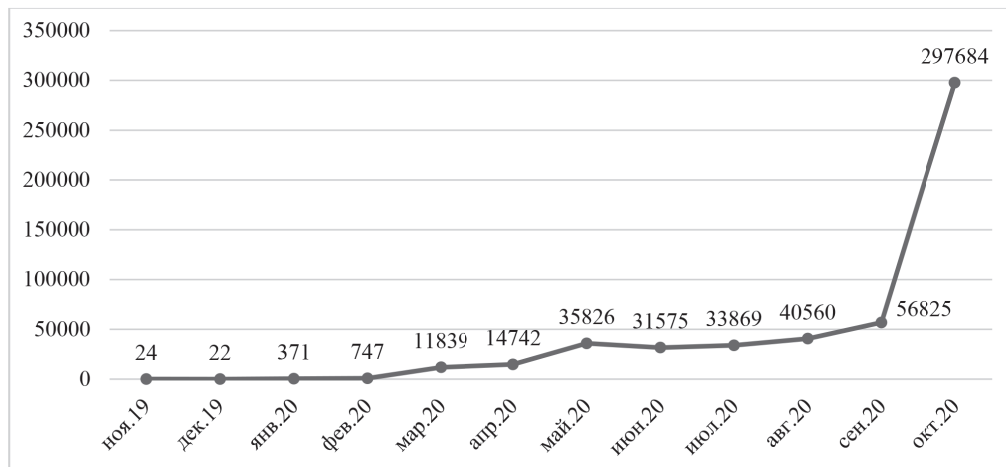

Рисунок 3. Интернет-запрос «Антибиотики при коронавирусе» пользователей поисковой системы «Яндекс» в период с 1 ноября 2019 года по 31 октября 2020 года / “Antibiotics for coronavirus treatment” queries on Yandex from November 1, 2019 to October 31, 2020

По сравнению с показателями, зарегистрированными в марте 2020 года, в мае 2020 года количество запросов увеличилось на 21 084 и достигло отметки 35 826 – именно столько пользователей искали в интернете информацию о том, какие антибиотики следует пить при коронавирусе. Следует отметить, что в октябре 2020 года было зафиксировано рекордное количество интернет-запросов о медикаментах: 297 684 пользователей ввели в поисковую строку «Яндекса» словосочетание «антибиотики при коронавирусе»¹.

Закключение. Стремительное распространение коронавирусной инфекции по всему миру порождает страх индивидов не только за свое здоровье и жизнь, но и за будущее: общество ежедневно рефлексировало о том, какое влияние пандемия 2020 года окажет на последующие десятилетия, а также на жизнь будущих поколений. Растущее напряжение подталкивает людей к регулярной самодиагностике здоровья в сети Интернет. Резкий рост числа инфицированных коронавирусом пациентов сказывается на загруженности медицинских работников и медучреждений, что также является импульсом к самостоятельной онлайн-диагностике и приему медикаментов. В некоторых случаях больным коронавирусной инфекцией не остается иного выбора, как прибегнуть к самолечению. Течение такого пока малоизученного заболевания, как коронавирус, само по себе рискованно, а в совокупности с практикой онлайн-диагностики и са-

¹ Антибиотики при коронавирусе // Яндекс.Wordstat – статистика ключевых слов на Яндексе, 2020. Ссылка на источник: <https://wordstat.yandex.ru/#!/history?words=антибиотики%20при%20коронавирусе>. Дата обращения 18.11.2020.

молечения риски усложняются, становятся отложенными, распространяются в пространстве и времени. На фоне пандемии коронавируса реализуется постепенное внедрение цифровых технологий в систему здравоохранения с целью повышения эффективности работы медицинских работников. Предполагается, что в скором будущем у врачей появится больше времени на совершенствование своих профессиональных умений и навыков, так как большая часть рутинной работы, связанной с документооборотом в медицинских учреждениях постепенно переводится в цифровой формат.

Источники

Исследование рынка коммерческой медицины в России в 2018-2019 годы // Эрнст энд Янг [эл. ресурс]: https://assets.ey.com/content/dam/ey-sites/ey-com/ru_ru/news/2020/03/ey_healthcare_research_2018-2019_24032020.pdf.

Работа системы здравоохранения во время эпидемии коронавируса // ФОМ [эл. ресурс]: <https://fom.ru/Zdorove-i-medsina/14425>.

Парсонс Т. (2002). О социальных системах / Под ред. В.Ф. Чесноковой и С.А. Белановского. М.: Академический Проект.

Bauman Z. (2006). *Liquid Modernity*. John Wiley & Sons Limited, Polity Press..

Beck U. (2016). *The Metamorphosis of the World*. Cambridge: Polity Press.

Beck U. (2009). *World at Risk*. Cambridge: Polity Press.

Chui M., Manyika J., Miremadi M. (2016). The technical potential for automation differs dramatically across sectors and activities // McKinsey Digital [эл. ресурс]: <https://www.mckinsey.com/business-functions/mckinsey-digital/our-insights/where-machines-could-replace-humans-and-where-they-cant-yet#>.

Covid-19 Map (2020) // Johns Hopkins University & Medicine [эл. ресурс]: <https://coronavirus.jhu.edu/map.html>.

Giddens A. (2009). *The Politics of Climate Change*. Cambridge: Polity Press.

Kravchenko S.A. (2020). Being Cosmopolitan and Anti-Cosmopolitan – The Complex Risks of Covid-19: The Demand to Move from the ‘Society of Normalisation’ to Global Medical Surveillance. *The European Sociologist*. Issue 45: Pandemic (Im)possibilities. Vol. 1.

■ ■ ■ Expansion of Online Health Self-Diagnosis Practices: new challenges for doctor-patient communication

Rakova K.V.

Moscow State University of International Relations (MGIMO-University), Moscow, Russia.

Abstract. The relevance of the research derives from the necessity to analyze new risks of online self-diagnosis of health conditions amidst the increase in the number of Internet requests for diagnosis and treatment of Covid-19 and identification of the first coronavirus symptoms. Tensions in society are growing due to the fact that the pace of epidemic is accelerating and the number of people infected with coronavirus is growing every day, encouraging individuals to self-diagnose in the internet, as hospital hotlines are overloaded, and doctors' visiting hours are reduced due to a large flow of the infected. Moreover, the article examines the risks that online self-treatment entails without professional supervision

and control. The analysis of modern research on what pushes individuals to online treatment and self-medication is presented in the article. The author reviews statistical data on the actual number of Yandex search queries regarding the diagnosis and treatment of coronavirus infection. At the end of the article, the author determines both the processes in the field of medicine that can be automated and the processes with a low technical potential for digitalization.

Keywords: automation, diagnosis, remote communication, healthcare, coronavirus, telemedicine, digitalization.

For citation: Rakova K.V. (2021). Expansion of Online Health Self-Diagnosis Practices: new challenges for doctor-patient communication. *Communicology (Russia)*. Vol.9. No.1. P. 53-65. DOI 10.21453/2311-3065-2021-9-1-53-65.

Inf. about the author: Rakova Kristina Viktorovna – post-graduate student of the Department of sociology, MGIMO-University. Address: 119571, Russia, Moscow, Vernadsky av., 76. E-mail: kristina@msrcenter.ru.

Received: 04.02.2020. *Accepted:* 01.03.2021.

References

- Bauman Z. (2006). *Liquid Modernity*. John Wiley & Sons Limited, Polity Press.
- Beck U. (2016). *The Metamorphosis of the World*. Cambridge: Polity Press.
- Beck U. (2009). *World at Risk*. Cambridge: Polity Press.
- Chui M., Manyika J., Miremadi M. (2016). The technical potential for automation differs dramatically across sectors and activities // McKinsey Digital [el. source]: <https://www.mckinsey.com/business-functions/mckinsey-digital/our-insights/where-machines-could-replace-humans-and-where-they-cant-yet#>.
- Covid-19 Map (2020) // Johns Hopkins University & Medicine [el. source]: <https://coronavirus.jhu.edu/map.html>.
- Giddens A. (2009). *The Politics of Climate Change*. Cambridge: Polity Press.
- Healthcare system performance during the epidemic. FOM website [el. source]: <https://fom.ru/Zdorove-i-medsina/14425> (In Rus.).
- Kravchenko S.A. (2020). Being Cosmopolitan and Anti-Cosmopolitan – The Complex Risks of Covid-19: The Demand to Move from the 'Society of Normalisation' to Global Medical Surveillance. *The European Sociologist*. Issue 45: Pandemic (Im)possibilities. Vol. 1.
- Research on commercial medicine in Russia 2018-2019. Ernst & Young [el. source]: https://assets.ey.com/content/dam/ey-sites/ey-com/ru_ru/news/2020/03/ey_healthcare_research_2018-2019_24032020.pdf (In Rus.).
- Parsons T. (2002). *The social system* /Ed. Chesnokova V.F., Belanovsky S.A. Moscow: Academic Project (In Rus.).

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

■ ■ ■ Дискурс гендерной асимметрии в социальных сетях: методология исследования

Олешкова А.М.

Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал) Российского государственного профессионально-педагогического университета НТГСПИ (ф) РГППУ, Нижний Тагил, Российская Федерация.

Аннотация. В статье актуализирована проблема гендерных стереотипов и гендерной стратификации. Дана характеристика конструкционизму и дискурс-анализу как методологическим основам гендерных исследований. Гендер представляет собой социальный конструкт и дискурсивную практику. Предложена методология исследования темы с учетом специфики социальных сетей как социальных медиа. Методами данного исследования выступает анализ лингвистических данных, который является частью конструкционистского анализа, дискурс- и контент-анализа. В качестве философского основания темы избран подход М. Фуко, оказавший влияние на дискурсивные и конструкционистские исследования. На материалах социальной сети «ВКонтакте» показаны особенности артикуляции данной темы. Выявлены дискурсивные приемы, с помощью которых обозначается позиция субъекта. С одной стороны, в социальных сетях, в отличие от иных медиадискурсов, проблема гендерных отношений выражена гипертрофировано. При традиционном спектре сюжетов для стереотипизации сетевой новояз проявляет способность к языковой игре, жанровой кооперации. С другой стороны, следует отметить полярные особенности гендерного дискурса в сетевом пространстве: сосуществование агрессивных ортодоксальных патриархальных суждений с саркастическим переосмыслением гендерных ролей и проявлением эгалитаризма в интерпретации маскулинности и феминности. Гендерный дискурс представляет собой элемент идеологического дискурса, обозначенный нами как современный новояз, для которого характерна способность политизировать любой аспект культуры и стремиться к доминированию.

Ключевые слова: новояз, гендер, конструкт, стереотип, дискурс, конструкционизм, социальные сети, насилие, Фуко

Для цитирования: Олешкова А.М. Дискурс гендерной асимметрии в социальных сетях: методология исследования // Коммуникология. 2021. Том 9. № 1. С. 67-78. DOI: 10.21453/2311-3065-2021-9-1-67-78.

Сведения об авторе: Олешкова Анна Михайловна – кандидат исторических наук, доцент, Социально-гуманитарный факультет НТГСПИ (ф) РГППУ. Адрес: 622031, Россия, Свердловская область, г. Нижний Тагил, Красногвардейская ул., 57. E-mail: oleshkova@bk.ru.

Статья поступила в редакцию: 14.01.2021. *Принята к печати:* 29.02.2021.

Гендерные исследования получили развитие в России в 1990-х гг. На сегодняшний день гендерная проблематика представляет собой важный аспект междисциплинарного знания, аккумулирующего психологические, социологиче-

ские, философские, лингвистические и политологические темы. В контексте темы особую роль играют исследования гендерной проблематики в лингвистических дисциплинах [Кирилина].

Особый интерес представляют исследования, актуализирующие гендерные стереотипы в контексте лингвокультурологии, социолингвистики и политической лингвистики, а также работы, посвященные гендерным представлениям и проблемам медиатизации и легитимации социально-политических процессов посредством социальных медиа [McConnell-Ginet, Musolff, Shim, Stengel].

Методологический синтез дискурсивных и конструкционистских подходов позволяет проанализировать феномен гендерной асимметрии, которую фиксирует язык современного человека, определить культурные и социальные факторы, влияющие на стереотипизацию и стигматизацию гендера. С учетом процесса дигитализации, в рамках которого произошло усиление роли онлайн-коммуникации, являющейся важным источником изучения социальных отношений, актуальным представляется обратиться к феномену репрезентации гендерных стереотипов в медиадискурсе. В данной работе мы обозначим методологическую основу подобных гендерных исследований, приведем примеры репрезентации гендерных стереотипов на материалах комментариев в социальной сети, определим специфику сетевого языка, который мы интерпретируем как современный новояз.

Методологическая основа гендерных исследований

Гендер является частью системы социальных стереотипов. С точки зрения конструкционистской парадигмы, стереотипы представляют собой конструкты. Для понимания масштабности исследовательской базы и возможностей междисциплинарной кооперации охарактеризуем существующие направления в рамках конструкционизма.

Основателями социального конструкционизма как отдельного методологического направления и разнородной группы теорий являются К. Герген (Джеджен), Р. Харре, Дж. Шоттер. Связанными с конструкционизмом можно назвать дискурс-анализ и дискурсивную психологию (Дж. Поттер и М. Уэзерелл), нарративную психологию (Т. Сарбин), теорию диалогического Я (Г. Херманс). Кроме того, важную роль в эволюции данного направления сыграла философия Ницше, Витгенштейна, Фуко [Улановский: 38].

Следует конкретизировать некоторые идеи, которые легли в основание данного конструкционистского подхода, который совместно с дискурсивным подходом позволяет синтезировать социально-философские и лингвистические исследования.

Прежде всего, нас интересует теорема У. Томаса, согласно которой, «если ситуация мыслится как реальная, она становится реальной по своим последствиям» [Merton]. Таким образом, ментальные комплексы определяют не только дальнейшее восприятие реальности, но и действия субъекта, при этом совокупность установок и представлений индивидов должны согласовываться друг с

другом, обуславливая мышление и поведение в статусе нормы. Гендерные стереотипы можно трактовать в рамках самоисполняющегося пророчества, определяемого Р. Мертоном как неверно понятую ситуацию, в которой действия субъектов предопределяют сценарии ее развития. В теории Мертона для нас также важна идея социального прототипа [Мертон: 278].

Важное влияние на конструкционизм оказала феноменология. На основе работ Шюца, который изучал смысловую структуру повседневности [Шютц], была разработана идея типизирования.

Типизация социокультурного пространства обуславливает группировку явлений по определенному признаку, оказывая влияние как на повседневную, так и научную деятельность субъекта. Бергер и Лукман развили эту идею, включив в процесс типизации человека и представив совокупность этих типизаций в виде социальной структуры.

Бергер и Лукман характеризуют природу общества как субъективно-объективную, отводя языку первичную роль в конструировании мира. В первом аспекте теории следует отметить экстернализацию субъективных значений [Бергер: 86], интернализацию объективированного мира и легитимацию институционального мира [Бергер: 102, 103]. Именно посредством легитимации стереотип начинает представлять собой вневременной константный способ восприятия окружающей действительности.

Способы объяснения формирования и функционирования стереотипов строятся на двух эмпирических основах: психологическая и социологическая. Представляется, что философское знание способно учесть практико-ориентированный потенциал обеих дисциплин, придав им фундаментальный характер. В этой связи можно говорить о когнитивном и социокультурном подходах в изучении процесса стереотипизации. Оба ракурса представляются важными и влияют друг на друга.

Когнитивные дисциплины позволяют говорить о процедуре категоризации, которая является основой восприятия одного субъекта другим. Категоризация в контексте исследуемой темы подразумевает смещение фокуса восприятия субъекта в сторону социальной группы, когда отдельный индивид воспринимается не как атомарная единица, а именно как часть определенной социальной группы. В этом отношении данный аспект темы связан с социокультурным подходом, который позволяет оперировать категориями «свой»-«чужой», аути- и ин-группа. Обе бинарные оппозиции дают возможность обратиться к феномену идентичности, которая является следствием и индикатором этой дихотомии [Tajfel, Turner; Hamilton, Sherman].

В отношении применения методологии конструкционизма, следует учесть два замечания. Во-первых, с точки зрения конструкционизма, объективироваться могут проблемы, которые не имеют реального содержания. Во-вторых, существует несколько разновидностей конструкционизма. В первом феноменологическом варианте любое явление может рассматриваться как конструкт, исследователь не подразумевает никаких референций. Во втором случае допустимо

учитывать контекст влияния, принимать во внимание внешние факторы, определяющие стереотипизацию.

Интернет-комментарий как источник гендерных исследований

Как было отмечено выше, легитимация означает закрепление стереотипов. Социальные сети представляют собой агентов социального конструирования и площадку для воспроизводства и потенциального развенчания стереотипов. Это означает, что высказываясь по той или иной теме, субъект вынужден реагировать на предлагаемый контент, учитывать профиль паблика и мнение большинства. В этой связи важно подчеркнуть, что социальные сети, являясь социальными медиа, обладают возможностью комментирования событий. Кроме того, в отличие от того или иного СМИ, социальная сеть состоит из множества сообществ, обладающих многообразным тематическим спектром.

В определенной степени комментарии не являются новым феноменом, а актуализируют феномен толпы в новых онлайн условиях. Голландский исследователь новых медиа Герт Ловинк [Ловинк: 159] в этом отношении приводит в пример работу Элиаса Канетти [Канетти], в которой обозначены свойства толпы: стремление к росту, равенство, плотность, направление [Канетти: 41-42]. Представляется, что по критерию равенства можно противопоставить толпу в онлайн и офлайн условиях. Дискуссия в сетевом пространстве на актуальные темы разворачивается с целью утвердить правоту своей мысли. Обладание дискурсом – обладание властью [ван Дейк: 8]. Борьба за дискурс обуславливает агрессивный характер полемики и одновременно является индикатором сензитивности обсуждаемой темы.

Следует отметить, что гендерные темы обсуждаются не только в специализированных сообществах, но даже в тех, где соответствующие темы не являются основными: например, новостные и политические сообщества. Приведем в пример два паблика сети «ВКонтакте», охарактеризуем их особенности и интерпретируем способы репрезентации в них гендерной проблематики. Сообщество «Масонская ложа K&A» представляет собой объединение, где его участники дискутируют на разные темы. В подобных сообществах, как правило, присутствует как образовательный, так и развлекательный контент. Темы, которые находятся в сфере внимания пользователей (период 2015 – 2020 гг.), связаны с историей, философией, экономикой и политикой. Подписчики могут быть с диаметрально противоположными взглядами, что отражается на полемике. В комментариях к одному и тому же посту можно увидеть, как оскорбительные высказывания, так и дискуссию с развёрнутыми комментариями, научной терминологией, с ссылками на источники информации, что в целом для сетевого дискурса является исключением из правил, тем самым, особо показательно присутствие такого явления в конструировании медиадискурса.

В процессе коммуникации на темы гендерных отношений и ролей аудитория раскалывается по разным сюжетам, в том числе по тем, которые можно назвать ключевыми. Например, отношение к материнству. В сетевом языке активно ис-

пользуется обозначение «тыжмать». Критикуются женщины, абсолютизирующие эту роль, поскольку они, как считают их оппоненты, любые другие свои действия производят под знаком первенства этой ипостаси. Также в паблике присутствуют примеры слов и словосочетаний, указывающие на субкультуру принадлежности говорящих. Например, «тян» с отсылкой к японской культуре, обозначает молодую девушку. Существует множество производных слов от данного корня, фиксирующих наличие гендерной проблематики, обозначающих особое миропонимание, способ мышления, свойственный девушкам («тянобсуждения»). При этом в сети присутствует саркастическое отношение к гендерным темам, подразумевающим четкое разделение обязанностей и однозначные характеристики мужественности и женственности («не мужил – не служил»).

Второй пример, который мы использовали в данной работе – материалы сообщества «Новая газета». Одноименное СМИ представляет собой общеполитическое издание либерально-демократической и правозащитной направленности. В диапазоне 2012 – 2020 гг. можно отметить целый ряд слов и выражений, который одновременно касается гендерной и политической тематик. «ПравозащИТ-ница» одновременно указывает на скепсис относительно способности женщин заниматься серьезными политическими делами, которые могут трактоваться, как часть исключительно мужского *modus operandi*, так же такая трансформация слова может означать пренебрежительное отношение к правозащитной деятельности как таковой, вне зависимости от гендерных ролей. Комментарии содержат дискуссии относительно патриархальной культуры, свойственной современному обществу в контексте проблемы семейного населения. Подписчики спорят о причинах подобных кейсов, присутствуют сторонники подхода, что женщина может быть сама источником агрессии в свой адрес, что на нее оказывает влияние общественное мнение («самавиновата», «самавыбирала»), актуализируется фактор материальной стесненности, финансовой несамостоятельности.

Проблема харассмента (harassment), получившая в той или иной степени мировой резонанс, находит свое отражение и в сетевом дискурсе. Подписчики спорят о биологических и культурных различиях между полами, в дискуссиях фигурируют полярные заявления о природном праве мужчин на силу, о якобы любви женщин к проявлениям силы, обозначается недопустимость такой шовинистической позиции, которая критикуется в обозначении «ясамса» (производное от слова «самец»). Мем «онажежать» также находит свое использование в данном паблике. Категории «онажежать» и «онжеребенок» рассматриваются подписчиками негативно, как проявление детоцентризма, разрушение границ и иерархии в семье, что в данном контексте отражает не столько эволюцию института семьи, сколько является, в частном отношении, фактором, негативно влияющим на коммуникацию между субъектами в разных социальных ситуациях, в глобальном смысле слова, можно говорить о формировании конкурирующих ценностных ориентиров и приоритетов, действующих в современном обществе.

Гендер и его типичные и нетипичные паттерны используются для интерпретации политических и квазиполитических процессов и явлений. Квазиполитиче-

скими мы называем те события (процессы и явления), в которых содержательным, фактическим ядром является элемент другой сферы (культуры, религии, морали, спорта, шоу-бизнеса и других проявлений социокультурной сферы, в том числе гендерных отношений). В этой связи интересны примеры сюжетов, рассматриваемых подписчиками как девиация и разрушение духовности. Например, концепты «гейропа» [Рябова, Рябов] и «гейропейцы» используются для характеристики аксиологической сферы Запада, и подразумевают чуждый и враждебный перечень ориентиров, в которых нетрадиционные сексуальные отношения трактуются как норма. Примечательно, что данный концепт как бы синтезирует культурное и политическое, наделяя последнее оценочными суждениями.

При обозначенном профиле данного издания, следует подчеркнуть, что особенность интернет-комментария как нового источника, заключается в наличии полярных точек зрения на те вопросы, которые действительно неоднозначны для современного человека, и не имеют конвенциональной оценки в обществе.

Репрезентация гендера в контексте теории Мишеля Фуко и концепции новояза

Мишель Фуко, которого сложно однозначно отнести к конкретному научному направлению, оказал влияние и на дискурсивные, и конструкционистские исследования, исследовал феномен языка и власти, предложил процедуру генеалогии власти. Представляется, что изучение новояза как языка насилия и стигматизации может обогатиться философским основанием фукодианской концепции знания-власти и знания-языка.

Генеалогический метод Фуко, который философ разрабатывал на основе работы Ф. Ницше [Ницше], позволяет трактовать любой социокультурный феномен как сконструированный. Власть в этой связи представляет собой систему дисциплинарных практик, которые репрезентированы в конкретном дискурсе. Как мы видим, гендерный дискурс в медиапространстве на примере пабликов демонстрирует фукодианское пересечение порядка, знания, образования, конкурентных дискурсов, отражающих набор референций отдельных субъектов и в конечном счете безапелляционную борьбу за истину. Интернет-комментарий в отношении гендерной тематики, как и по поводу любого иного квазиполитического явления, представляет собой редуцированный вариант власти-знания. С учетом активного развития технологии big data представляется, что данный концепт в целом применим к Рунету, в том числе к сегменту социальных сетей.

Гендерная идентичность и стереотипы, с одной стороны, конструируются в дискурсе, но с другой стороны, они продолжают воспроизводиться в самом субъекте, который не может выйти за их пределы. Кроме того, нужно учитывать, что гендерные отношения, институт семьи, наряду с религией и моралью, являются одними из самых консервативных.

Таким образом, относительно развития гендерного дискурса в медиапространстве складывается двойственная ситуация. Власть в глобальном фукодианском смысле слова порождает дисциплинарные институты, регламентиру-

ющие нормы и табуирующие девиации. Сам высказывающийся субъект является объектом и носителем такой власти. Фуко использует концепты «паноптикум», «паноптизм», образно характеризуя практики контроля и дисциплины [Фуко 2015: 238-309].

Социальные сети, также являясь важным агентом социализации, закладывают определенные нормы, однако в сравнении с любым другим способом коммуникации (сравним с особенностями иных вариантов общения: односторонняя коммуникация большинства средств массовой коммуникации, отсутствие диалогичности; face to face повседневного разговора; аргументированность научной полемики) складывается ощущение, что выйти за пределы всегда существующих рамок все-таки можно, и субъект обладает возможностью вести себя так, как пожелает в фактически анонимном виртуальном пространстве. При этом тело как объект дискурсивной демаркации субъекта, а телесные практики как индикатор нормы являются одним из важных элементов гендерного дискурса, что видно на основе выше обозначенных примеров. При разнообразии новостных сюжетов, по поводу которых дается интернет-комментарий, основными темами для дискуссий о гендерных ролях является вопрос об «истинном предназначении» мужчин и женщин и о том, насколько новый или старый порядок можно считать «нормальным». В этой связи показательно, что у Фуко пересекаются темы сексуальности, власти, безумия, маргинальных практик [Фуко 2010; 2005].

Дисциплинарная власть определяет, с одной стороны, переплетение социального и биологического, что особенно важно для демаркации «гендера» и «пола», с другой – представляет собой своего рода вневременной способ регламентации повседневной жизни человека (вне зависимости от того, какой контекст имеется ввиду: онлайн или офлайн). В этой связи гендер является способом властного формирования субъекта, что позволяет гендерный дискурс считать идеологическим и включать в феномен новояза, в котором ключевой линией становится квазиполитическая тематика, способность субъекта любой сюжет истории и современности интерпретировать в политических категориях, сводить его к околополитической дискуссии.

Заключение. Таким образом, дискурс гендерной асимметрии, стигматизирующий на эксплицитном и имплицитном уровнях представления субъектов о гендерных иерархиях, первичных и вторичных гендерных ролях, является частью современного сетевого новояза. В целом, для сетевого языка, несмотря на условный профиль группы социального медиа и ракурс обсуждаемых тем, характерна языковая игра, элементы олбанского, что может говорить о разновозрастной аудитории. Представляется, что нарочитое искажение слов («деффка»), популярное в 2000-х гг., именуемое так же «язык падонков», спустя 20 лет, может свидетельствовать о зрелом возрасте подписчиков.

В структуре современного новояза заметное место занимает язык Луркморя (луркояз), аккумулирующий культуру мемов Рунета, которые являются прецедентами, как правило, для молодого поколения, или для субъекта любого воз-

раста, знакомого с языком мемов. Также важной особенностью новояза являются элементы hate speech, которые усиливают роль бинарных оппозиций.

Сетевой новояз, построенный на совокупности жанров, стилей, автономных культурных явлений, позволяет говорить о соединении онлайн и офлайн пространств, поскольку воспроизводится не только в пределах интернет-коммуникации. Вслед за этим гендерная асимметрия, с одной стороны, в сетевом языке присутствует ровно также, как в средствах массовой информации (стоит подчеркнуть, что электронные СМИ также могут иметь опцию комментирования), живой речи субъектов вне средств массовой коммуникации, на уровне повседневного разговора. С другой стороны, следует отметить отличительные особенности гендерного дискурса в Интернет-пространстве. В отличие от стиля прессы, для которой характерно наличие определенных этических и тематических рамок, язык комментирования более свободен, наряду с явно агрессивными выражениями, демонстрирует гибкость и сложность конструкций, чуждость эвфемизмов, прямолинейность и способность к языковой игре. Как следствие, реализуясь в более непринужденной, естественной среде, данный дискурс может вскрывать реальный спектр социальных проблем, который актуален для современного человека и общества.

Не только явление гендерной асимметрии, но и сам феномен гендера тесно связан с концептами «власть», «телесность», «сексуальность». Эта идея применительно к анализу сетевого новояза позволяет зафиксировать не только диспропорцию в репрезентации социокультурных ролей мужчин и женщин в разных сферах жизни, но и установить набор гендерных моделей поведения и социальных ситуаций, характеризующих современное общество через многообразие ин- и аут-групп. Каждая из групп имеет идеальный и табуизированный перечень способов действия и оценок друг друга. Доминирование в языке через категоричные суждения и языковую игру, акцентирующую внимание на гендерных стереотипах, отражает связь дискурсивного и социального уровня взаимодействия между субъектами [Ван Дейк: 113-114]. Онлайн-пространство обладает опциями, схожими с офлайн пространством, описываемым Мишелем Фуко, в публичных пространствах существует модерация группы, возможен буллинг и троллинг, что ведет к стигматизации конкретного субъекта, отдельного мнения или позиции целой социальной группы.

Среди иных особенностей гендерного дискурса в сетевом пространстве следует выделить две отличительные черты. Помимо классических бинарных оппозиций, которые подразумевает гендерная проблематика, в сетевом обсуждении фигурируют промежуточные, синтетические варианты позиционирования субъекта. Например, когда мужчина себя характеризует, как феминист. В отличие от реализации дискурса посредством других средств массовых коммуникаций, особенно в исторической ретроспективе, социальные сети не обладают такой проблемой, как ограниченный доступ к масс-медиа, как следствие, высказываться может любой субъект.

Помимо гендерного аспекта, новояз аккумулирует непосредственно политические сюжеты, а также комментарии к сфере религии и этнокультурной иден-

тичности, трансформируя фактически любой аспект социокультурного пространства в квазиполитическое. В этой связи гендерная проблематика, артикулированная через новояз, представляется наиболее локальной и автономной, наименее склонной к явной политизации, однако и она характеризуется способностью субъекта использовать политические сюжеты и основную оппозицию «либерал» – «консерватор» для идентификации ин- и аут-групп. Либеральное соотносится с эгалитарными представлениями о гендерных отношениях. Консервативное – с традиционными ипостасями мужчины и женщин. Данная оппозиция представляется универсальной и базовой для категоризации любого квазиполитического дискурса. Кроме того, «гендер» является способом интерпретации субъектов политики, государств, политических режимов, политической власти, которые также могут быть представлены в категориях «отцовства» и «материнства» и разных «стилей воспитания» народа.

При всей традиционности тем, подвергающихся гендерной стереотипизации, на материалах сетевого новояза можно заключить, что, во-первых, особое значение для общества имеют те темы, которые подвержены языковой игре, то есть не просто проговариваются субъектом или представляются через явную агрессию и оскорбления, а как бы обыгрываются, тем самым обращая на себя внимание. Во-вторых, актуальными вопросами являются сюжеты, не вписывающиеся в условный профиль сообщества, в котором разворачивается коммуникация. Так, если паблик себя позиционирует, как политический или либеральный, исследовательский интерес представляет противоположный ракурс дискурсии в комментариях.

Гендерный дискурс является частью идеологического дискурса, который можно обозначить современным новоязом. Новояз представляет собой квазиполитический дискурс, особенностью которого является борьба за власть, стремление к контролю над коммуникативной ситуацией и возможность политизации любого аспекта социокультурного пространства. В контексте междисциплинарного взгляда на тему гендер является одним из индикатором, характеризующим оппозицию «свой» – «чужой», а также способом конструирования и интерпретации социальных процессов, связанных со сферой политики, религии, экономики, коммуникации. В этом отношении именно философия обладает тем интегративным потенциалом, позволяющим говорить о методологии такого комплексного анализа феномена гендера.

Источники

Бергер П. (1995). Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. М.: Медиум.

Гендер и язык (2005). Сост. А.В. Кириллина. Московский гос. лингвистический ун-т; Лаборатория гендерных исследований. М.: Языки славянской культуры.

Канетти Э. (2012). Масса и власть. Пер. с нем. Л.Г. Ионина. М.: Астрель.

Ловинк Г. (2019). Критическая теория Интернета. М.: Ад Марингем Пресс, Музей современного искусства «Гараж».

Мертон Р. (2006). Социальная теория и социальная структура / Роберт Мертон. М.: АСТ.

- Ницше Ф. (2014). Генеалогия морали / Пер. с нем. СПб.: Издательская группа «Лениздат», «Команда А».
- Рябова Т.Б., Рябов О.В. (2013). «Гейропа»: гендерное измерение образа Европы в практиках политической мобилизации // Женщина в российском обществе. №3.
- Ван Дейк Т. (2013). Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. Пер. с англ. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ».
- Улановский А.М. (2009). Конструктивизм, радикальный конструктивизм, социальный конструкционизм: мир как интерпретация // Вопросы психологии. №2.
- Фуко М. (2010). История безумия в классическую эпоху / Мишель Фуко; пер. с фр. И.К.Стаф. М.: АСТ: АСТ МОСКВА.
- Фуко М. (2015). Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ад Маргинем Пресс.
- Фуко М. (2005). Ненормальные: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1974 – 1975 учебном году. СПб.: Наука.
- Шютц А. (2003). Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / Сост. А.Я. Алхасов; Пер. с англ. А.Я. Алхасова, Н.Я. Мазлумяновой; Научн. ред. перевода Г.С. Батыгин. М.: Институт Фонда «Общественное мнение».
- Hamilton D.L., Sherman J.W. (1994). Stereotypes. Handbook of Social Cognition. Vol.2: Applications. R.S. Wyer, T.K. Srull (Eds.). Hillsdale NJ: Lawrence Erlbaum Associates.
- Merton R.K. (1995). The Thomas Theorem and the Matthew Effect. Social Forces. Vol.74. Oxford University Press.
- McConnell-Ginet S. (2011). Gender, Sexuality, and Meaning Linguistic Practice and Politics: Linguistic practice and politics (Studies in Language and Gender). Oxford: Oxford University Press. P. xii+297.
- Musolff A. (2021). National Conceptualisations of the Body Politic. Cultural Experience and Political Imagination. School of Politics, Philosophy and Language and Communication Studies University of East Anglia Norwich, UK.
- Shim D., Stengel F.A. (2017). Social media, gender and the mediatization of war: exploring the German armed forces' visual representation of the Afghanistan operation on Facebook. Global Discourse: An interdisciplinary journal of current affairs. Vol. 7. No.2-3. P. 330-347 (18).
- Tajfel H., Turner J.C. (1986). The social identity theory of intergroup behavior. In: Psychology of intergroup relations / S. Worchel, W.G Austin (Eds.). Chicago, IL: Nelson-Hall Publishers.

■ ■ ■ Discourse of Gender Asymmetry in Social Media: methodology of research

Oleshkova A.M.

Nizhny Tagil State Socio-Pedagogical Institute (NTSSPI), Branch of the Russian State Vocational Pedagogical University, Nizhny Tagil, Russia.

Abstract. The paper highlights the problem of gender stereotypes and gender stratification and provides the description of constructionism and discourse analysis as the methodological foundations of gender studies. Gender is viewed as both a social construct and discursive practice. The author proposes a specific methodology for discourse analysis that takes into account the specifics of social media. The methods of research include analysis of linguistic data, processed through the lens of constructionist analysis, discourse and content analysis. The author grounds the study on M. Foucault's approach that influenced discursive and

constructionist studies. The features of the articulation of the topic are shown based on materials of the social network VKontakte. The author reveals the discursive techniques, with the help of which indicates the position and role of the subject. In social networks, unlike other media discourses, the problem of gender relations is expressed exaggeratedly. With the traditional spectrum of plots for stereotyping, the network newspeak is prone to use language play and genre fusion. Hence, the polar features of gender discourse in the network space should be noted: the coexistence of aggressive orthodox patriarchal judgments with sarcastic rethinking of gender roles and the manifestation of egalitarianism in the interpretation of masculinity and femininity. Gender discourse is represented as an element of ideological discourse that the author designates as modern newspeak, which is characterized by the ability to politicize any aspect of culture and strive for domination.

Keywords: newspeak, gender, construct, stereotype, discourse, constructionism, social networks, violence, Foucault

For citation: Oleshkova A.M. (2021). Discourse of Gender Asymmetry in Social Media: methodology of research. *Communicology (Russia)*. Vol.9. No.1. P. 67-78. DOI 10.21453/2311-3065-2021-9-1-67-78.

Inf. about the author: Oleshkova Anna Mikhailovna – Cand. Sc. (Hist.), associate professor, Dept. of Humanities and Social Studies, NTSSPI, Nizhny Tagil Branch of RSVPU. Address: 622031, Russia, Nizhniy Tagil, Krasnogvardeiskaya str., 57. E-mail: oleshkova@bk.ru.

Received: 14.01.2020. *Accepted:* 29.02.2021.

References

- Berger P. (1995). Social construction of reality. Treatise on the Sociology of Knowledge / Transl. M.: Medium (In Rus.).
- Canetti E. (2012). Mass and power. Transl. L.G. Ionina. M.: Astrel (In Rus.).
- Foucault M. (2005). Abnormal: A course of lectures given at the Collège de France in the 1974-1975 school year / Transl. SPb.: Science (In Rus.).
- Foucault M. (2010). History of Madness in the Classical Era / Transl. I.K. Staf. M.: AST (In Rus.).
- Foucault M. (2015). Discipline and Punish. The birth of the prison / Transl. M.: Ad Marginem Press (In Rus.).
- Hamilton D.L., Sherman J.W. (1994). Stereotypes. Handbook of Social Cognition. Vol.2: Applications. R.S. Wyer, T.K. Srull (Eds.). Hillsdale NJ: Lawrence Erlbaum Associates.
- Kirilina A.V., ed. (2005). Gender and Language. Moscow state linguistic university; Laboratory for Gender Studies. M.: Languages of Slavic culture (In Rus.).
- Lovink G. (2019). Critical Theory of the Internet. Moscow: Ad Maringham Press, Garage Museum of Contemporary Art (In Rus.).
- McConnell-Ginet S. (2011). Gender, Sexuality, and Meaning Linguistic Practice and Politics: Linguistic practice and politics (Studies in Language and Gender). Oxford: Oxford University Press. P. xii+297.
- Merton R. (2006). Social theory and social structure. M.: AST (In Rus.).
- Merton R.K. (1995). The Thomas Theorem and the Matthew Effect. *Social Forces*. Vol.74. Oxford University Press.
- Musolff A. (2021). National Conceptualisations of the Body Politic. Cultural Experience and Political Imagination. School of Politics, Philosophy and Language and Communication Studies University of East Anglia Norwich, UK.

Nietzsche F. (2014). *Genealogy of morality* / Transl. SPb.: Publishing group Lenizdat, Team A (In Rus.).

Ryabova T.B., Ryabov O.V. (2013). Geyrope: Gender Dimension of the Image of Europe in the Practices of Political Mobilization. *Woman in Russian Society*. No. 3 (In Rus.).

Schutz A. (2003). The semantic structure of the everyday world: essays on phenomenological sociology / Ed. I. Alkhasov; Transl. I. Alkhasova, N. Mazlumyanova, G. Batygin. M.: Institute of the Public Opinion Foundation (In Rus.).

Shim D., Stengel F.A. (2017). Social media, gender and the mediatization of war: exploring the German armed forces' visual representation of the Afghanistan operation on Facebook. *Global Discourse: An interdisciplinary journal of current affairs*. Vol. 7. No.2-3. P. 330-347 (18).

Tajfel H., Turner J.C. (1986). The social identity theory of intergroup behavior. In: *Psychology of intergroup relations* / S. Worchel, W.G Austin (Eds.). Chicago, IL: Nelson-Hall Publishers.

Ulanovsky A.M. (2009). Constructivism, radical constructivism, social constructionism: the world as interpretation. *Questions of psychology*. No. 2 (In Rus.).

Van Dijk T. (2013). *Discourse and Power: Representation of Dominance in Language and Communication* / Transl. M.: LIBROKOM (In Rus.).

■ ■ ■ Трансформация концепции «мягкой силы» в политическом дискурсе КНР

Юй Лань

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Российская Федерация.

Аннотация. Вошедшая в официальный лексикон КПК концепция «мягкой силы» (soft power) имеет американские корни. В центре концепции Джозефа Ная лежит призыв к гибкому использованию нематериальных ресурсов культуры и политических идеалов для влияния на поведение людей в других странах. Для китайских властных групп концепция Ная выглядела как современное развитие национальной концепции «Искусство войны», и, вероятно, поэтому идея Дж. Ная получила глубокий межкультурный резонанс в Китае.

В статье представлены два главных аспекта проведенного авторами статьи исследования по влиянию концепции «мягкой силы» в политическом процессе. *Во-первых*, влияние концепции «мягкой силы» на политический процесс: «четвёртое поколение» китайских лидеров во главе с Председателем КНР Ху Цзиньтао сделало акцент на мягкую силу как основную стратегию межкультурной коммуникации; Си Цзиньпин внедряет принцип культурной уверенности, основанный, в том числе, на культурных ценностях, в политический дискурс современного Китая – это определяет новую задачу «мягкой силы». *Во-вторых*, «мягкая сила» как инструмент политической коммуникации: знаковое влияние культуры и идеологии конфуцианства как главных элементов политической коммуникации КНР. Новая идеология адаптирует и использует конфуцианские концепции как основу бренда межкультурной коммуникации и своеобразный идейный мост, который обеспечивает не только сохранение национальной самобытности, формирует положительный образ государства и укрепляет международные позиции страны, но и может стать сильной основой для внутреннего сплочения. В Китае проводится активная работа по адаптации «мягкой силы» к задачам современной внутренней и внешней политики. Исследования, проведенные по данной теме, показали, что концепция «мягкой силы» в интерпретации КНР с опорой на конфуцианские традиции является мощным инструментом политической культуры КНР и новой стратегии межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: мягкая сила, политический процесс, политический дискурс, конфуцианство, политическая коммуникация

Для цитирования: Юй Лань. Трансформация концепции «мягкой силы» в политическом дискурсе КНР // Коммуникология. 2021. Том 9. №1. С. 79-88. DOI 10.21453/2311-3065-2021-9-1-79-88.

Сведения об авторе: Юй Лань – аспирант кафедры департамента политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. Адрес: 125993, Россия, г. Москва, Ленинградский пр-т, 49. E-mail: 444357207@qq.com.

Статья поступила в редакцию: 16.02.2021. *Принята к печати:* 10.03.2021.

Концепция «мягкой силы»¹ (soft power) [Nye 1990], которая вошла в официальный лексикон коммунистической партии Китая, имеет сугубо американские корни и была сформулирована политологами в начале 1990-х годов, когда Китай переживал сразу несколько достаточно серьёзных потрясений.

Обстановка на международной арене в те годы для Китайской Народной Республики формировалась крайне неблагоприятно: события на площади Тяньаньмэнь привели к тому, что западные страны ввели против КНР большое количество экономических и торговых санкций, тогда как именно эти страны рассматривались Китаем как потенциальные партнеры в процессе проведения реформ и в становлении режима открытости для внешнего мира. Угрозой для этой стратегии стали и события в Восточной Европе и позже в СССР. Для КНР же было важно заручиться доверием партнеров к новому политическому курсу, создать благоприятный информационный и культурный фон для осуществления внешнеполитической деятельности, а также показать другим странам их выгоды от усиления и быстрого развития КНР.

На фоне отсталости в экономике, всё большую актуальность приобретала концепция «Идеальной победы», являющаяся основой «Искусства войны». Сунь Цзы, живший в VI веке до нашей эры сформировал представление об идеальной победе, которая заключалась в том, чтобы одержать победу над армией противника, не прибегая к сражениям. Эта концепция зиждилась на том, что военный действия – это всегда дорого для государства и трагично для народа, тогда как «идеальная победа» подразумевает уменьшения этих убытков.

В свою очередь концепция «мягкой силы», сформулированная американским политологом Джозефом Наем, основывается на переносе применения «нематериальных властных ресурсов» – политических идеалов и культуры – с целью оказать влияние на поведение народов в других странах. Цель этой концепции состоит в исключении физического насилия в достижении целей внешней и внутренней политики и применении информационных, моральных и психологических инструментов, оказывающих воздействие на человеческие чувства и сознание. По мнению Джозефа Наея, достижения целей можно добиться путём обличения своего политического товара в привлекательную для других стран упаковку и в то же время ввести солидные призывы за совместное сотрудничество. Под политическим товаром здесь подразумеваются идеи, идеологии, разнообразные повестки дня, инициативы и институты, а в качестве призывов может выступать расширение рыночных возможностей партнёра [Леонова: 16].

В тоже время властные группы Китая высказывали опасения относительно «раскола и озападняния» страны. В частности, в 1990-е годы об этом говорил Цзян Цзэминь². Для них концепция, предложенная Джозефом Наем, представлялось как некое современное толкование «Искусства войны», и, вероятно, по-

¹ Nye J. (1990). Soft Power. Foreign Policy. No.8 . P. 153-171.

² Цзян Цзэминь (2004). О социализме с китайской спецификой. Т. 2-3. М.: Памятники исторической мысли.

этому концепция Джозефа Ная вызвала столь широкий резонанс в КНР. Применение «мягкой силы» создаёт механизмы противостояния политическому давлению и культурной экспансии со стороны зарубежных стран, а национальная самобытность сохраняется, характеризуя с положительной стороны государство, и способствует укреплению его международных позиций.

Шестнадцатый Конгресс стал отправной точкой в истории Китая, ознаменовавший процесс плавного перехода власти к «четвертому поколению» лидеров КНР во главе с председателем Ху Цзиньтао. В последствии политическая власть, переданная в руки молодого поколения реформаторов, претерпела существенные изменения в культурной и идеологической сферах внутри Китайской Народной Республики [Переверзев: 32].

В конце мая 2004 года Политбюро центрального комитета коммунистической партии Китая было всерьез озабочено «ускорением строительства мягкой силы Китая». Отмечалось, что наращивание «мягкой силы» может стать важной точкой приложения усилий со стороны руководства, поскольку это позволит укрепить влияние и силу международной привлекательности культуры КНР вместе с её ценностями, общественными институтами и моделями развития [Ян Таоюань:6].

Резюмируя принцип рыночного устройства экономической системы, Дж. Най размышляет о том значении, которое приобрели негосударственные факторы, в первую очередь – транснациональные корпорации. В этих изменяющихся условиях возрастает роль информационных технологий и коммуникации, и успех государства зависит не только от военной или экономической мощи, но и от способности быть привлекательным, добиваясь того, чтобы «другие хотели того же, чего хочешь ты» [Нье 1990: 168].

В тоже время анализ кризисных характеристик того периода указывает на наличие двух взаимно противоположных тенденций, на которых основывался разрыв социалистической идеологии и капиталистической формы управления хозяйством. Одна сторона этого процесса приводила правящий режим Китая к стабилизации политической и идеологической систем, но другая сторона свидетельствовала о наличии давления со стороны рыночной экономики и внешнего культурного влияния по межкультурной коммуникации.

В январе 2007 года в процессе коллективной учебной сессии Политбюро ЦК Коммунистической партии Китая, где рассматривались вопросы управления Интернетом со стороны государства, Ху Цзиньтао снова упомянул о «мягкой силе». Уже в октябре того же года концепция «Мягкой силы» получила в КНР официальный признанный статус, а Ху Цзиньтао в своём докладе на семнадцатом съезде Коммунистической партии Китая призвал к развитию мягкой силы государства, подразумевая тем самым покорение новых высот в экономике, науке и военной сфере. В этих областях «мягкая сила» способна приумножать национальную мощь страны. Основной упор Ху Цзиньтао в своём докладе сделал на развитие культуры Китая, повышении его влияния на международной арене и увеличении конкурентоспособности.

В рамках данных политических высказываний появляется возможность проследить основные методологические рамки «Мягкой силы» в политике государств: межкультурная коммуникация, формирование привлекательного имиджа и т.д. Наиболее эффективно применяются дискурсивные практики «мягкой силы» в области бренд-имиджевой политической коммуникации. Инициативы «мягкой силы» являются важными элементами государственной дипломатии или того, как нация взаимодействует и общается с иностранной общественностью и, таким образом, продвигает национальные интересы на международной арене; Калл разделил практику публичной дипломатии на следующие пять элементов [Cull: 32–35]:

- прослушивание – сбор информации о международных мнениях, будь то законными или скрытыми способами, то есть шпионаж и сбор разведанных;
- пропаганда – продвижение определенной политики, идей или интересов среди иностранной общественности, как правило, через собственные посольства в других странах;
- культурная дипломатия – продвижение культурных ресурсов страны за границу и / или содействие передаче культуры за границу;
- дипломатия обмена – содействие взаимному обмену людьми с другими странами, например, в качестве студентов;
- международное вещание – использование новостных агентств, радио- и телевещания, а также связи через Интернет для взаимодействия с зарубежными пользователями.

Не менее феноменальной является и политика распространения китайской традиционной культуры вовне за счёт открываемых во всём мире Институтов Конфуция, финансирование которых происходит за счет Китая. Но речь здесь идёт не столько о культурно-идеологическом возрождении самого конфуцианства, сколько о том, чтобы использовать саму фигуру Конфуция, как, если можно так выразиться, бренд, несущий за собой создание системы межкультурной коммуникации в основе китайского языка.

John Holden в докладе «Влияния и притяжения»¹ утверждает, что культурные отношения напрямую связаны с вопросами языка. Частая связь преподавания языка с формальной деятельностью в области культурных отношений показывает, насколько важен язык как ворота к культурным связям и влиянию. Как сказал китайский писатель Шан Са: «Культура – это не только форма развлечения, это экономический актив и политический актив». На Западе культурная политика сегодня обеспечит один из способов компенсации ослабления военного, коммерческого и политического влияния [Holden: 14].

Отдельного интереса заслуживает тот факт, что про «мягкую силу» Ху Цзиньтао упомянул в разделе доклада о проблемах культуры при том, что основное

¹ Holden J. (2012). Influence and attraction: culture and the race for soft power in the 21st century (British Council, 2012), [эл.ресурс] URL: <https://www.britishcouncil.org/sites/default/files/influence-and-attraction-report.pdf>

направление этой концепции является разделом международной политики, инструментом влияния за рубежом. Упор делался и на то, что выход Китая «вовне» с его богатыми традициями и культурой должен сопровождаться появлением лучших научных кадров в области философии и общественных наук¹.

Более глубокое освещение эти вопросы получили в октябре 2011 года на шестом пленуме ЦК Коммунистической партии Китая, где в качестве главной темы рассматривалась культура. В ходе этого пленума была озвучена новая цель развития КНР, а именно – построение «могущественного культурного государства»². В принятом тогда постановлении ставились задачи развить культуру, искусство и общественные науки, актуальной осталась и тема продвижения культуры Китая во внешний мир.

Власти сделали вывод, что соперничество с другими странами невозможно без устойчивого развития китайской культуры. Высказывалась экономическая проблема, согласно которой импорт культурной продукции в КНР существенно преобладает над экспортом. Отмечалась необходимость завоевания «права голоса», который был бы услышан на мировой арене и позволил бы продвигать свои идеи и ценности во внешний мир. Эта политика стала ключевым аспектом идейно политического наследия Ху Цзиньтао, которое он оставил своим преемникам. С одной стороны, речь идёт о том давлении, которое оказывает на систему развивающаяся рыночная экономика совокупно с культурным влиянием извне посредством средств массовой информации, с другой – о стремлении правящего режима КНР к стабилизации и консервации идеологической и политической системы.

А.В. Ломанов в статье «Современная китайская концепция мягкой силы»³ связал концепцию «культурного самосознания» с «мягкой силой».

Концепцию «культурного самосознания» во второй половине 1990-х годов сформулировал известный китайский этнограф и социолог Фэй Сяотун (1910–2005): в конце творческого пути его внимание привлекли проблемы развития культуры и ее понимания людьми. На феномен превращения научной концепции в партийный лозунг обратили внимание китайские авторы, участвовавшие в комментаторском обсуждении решений пленума. Выступавшие указывали на необходимость повышения «культурного самосознания» людей, их «уверенности» в собственной культуре, что особенно важно на фоне роста мирового влияния Китая.

¹ Резолюция 17-го Всекитайского съезда КПК по докладу центрального комитета 16-го созыва // Китайский информационный Интернет центр [эл.ресурс]: http://russian.china.org.cn/china/archive/shiqida/2007-10/21/content_9101093.htm (дата обращения: 21.10.2007).

² Хаткова К.С., Абрамова Н.А. (2013). Культурные индустрии КНР в стратегии «построения могущественного культурного государства» // Современные наукоемкие технологии. No. 7-1. С. 18 [эл. ресурс]: <http://www.toptechnologies.ru/ru/article/view?id=31832> (дата обращения: 03.03.2021).

³ Ломанов А.В. (2015). Современная китайская концепция «мягкой силы» // «Мягкая сила» в отношениях Китая с внешним миром. М.: ИДВ РАН.

Представляется, что традиционная культура в значительной мере облегчила процесс адаптации концепции «мягкой силы» в Китае. Поддержание преемственности традиции выступает основной предпосылкой формирования национально-культурной идентичности – ее основанием является осознание духовной самобытности, которое наиболее полно отражается в культурных традициях, фиксирующих наиболее существенные основы мировоззрения.

Немалое значение в спорах о «мягкой силе» Китай придает опыту СССР. Руководитель Китайского центра исследований мягкой силы культуры Чжан Гоцзо полагает, что СССР распался не из-за материальной слабости, а из-за неспособности противопоставить пропагандистскому давлению Запада.

По мнению Чжан Гоцзо, СССР был способен бросить вызов США в военной силе, так как масштаб его экономики, индустриальная база, научно-техническая основа и инфраструктура были тогда «сравнительно передовыми в мире». Однако все эти преимущества в «жесткой силе» не помогли предотвратить распад страны, поскольку «рухнуло здание мягкой силы культуры, линия обороны в идеологии была разрушена, основные ценности были искажены или утрачены».

Любое государство должно идти на двух ногах: одна нога – это материальная жесткая сила, другая нога – это культурная «мягкая сила». Если государство не развивает материальную жесткую силу, то ему можно нанести поражение одним ударом; если не развивает мягкую силу культуры, такое государство и без удара само потерпит поражение.

Китайский политолог Янь Сюэтуン считает, что «мягкая сила» Китая включает в себя культурную и политическую силу, но основу составляет именно вторая [Yan Xuetong: 102]. Ученый определяет «мягкую» силу как готовность государства к внутренней политической мобилизации. Он делает акцент на необходимости поддержания внутренней стабильности, так как социальные дисбалансы являются главной угрозой «мягкой» силе. При обострении проблем внутри страны ухудшается ее международный образ и снижаются мобилизационные возможности. Таким образом, стратегия «мягкой силы» обращена не только вовне, но и вовнутрь. Китайская культура не станет привлекательной для иностранцев, если она не добьется признания у китайцев. Она обретет глобальную силу притяжения лишь тогда, когда станет основой для внутреннего сплочения. Китайский проект наращивания «мягкой силы», поначалу обращенный к иностранной аудитории, становится частью крупномасштабных планов развития и реформирования культурной сферы.

Ключевую роль в этих процессах играет китайский партийно-государственный лидер Си Цзиньпин, выдвинувший лозунг «китайской мечты»¹. Китайские политические лидеры рассматривают концепцию «мягкой силы» как инструмент создания общей культурно-политической идеологической основы, консолидирую-

¹ Коммюнике Пятого пленума ЦК КПК 19-го созыва Китайский информационный Интернет центр [эл. ресурс]: <http://ru.china-embassy.org/rus/ggl/t1832267.htm> (дата обращения: 13.11.2020).

щей взаимосвязи внутри страны. Основная цель внедрения и разработки концепции «внутренней мягкой силы»¹ – создание «сообщества единой судьбы»², понятной для всех.

После 18-го съезда партии генеральный секретарь Си Цзиньпин несколько раз упоминал принцип культурной уверенности в себе, передав свое понимание философии культуры и ее перспективы. В новом контексте идеологический аппарат КНР обращается к традиционным ценностям китайской философии как к своеобразному материалу, способному закрыть нарастающую растущую идеологическую брешь, и, таким образом, снизить социальное напряжение в стране. Характерной чертой процессов возрождения конфуцианских философских концепций является реинтеграция ценностных концептов, их инкорпорирование в современный политический дискурс КНР.

Обращаясь к основам коммуникации и модели коммуникации К. Шеннона (три уровня коммуникации: технический, семантический и уровень эффективности [Shannon: 17]), следует выделить семантическую роль конфуцианства как мировоззрения в обмене информацией между государством и населением, и в новой информационной политике Китая это помогает развитию общественных отношений и распространению общественно-политических идей. Главная заслуга конфуцианства в том, что оно осмыслило принципы организации общества и жизнедеятельности отдельной личности с позиций этических норм, что, в конфуцианской традиции, должно способствовать развитию у человека истинно благородных качеств. Здесь следует отметить именно мировоззрение и культурные традиции конфуцианства, которым следует и которые уважает большинство населения современного Китая. Большинство воспитано на таких основах конфуцианства, как доброта, честность, приличия, мудрость и верность [Nguyen Thi Vy Hanh: 84].

Следуя этой логике, пятое поколение китайских руководителей в качестве одной из перспективных целей для осуществления социалистической модернизации выдвигает повышение уровня общественной культуры и воспитания населения. Атрибутивные функции образования как механизма мягкой силы играют большую роль в развитии социально-политических коммуникаций, формировании интеллекта нации и в социальном управлении внутри современных государств [Ярмак: 131].

Конфуцианство – стержень китайской философии. Конфуцианское учение соединяет в одно целое мировоззрения и установки, реализуемые не только на уровне государственного управления и элита, но и в народе. Политическая этика Конфуция в целом направлена на достижение мира между верхами и низами общества и стабилизацию правления [Роднаева: 80]. Возрождение конфуци-

¹ Коммюнике Пятого пленума ЦК КПК 19-го созыва Китайский информационный Интернет центр [эл. ресурс]: <http://ru.china-embassy.org/rus/ggl/t1832267.htm> (дата обращения: 13.11.2020).

² Там же.

анских идей в Китае сегодня воспринимается как способ сохранения культурной идентичности через распространение общественной культуры, и, вместе с тем, повышения уровня привлекательности для иностранцев: «мягкая сила» Китая обретет глобальную силу притяжения лишь тогда, когда станет основой для внутреннего сплочения.

Заключение. Концепция «мягкой силы» является не статичной, а динамической политической категорией. В книге Джозефа Ная «Будущее власти»¹, ученый прямо утверждает, что «мягкая сила» является скорее дескриптивной, чем нормативной концепцией [Nye 2011: 81]. Этот обзор идейной и институциональной основы культурной дипломатии Китая при администрации Ху Цзиньтао с 2004 года показывает, что центральное руководство понимает межкультурную коммуникацию в первую очередь как мягкую силу создания «нематериальных властных ресурсов». В более широком смысле в эпоху Си Цзиньпина, мягкая сила рассматривается как инструмент коммуникации, который применяется не только для формирования благоприятного имиджа страны за рубежом, но и для укрепления «гармоничного общества внутри и вне Китая». Сейчас в Китае развернута кампания по адаптации «мягкой силы» к задачам современной внутренней и внешней политики страны. Так, идеи и мировоззрение конфуцианства используются как инструмент управления страной, и, в более высоком смысле, как средство политической коммуникации.

Источники

- Василик М.А. (2003). Основы теории коммуникации. М.: Гардарики.
- Грачев М.Н. (2004). Политическая коммуникация: теоретические концепции, модели, векторы развития. М.: Прометей.
- Леонова О.Г. (2018). Джозеф Най и «мягкая сила»: попытка нового прочтения. М.: МГУ имени М.В. Ломоносова.
- Ломанов А.В. (2015). Современная китайская концепция «мягкой силы» // «Мягкая сила» в отношениях Китая с внешним миром. М.: ИДВ РАН. С. 13-61.
- Переверзев Е.В. (2016). Китай: реконцептуализация в идеологии и культуре // Современный дискурс-анализ. С. 28-35.
- Роднаева В.В. (2017). Концепция «мягкой силы» в политической культуре Китая // Евразийство и мир. С. 76-86.
- Сунь-Цзы (2018). Искусство Войны / Перевод с китайского Башкеев В.В.М.: АСТ.
- Цзян Цзэминь (2004). О социализме с китайской спецификой. Т. 2-3. М.: ИД «Памятники исторической мысли».
- Ян Таоюань (2004). Увеличить мягкую силу Китая. Разъяснения к тринадцатой коллективной учебе в ЦК КПК // Ляован синьвэнь чжоукань. С. 14.
- Ярмак Ю. В. (2015). Проявление коммуникативных особенностей «мягкой силы» в истории государственного управления / Ю.В. Ярмак // Пространство и Время. No. 3(21). С. 126-133.
- Cull N.J. (2008). Public diplomacy: Taxonomies and histories. The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science, 616. P. 31-54.

¹ Nye J. (2011). The future of power. New York: PublicAffairs.

- John Holden (2012). Influence and attraction: culture and the race for soft power in the 21st century. British Council. P.14-34.
- Nguyen Thi Vy Hanh (2018). Confucianism and Soft Power of China. *Journal of Social Research & Policy*. Vol. 9. Issue 1. P.81-92.
- Nye J. (1990). Soft Power. *Foreign Policy*. P. 153-171.
- Nye J. (2011). The future of power. New York: PublicAffairs.
- Shannon C. (1966) The mathematics of communications. *Communication and culture*. N.J. P. 17-18.
- Yan Xuetong (2011). Ancient Chinese thought, modern Chinese power. Princeton University Press.

■ ■ ■ Transformation of the Concept of Soft Power in the Political Discourse of China

Yu Lan

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Abstract. The concept of “soft power”, which has entered the official lexicon of the Chinese Communist Party, has American roots. At the heart of Joseph Nye’s concept is a call for flexible use of the “intangible power resources” of culture and political ideals to influence the behavior of people in other countries. For the Chinese power groups, Nye’s concept looked like a modern development of the “Art of War” reasoning, so J. Nye’s idea received a deep cross-cultural resonance in China.

The article presents two main aspects of the research carried out by the author of the article on the influence of the concept of “soft power” in the political process. *Firstly*, the influence of the concept of “soft power” on the political process: the fourth generation of Chinese leaders, led by President of the People’s Republic of China Hu Jintao, focused on soft power as the basis for the strategy of intercultural communication; Xi Jinping introduces the principle of cultural confidence, including values in the political discourse of modern China in a new era. This defines a new task of “soft power”. *Secondly*, “soft power” as a tool of political communication: the culture and ideology of Confucianism has a significant influence on the political process communication of the PRC. In these conditions, the ideology of the PRC adapts and uses Confucian concepts as a brand of intercultural communication and a kind of ideological bridge that can serve to ensure the preservation of national identity, form a positive image of the state and strengthen the country’s international position, and will become the basis for internal cohesion. Hence the authorities actively work to adapt “soft power” to the tasks of modern domestic and foreign policy. The studies carried out on this topic have shown that the concept of “soft power” of the PRC is a powerful instrument of the political culture of the PRC and a viable strategy of intercultural communication.

Keywords: soft power, political process, political discourse, Confucianism, political communication

For citation: Yu Lan (2021). Transformation of the Concept of Soft Power in the Political Discourse of China. *Communicology (Russia)*. Vol. 9. No. 1. P. 79-88. DOI 10.21453/2311-3065-2021-9-1-79-88.

Inf. about the author: Yu Lan – post-graduate student of the Department of Political Science, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation. *Address:* 125993, Russia, Moscow, Leningradsky av., 49. *E-mail:* 444357207@qq.com.

Received: 16.02.2021. *Accepted:* 10.03.2021.

References

- Cull N.J. (2008). Public diplomacy: Taxonomies and histories. *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*, 616. P. 31-54.
- Grachev M.N. (2004). Political communication: theoretical concepts, models, vectors of development. M.: Prometheus (In Rus).
- Jiang Zemin (2004). About socialism with Chinese characteristics. Vol. 2-3. M.: Monuments of Historical Thought (In Rus).
- John Holden (2012). Influence and attraction: culture and the race for soft power in the 21st century. British Council. P.14-34.
- Leonova O.G. (2018). Joseph Nye and “soft power”: an attempt at a new reading. M: Lomonosov Moscow State University (In Rus).
- Lomanov A.V. (2015). The modern Chinese concept of “soft power”. In: *Soft power in China’s relations with the outside world*. M.: IFES RAS. P. 13-61 (In Rus).
- Nguyen Thi Vy Hanh (2018). Confucianism and Soft Power of China. *Journal of Social Research & Policy*. Vol. 9. Issue 1. P.81-92.
- Nye J. (1990). Soft Power. *Foreign Policy*. P. 153-171.
- Nye J. (2011). The future of power. New York: Public Affairs.
- Pereverzev E.V. (2016). China: reconceptualization in ideology and culture. *Modern discourse-analysis*. No.1 (14). P.28-35 (In Rus.).
- Rodnaeva V.V. (2017). The concept of “soft power” in the political culture of China. *Eurasianism and the world*. No 1. P. 76-86 (In Rus.).
- Shannon C. (1966). The mathematics of communications. *Communication and culture*. N.J. P. 17-18.
- Sun Tzu (2018). Art of War / Transl. from Chinese V.V. Bashkeev. M: AST (In Rus).
- Vasilik M.A. (2003). Fundamentals of Communication Theory. M.: Gardariki (In Rus).
- Yan Xuetong (2011). Ancient Chinese thought, modern Chinese power. Princeton University Press.
- Yang Taoyuan (2004). Enhancing China’s soft power. Explanations for the thirteenth collective study at the CPC Central Committee. *Liaowang xinwen zhouban*. No. 6. P. 14 (In Chinese).
- Yarmak Y.V. (2015). Manifestation of the communicative features of “soft power” in the history of public administration. *Space and Time*. No. 3 (21). P.126-133 (In Rus).

■ ■ ■ Социокультурные традиции в развитии экономики (коммуникативный аспект)

Григорян Т.Р.

Государственное казенное учреждение Калужской области «Централизованная бухгалтерия в сфере труда и социальной защиты», Калуга, Российская Федерация.

Аннотация: Статья посвящена проблеме взаимодействия культуры и экономики. Социология культуры изучает данный вопрос с целью выявления факторной роли культуры и экономики в механизмах социогенеза в современных условиях. В работе рассматривается роль и место социокультурной традиции, норм и ценностей в экономической системе социума и экономической деятельности современного российского общества. Автор обращает внимание на то, что определяет действительность и формирует пространство для коммуникации субъектов социальных отношений. В связи с этим в работе определена социокультурная традиция как основа коммуникации, взаимодействия культуры и экономики. Автор проводит анализ развития взглядов и идей на взаимоотношение, взаимосвязи культуры и экономики в работах зарубежных и отечественных исследователей, а также рассматривает традицию как основу, формирующую экономическую модель человеческого поведения. С точки зрения автора, социокультурная традиция является ядром, определяющим, объясняющим и прогнозирующим поведение человека в экономической жизни.

Ключевые слова: культура, экономика, традиция, общество, взаимодействие культуры и экономики, социокультурная традиция

Для цитирования: Григорян Т.Р. Социокультурные традиции в развитии экономики (коммуникативный аспект) // Коммуникология. 2021. Том 9. №1. С. 89-97. DOI 10.21453/2311-3065-2021-9-1-89-97.

Сведения об авторе: Григорян Тигран Рустамович – ведущий экономист по договорной и претензионной работе Государственного казенного учреждения Калужской области «Централизованная бухгалтерия в сфере труда и социальной защиты», аспирант кафедры культурологии и социальной коммуникации Института общественных наук РАН-ХиГС. Адрес: 248016, Россия, г. Калуга, Пролетарская ул., 111. E-mail: tigran-fin@mail.ru.

Статья поступила в редакцию: 19.01.2021. Принято к печати: 14.03.2021.

Взаимосвязь культуры и экономики является одной из обсуждаемых тем в гуманитарном дискурсе, объединяя экономистов, социологов, культурологов в попытках найти разумный вектор интеграции социума в условиях глубоких социокультурных трансформаций современности.

Дискуссии, инициированные экономистами, как правило, сосредоточены на факторной роли культуры, имея в виду ее потенциал в качестве ресурса для повышения производительности труда, что очень важно в условиях растущей глобальной конкуренции. Как считает декан экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова А.А. Аузан, «конкурентность страны на глобальных рынках

связана с культурными и ценностными характеристиками, которые поддаются измерению» [Аузан: 1-2]. Во многом ориентируясь на необходимость количественных измерений феноменов культуры, активно развивается новое направление научных исследований – «социокультурной экономики» («Cultural Economics»), в рамках которой теоретики-экономисты пытаются понять и объяснить экономические процессы с помощью культуры [Аузан: 4].

Следует заметить, что экономика при этом понимается в ее актуальном сегодня значении – как организация хозяйственной деятельности общества со специфическим для этого общества набором социальных институтов, включая право, образование, менталитет – в совокупности формирующих мотивацию к увеличению текущей прибыли «в рамках реагирования на спрос и удовлетворения спроса»¹. Основой институциональности в таком случае выступает культура, действующая как исторически сложившаяся «надбиологическая» [Степин] программа, состоящая из устойчивых форм воспроизводства человеческой деятельности, как набор правил и критериев, которые предписывают человеку определённое поведение, в том числе и в сфере хозяйственной деятельности². Именно в таком ракурсе культура рассматривается как фактор потенциального рыночного преимущества в процессах производства и сбыта продукции. И именно этот ракурс обнаруживает важные точки соприкосновения экономики и культуры, которые позволяют последней оказывать управляющее воздействие на экономическую деятельность.

С позиций социологии культуры взаимодействие экономики и культуры подтверждает сложные и неявные связи между ними. При этом имеет значение конфигурация отношений, которые складываются на всех стадиях воспроизводственного процесса, т.е. производства, распределения, обмена и потребления произведенного продукта. Идеи Макса Вебера о том, что в основе капиталистической экономики лежит специфическая система социокультурных норм и ценностей, сегодня находят развитие и продолжение: в качестве интегральной основы культуры все чаще рассматривается «логически связанная система ценностей, установок и институтов, влияющих на все аспекты личного и коллективного поведения» [Харрисон... 2002: 34; Tabellini].

Из данного тезиса можно сделать вывод о том, что каждый человек включен в «неформальные» социальные институты», ориентируясь и внутренне, и внешне на определенные социокультурные установки. Установки как «состояние направленности, готовности к действию определённого типа, к переживанию, мышлению и т.п. определённой направленности»³ сопряжены в полной мере с социокультурной традицией.

¹ Анисимов О.С. Экономика. Методологический словарь [эл.ресурс]: <http://www.metodologika.ru/dict/>.

² Там же.

³ Анисимов О.С. Культура. Методологический словарь [эл. ресурс]: <http://www.metodologika.ru/dict/>.

Изучение взаимосвязи культуры и экономики, особенно в части воздействия культуры на социальное и экономическое развитие государств, за последние десятилетия сформировало обширный научный дискурс. Внутренний круг вопросов связан с осмыслением таких категорий, как культура, национальная традиция, экономика, и попытками поместить их в междисциплинарные гуманитарные контексты, возникающие вокруг социокультурных модернизаций и экономических трансформаций последних десятилетий [Харрисон; Лапин; Tabellini; и др.]. Современная научная мысль в целом пришла к пониманию взаимообусловленности экономических и культурных явлений. Но при этом в научном дискурсе обозначились два аспекта понимания, связанные с именами К. Маркса и М. Вебера. К. Маркс, признавая взаимозависимость экономики и культуры, важнейшим и определяющим фактором социогенеза считал экономику. В противоположность ему М. Вебер был склонен считать, что экономические явления обусловлены культурой.

Взгляды теоретиков-экономистов, сложившиеся конце XX века и в начале XXI века в условиях постиндустриальной модернизации экономики, пытаются объяснить взаимодействие между экономикой и культурой отношениями внутри культурного консорциума на основе согласовательного типа взаимодействий между людьми. Для экономики интерес заключается в поиске возможностей повышения эффективности государственных институтов и производительности труда. Появление следующих книг подтверждает наличие заинтересованности к проблеме в рассматриваемый период: «Богатство и бедность народов», «Культура имеет значение», «Главная истина либерализма», «Развивающиеся культуры: исследование культурных перемен», «Культура и действия государства: диалог на стыке дисциплин о политике развития», «Какое значение имеет культура», «Экономика и культура», «Культура и экономическое развитие: от модернизации к глобализации», «Бремя белого человека» и мн. др.

Культура как независимый фактор рассматривается в исследовании известного американского ученого Эдварда Бэнфилда, которое стало одним из первых трудов в экономической науке, посвященной роли культуры в экономике. В 1958 году он доказал, что система культуры, сложившееся в той или иной стране, объясняет низкие темпы развития экономики в соответствующей стране. Позже Гвидо Табеллини, профессор факультета экономики Бокконского университета, показал, что кроме установок, получаемых сверху большое значение имеют в данном случае межличностные отношения, свойственные сообществам находящимися на определенных областях, их внутреннее правила взаимодействия и взаимоотношений между членами одного сообщества. Он определил это как показатель культуры.

Вопрос о взаимодействии культуры и экономики во многом обострился в связи с масштабными трансформациями внутри нынешней миросистемы (И. Валлерстайн) и переходом ее к интегральному укладу. В этом процессе стратегическая роль отводится культуре, понимаемой как ориентация на национальные традиции в осуществлении хозяйственной деятельности.

Важной для нас является концепция известного американского социолога Эдварда Шилза (1911-1974), который убедительно показал, что «самодостаточность общества обеспечивается наличием собственной территории, центральной власти и согласия населения с действиями власти, с ценностями и нормами жизни в данном обществе. Такое согласие формируется в качестве центральной культуры общества, которая легитимирует его институциональную систему, служит интегрирующим фактором общества» [Шилз: 77]. Идея самостоятельности или самодостаточности, являясь важнейшим критерием существования самого общества, отображается в трудах Эдварда Шилза, которые имеют огромное значение в концептуальном осмыслении социальной роли традиции.

Другая важная в контексте настоящего исследования теория принадлежит Шмуэлю Эйзенштадту – крупнейшему израильскому социологу, убедительно показавшему роль и значение механизмов социальной солидарности в различных обществах [Эйзенштадт]. Опорной также является культурсоциологическая методология Джеффри Александера [Александр], в рамках которой культура предстает как «сильная программа» социального развития, что позволяет осмыслить проблематику экономической эффективности изнутри ценностно-смыслового дискурса культуры. Принципиальное значение имеют социологические воззрения американского экономиста и философа И. Валлерстайна, раскрывающие трансисторический принцип в понимании социокультурной традиции. Так, И. Валлерстайн переосмысливает ряд стереотипов в отношении традиционализма, рассматривая традицию не в отрыве от истории, а внутри истории, в трансисторическом ключе.

В отечественном дискурсе к категории традиции вплотную примыкают собственно культурные и социологические категории, извлекаемые из «плотной» (М. Фуко) культурной ткани российского социума, такие, как правда, справедливость и социальная солидарность. Это дает возможность формирования социокультурного дискурса традиции.

В современной российской гуманитарной науке формируется обновленное понимание традиции, которое не связывается с этническими культурами, но при этом противостоит и универсалистской модели социокультурного и экономического бытия. С позиций социологии культуры традиция рассматривается как специфический механизм, обеспечивающий социальную преемственность и общественную солидарность. Этот механизм формируется на протяжении длительных исторических периодов и обеспечивает передачу коллективного опыта поколений как в знаковых системах естественного языка, так и в моделях социального поведения и формах общественного консенсуса [Мадюкова, Попков].

По мнению известного российского философа и публициста А.В. Щипкова, традиция служит своеобразной точкой опоры для новых поколений, обеспечивая обществу поступательное, плавное движение «из прошлого в будущее», сохраняя важные для социума векторы исторического развития и корректируя в соответствии с ними систему прогрессивных социальных практик и институтов, обеспечивая «новый тип общественного знания и общественной коммуникации, подчинённых принципам функционирования традиции» [Щипков 2015: 80].

Анализируя жизнь современного общества, А.В. Щипков пишет о начавшемся в мире «повороте к традиции». Выводя традицию из узких специальных контекстов – политологического, этнокультурного – он сосредотачивает взгляд на системном традиционализме, «в рамках которого традиция предстает не набором неких общественных институтов или идеалов прошлого, а механизмом социокультурной трансляции и преемственности» [Щипков 2000; 2013; 2017].

Этот тезис важен для формирования модели оптимального взаимодействия культуры и экономики в рамках традиционного общественного российского уклада. Нынешняя экономическая модель, как представляется, находится в определённом противоречии с реальным историческим опытом народа. В свое время на этот аспект обратил внимание В.С. Степин в связи с неудачами первых экономических реформ: «Реформаторы практически проигнорировали особенности российской культурной традиции, стереотипы и архетипы российского сознания» [Степин 1995: 75]. Это тем более важно, учитывая многообразие и разносторонность подходов к этой проблеме в научном гуманитарном дискурсе.

Общим исходным тезисом для них является то, что культура, по мнению В.С. Степина, существует как специфическая социальная реальность, где социальный опыт непрерывно накапливается и постоянно развивается в исторической динамике на основе наличия разнообразных знаний, норм, идеалов, предписаний, навыков, примеров поведения и деятельности, а также верований, идей, целей и ценностных ориентиров: «Культура хранит, транслирует этот опыт (передает его от поколения к поколению). В этой функции она выступает как традиция, как социальная память» [Степин 2011: 43].

В ряде исследований отмечается, что на формирование культуры влияет множество факторов – от исторического, ландшафтного – до религиозного и научного, и их совокупность образует базовый набор приоритетных ценностей [Харрисон; Inglehart]. В работах отечественных исследователей проблематика русской культуры как традиции анализируется в связи с трудностями адаптации западной модели рыночной экономики к российскому обществу, которая нередко оценивается как экспансионистская, противоречащая исторически сложившимся в обществе традициям [Ахизер; Дугин; Самсонов].

Выводы

Традиция, понимаемая как концентрированное выражение культуры, с необходимостью фиксирует социально-культурные установки ее носителей, нормативно-ценностные представления, поведенческие паттерны, внутренний этический контроль, что в совокупности обеспечивает устойчивость социальной системы и составляет основу общественного согласия. Традиция служит для легитимации социальным субъектом модели поведения через референцию к авторитету культурных оснований. Таким образом, взаимосвязь культуры и экономики интегрально проецируется на содержание социокультурной традиции, в связи с чем традиция рассматривается как один из базовых социальных механизмов.

Соотнесенная с культурной традицией экономика функционирует через набор мотиваций, имеющих высокую смысловую компоненту и описываемых не в категориях экономики, а в символических категориях культуры. Традиция как первоэлемент социальной структуры оказывается местом соединения культуры и экономики. Экономическое развитие должно опираться на устойчивые культурные традиции, поскольку в них закреплён коллективный опыт сохранения и поддержания целостности социальной системы; этот опыт требует редукции экономического диктата к интегралу экономики и культуры на основе релевантного институционального каркаса.

Если сравнительно недавно феномен «традиции» был в основном предметом этнографических и культурологических исследований, но теперь он приобретает интегральное социологическое содержание.

Понимание традиции как метода, который обеспечивает динамическую связь между прошлым и будущим, объясняет ее действие как социального механизма, устраняющего исторические разрывы и конфликты.

Экономическая эффективность – это необходимость. Россияне это понимают, что подтверждают результаты, полученные в ходе исследований ведущих российских социологов. Но они не готовы отказаться в ее пользу от базовых социокультурных традиций, считая, что экономика должна развиваться в русле базовых символических контекстов правды и справедливости, обеспечить которые смогут институты социального государства [Константинова; Лапин 2020].

Для В.М. Кулькова, С.В. Кайманакова и И.М. Тенякова «национальная экономическая модель – эта система экономических отношений в единстве с присутствующими в стране национально-специфическими факторами» [Кульков].

В этой связи следует уделять приоритетное внимание разработке модели экономического развития страны, которая зависит от целого ряда факторов, среди которых важнейшую роль играют культурные и традиционные ценности. В экономической деятельности нельзя пренебрегать социокультурным опытом и историческим наследием общества. Экономическое развитие должно опираться на устойчивые культурные традиции, поскольку в них закреплены смыслы исторического и цивилизационного бытия нации, они сохраняются даже в условиях жесткого экономического диктата, более того, могут сделать этот диктат предельно неэффективным.

Источники

- Александр Дж. (2013). Смыслы социальной жизни: Культурсоциология. М.: Праксис.
- Аузан А.А. (2017). Социокультурная экономика // Наука и инновации. №2. С. 4-10.
- Ахиезер А.С. (1998). Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России). Новосибирск: Сибирский хронограф.
- Дугин А.Г. (2015). Русский Логос – русский Хаос. Социология русского общества. М.: Академический проект.
- Константинова Л.В. (2019). Интеграционный потенциал общества: опыт концептуализации // Социологические исследования. №8. С. 19-29.

Кульков В.М., Кайманаков С.В., Теняков И.М. (2014). Экономический рост в России: национальная модель, качество и безопасность // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. №38. С.9-19.

Культура имеет значение (2002). Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / Под ред. Л. Харрисона и С. Хантингтона. М.: Московская школа политических исследований.

Лапин Н.И. (2011). Социокультурные факторы российской стагнации и модернизации // Социологические исследования. №9. С.3-17.

Лапин Н.И., Ильин В.А., Морев М.В. (2020). Экстремальные неравенства и социальное государство (часть 2) // Социологические исследования. Том 46. №2. С.20-30.

Мадюкова С.А., Попков Ю.В. (2011). Феномен социокультурного неотрадиционализма. СПб.: Алетейя.

Самсонов В.В. (2012). Социокультурный сдвиг в трансформирующихся обществах // Вестник НГУ. Сер.: Философия. Т.10. №2. С.82-89.

Степин В.С. (1995). Культура и становление цивилизованного рынка в России // Вопросы экономики. №7. С.74-81.

Степин В.С. (2011). Цивилизация и культура. СПб.: СПбГУП.

Харрисон Л. (2009). Культура и экономическое развитие // Свободная среда [эл.ресурс]: <http://www.inliberty.ru/library/study/324>.

Харрисон Л. (2010). Вступительное слово // Симпозиум памяти С. Хантингтона. Культура, культурные изменения и экономическое развитие. Москва [эл.ресурс]: <http://huntington.hse.ru/harris>.

Шилз Э. (1972). Общество и общества: макросоциологический подход // Американская социология: перспективы, проблемы, методы / Отв. ред. Г.В. Осипов; пер. с англ. В.В. Воронина и Е.В. Зиньковского. Москва.

Щипков А.В. (2015). Традиционализм, либерализм и неонацизм в пространстве актуальной политики. СПб.: Алетейя.

Щипков А.В. (2017). Социал-традиция: Монография / А.В. Щипков. М.: АСТ-ПРЕСС-КНИГА.

Щипков А.В., сост. (2000, 2013). Перелом: сборник статей о справедливости традиции. М.: ПРОБЕЛ.

Эйзенштадт Ш. (2020). Конструктивные элементы великих революций: культура, социальная структура, история и человеческая деятельность [эл.ресурс]: https://igiti.hse.ru/data/069/314/1234/2_3_3Eisen.pdf. (Дата обращения: 15.04.2020).

Harrison L.E. (1992). Who Prospers? How Cultural Values Shape Economic and Political Success (NY: Basic Books).

Inglehart R. (1989). Cultural Shift in Advanced Industrial Societies. Princeton University Press.

Tabellini G. (2005). Culture and Institutions: Economic Development in the Regions of Europe. Ideas. IGIER, Bocconi university [access mode]: <https://www.socialcapitalgateway.org/sites/socialcapitalgateway.org/files/data/paper/2017/01/23/rtabellini2009-cultureandinstitutionsjeea.pdf>.

■ ■ ■ Sociocultural Tradition in Economic Development (communicative aspect)

Grigoryan T.R.

State Treasury of the Kaluga Region, Kaluga, Russia.

Abstract. The article is devoted to the topical problem of interaction between culture and economy. The sociology of culture studies this issue in order to identify the factor role of culture and economy in the mechanisms of sociogenesis in modern conditions. The author examines the role and place of socio-cultural traditions, norms and values in the economic system of society and the economic activity of modern Russian society; within the study the attention is drawn to what determines reality and forms a space for communication of subjects of social relations. In this regard, the work defines the socio-cultural tradition as the basis of communication, interaction between culture and economy. The author analyzes the development of views and ideas on the relationship between culture and economy in the works of foreign and domestic researchers, and also considers tradition as the basis that forms the economic model of human behavior. Based on research the author considers the sociocultural tradition the core that determines, explains and predicts human behavior in economic life.

Keywords: culture, economy, tradition, society, interaction of culture and economy, socio-cultural tradition

For citation: Grigoryan T.R. (2021). Sociocultural Tradition in Economic Development (communicative aspect). *Communicology(Russia)*. Vol. 9. No.1. P. 89-97. DOI 10.21453/2311-3065-2021-9-1-89-97.

Inf. about the author: Grigoryan Tigran Rustamovich – Leading Economist for Contractual and Claims Work of the State Treasury of the Kaluga Region, postgraduate student at the Department of cultural studies and social communication of the Institute of social sciences, RANEP. Address: 248016, Russia, Kaluga, Proletarskaya st., 111. E-mail: tigran-fin@mail.ru.

Received: 19.01.2021. *Accepted:* 14.03.2021.

References

- Akhiezer A.S. (1998). Russia: criticism of historical experience (socio-cultural dynamics of Russia). Novosibirsk: Siberian chronograph (In Rus.).
- Alexander J. (2013). The meanings of social life: Cultural sociology. M.: Praxis (In Rus.).
- Auzan A.A. (2017). Socio-cultural economy. *Science and innovations*. No. 2. P. 4-10 (In Rus.).
- Dugin A.G. (2015). Russian Logos – Russian Chaos. Sociology of Russian society. M.: Academic project (In Rus.).
- Eisenstadt S. (2020). Constructive elements of great revolutions: culture, social structure, history and human activity [el. source]: https://igiti.hse.ru/data/069/314/1234/2_3_3Eisen.pdf (In Rus.).
- Harrison L. (2009). Culture and economic development. In: Free environment [el. source]: <http://www.inliberty.ru/library/study/324> (In Rus.).
- Harrison L. (2010). Introductory remarks. In: Symposium in memory of S. Huntington. Culture, cultural change and economic development. Moscow [el. source]: <http://huntington.hse.ru/harris> (In Rus.).

- Harrison L. and Huntington S., eds. (2002). Culture Matters. How values contribute to social progress. M.: Moscow School of Political Studies (In Rus.).
- Harrison L.E. (1992). Who Prospers? How Cultural Values Shape Economic and Political Success (NY: Basic Books).
- Inglehart R. (1989). Cultural Shift in Advanced Industrial Societies. Princeton University Press.
- Konstantinova L.V. (2019). Integration potential of society: experience of conceptualization. *Sociological studies*. No. 8. P. 19-29 (In Rus.).
- Kulkov V.M., Kaimanakov S.V., Tenyakov I.M. (2014). Economic growth in Russia: national model, quality and security. *National interests: priorities and security*. No. 38. P.9-19 (In Rus.).
- Lapin N.I. (2011). Socio-cultural factors of Russian stagnation and modernization // *Sociological studies*. No. 9. P.3-17 (In Rus.).
- Lapin N.I., Ilyin V.A., Morev M.V. (2020). Extreme inequalities and the welfare state (part 2). *Sociological studies*. Vol. 46. No. 2. P.20-30 (In Rus.).
- Madyukova S.A., Popkov Y.V. (2011). The phenomenon of sociocultural neo-traditionalism. SPb.: Aleteya (In Rus.).
- Samsonov V.V. (2012). Socio-cultural shift in transforming societies. *Vestnik NSU. Ser.: Philosophy*. Vol.10. No.2. P. 82-89 (In Rus.).
- Shchipkov A.V. (2015). Traditionalism, liberalism and neo-Nazism in the space of current politics. SPb.: Aleteya (In Rus.).
- Shchipkov A.V. (2017). Social tradition: Monograph. M.: AST-PRESS-BOOK (In Rus.).
- Shchipkov A.V., ed. (2000, 2013). Fracture: a collection of articles on the justice of tradition. M.: SPACE (In Rus.).
- Shiels E. (1972). Society and Societies: Macrosociological Approach. In: *American Sociology: Prospects, Problems, Methods* / Ed. G.V. Osipov; transl. V.V. Voronina, E.V. Zinkovsky. Moscow (In Rus.).
- Stepin V.S. (1995). Culture and the formation of a civilized market in Russia. *Problems of Economics*. No. 7. P. 74-81(In Rus.).
- Stepin V.S. (2011). Civilization and culture. SPb.: SPbGUP (In Rus.).
- Tabellini G. (2005). Culture and Institutions: Economic Development in the Regions of Europe. Ideas. IGIER, Bocconi university [access mode]: <https://www.socialcapitalgateway.org/sites/socialcapitalgateway.org/files/data/paper/2017/01/23/rtabellini2009-cultureandinstitutionsjeea.pdf>.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ

POLITICAL SOCIOLOGY

■ ■ ■ Проблемы коммуникации между властью, обществом и СМИ в сфере профилактики экстремизма

Воронцов С.А.¹, Шарков Ф.И.², Понеделков А.В.¹

1. Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС), Москва, Российская Федерация.

2. Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России (МГИМО), Москва, Российская Федерация.

Аннотация. В настоящей статье исследуются проблемы коммуникации между властью, обществом и средствами массовой информации в сфере профилактики экстремизма путем проведения системной информационной политики, направленной на установление причин и факторов, детерминирующих радикальные проявления, определение мер, направленных на их локализацию, формирование в обществе стойкого неприятия противозаконного поведения граждан и их объединений. Грамотная организация взаимодействия между властью, обществом и СМИ позволяет синтезировать их усилия в сфере профилактики экстремизма. Такой подход, охватывает не только основные меры по борьбе с терроризмом на основе обеспечения безопасности, но и систематические превентивные шаги для устранения основополагающих условий, которые побуждают отдельных лиц к радикализации и присоединению к насильственным экстремистским группам. Требуется разработка конкретных рекомендаций и планов действий на федеральном, региональном и местном уровнях как органов государственной власти, так и муниципального управления в активном взаимодействии с масс-медиа, в частности, сосредоточившись на коренных социальных причинах того, почему некоторых людей привлекают экстремистские организации и какие меры борьбы с экстремизмом являются наиболее эффективными.

Ключевые слова: протестные настроения, экстремизм, профилактика, власть, общество, средства массовой информации, коммуникационное пространство, информационная политика, цензура, меры

Для цитирования: Воронцов С.А., Шарков Ф.И., Понеделков А.В. Проблемы коммуникации между властью, обществом и СМИ в сфере профилактики экстремизма // Коммуникология. 2021. Том 9. №1. С. 99-111. DOI 10.21453 / 2311-3065-2021-9-1-99-111.

Сведения об авторах: Воронцов Сергей Алексеевич¹ – доктор юридических наук, профессор кафедры процессуального права Южно-российского института управления РАНХиГС; Шарков Феликс Изосимович – доктор социологических наук, профес-

¹ 13 марта 2021 года ушел из жизни постоянный автор журнала «Коммуникология», блестящий ученый и педагог Сергей Алексеевич Воронцов – руководитель Научно-учебного центра противодействия коррупции Института права и национальной безопасности РАНХиГС, профессор кафедры процессуального права Южно-российского института управления, доктор юридических наук, автор более 150 научных работ по проблемам борьбы с экстремизмом, терроризмом, коррупцией, организованной преступностью, проблемам элитологии и политологии. Редакция выражает глубокие соболезнования родным и близким.

сор, заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры социологии МГИМО (У) МИД РФ, заведующий кафедрой общественных связей и медиаполитики, заместитель декана факультета журналистики факультета журналистики ИГСУ РАНХиГС; По-неделков Александр Васильевич – д.полит.н., профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой политологии и этнополитики РАНХиГС. Адрес: 119571, Россия, г. Москва, пр-т Вернадского, 84. E-mail: raven_serg@mail.ru; sharkov_felix@mail.ru; ponedelkov@uriu.ranepa.ru.

Статья поступила в редакцию: 15.01.2021. Принята к печати: 15.03.2021.

Вопросы теории и практики экстремизма и радикализации общества

Профилактика экстремизма состоит не только в том, чтобы предотвратить терроризм, но и чтобы не допустить негативного влияния экстремистских группировок на людей в средствах массовой информации (далее – СМИ) социальных сетях, в конечном счете – защитить общее благосостояние и безопасность всего населения. Экстремизм относится к лицам или группам, которые совершают или стремятся узаконить насилие или другие незаконные действия со ссылкой на социальные условия, с которыми они не согласны. Этот термин охватывает, например, левый экстремизм, правый экстремизм и воинствующий ислаимзм.

Особую угрозу представляет для общества влияние экстремистских группировок на радикализацию нашего общества. Под радикализацией понимается краткосрочный или долгосрочный процесс, в ходе которого лица присоединяются к экстремистским взглядам или узаконивают свои действия на основе экстремистских идеологий. Экстремистские группы или лица стремятся вербовать новых последователей или затрагивают чувство идентичности и поведение других людей, особенно в молодежной среде. В основе усилий власти и общества по предотвращению экстремизма и радикализации лежит тесное сотрудничество между различными органами власти и совместное понимание того, что усилия по предотвращению могут осуществляться на многих уровнях и включают различные виды инициатив. Конкретные проблемы, связанные с борьбой с экстремизмом и радикализацией, со временем меняются. Следовательно, необходимо постоянно развивать и адаптировать превентивные усилия с тем, чтобы все соответствующие субъекты обладали необходимыми знаниями и соответствующими инструментами для решения проблем экстремизма и радикализации.

Необходимо прилагать многосторонние и действенные усилия по противодействию массовому присутствию в Интернете и радикализирующему влиянию экстремистских групп и лиц в Интернете и социальных сетях. Нужно активизировать усилия по формированию позитивной информационной среды через активное присутствие в цифровых СМИ, а также в сетевых сообществах, и тем самым ослаблять привлекательность и привлекательность экстремизма.

Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации

29 мая 2020 г. Указом № 344 Президент Российской Федерации утвердил новую редакцию Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года¹. Возникает естественный вопрос: какова актуальность этого документа? Ведь в начале 2020 года звучали прогнозы, что в условиях введенного режима самоизоляции вероятен рост экономической и насильственной преступности, вызванный падением доходов населения в связи с утратой работы, либо приостановкой деятельности значительного числа предприятий и частных предпринимателей². Рост экстремизма не прогнозировался. Однако статистика МВД показала, что на фоне самоизоляции в нашей стране произошел не рост преступлений насильственного характера по отношению к аналогичному периоду прошлого года, а их падение на 3,3%, в том числе изнасилований и покушений на изнасилование на 31,1%, разбоев – на 20,9%, грабежей – на 9,9%, краж – на 11,2%. Стало безопаснее на объектах транспорта, где преступлений зарегистрировано меньше на 10,9%³.

Одновременно по данным Генеральной прокуратуры России с января по июль текущего зафиксирован рост преступлений террористического характера – на 13,7%, а экстремистских преступлений – на 40% выше показателя за аналогичный период 2019 года. Причем, 55% преступлений экстремистской направленности было совершено с использованием сети Интернет.

Обращает на себя внимание устойчивая тенденция роста количества преступлений, связанных с созданием экстремистских сообществ. Более трети преступлений экстремистской направленности были квалифицированы как публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности. Наибольшее число деяний указанной категории, зафиксировано в субъектах, входящих в Центральный и Приволжский федеральные округа⁴.

Отметим, что количество преступлений экстремистской направленности незначительно по сравнению с общим количеством совершаемых на территории Российской Федерации преступлений, но в то же время каждое из них может вызвать повышенный общественный резонанс и существенно дестабилизировать социально-политическую обстановку.

¹ Указ Президента РФ от 29 мая 2020 г. № 344 “Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года” [эл. ресурс]: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74094369/>.

² Не надо сгущать краски: в Кремле следят за ростом преступности [эл. ресурс]: <https://www.gazeta.ru/social/2020/04/13/13047019.shtml>.

³ В МВД заявили о снижении преступности в России на фоне пандемии [эл. ресурс]: <https://www.interfax.ru/russia/704309>.

⁴ Число террористических преступлений в России выросло на четверть [эл. ресурс]: <https://tass.ru/obschestvo/9635141>.

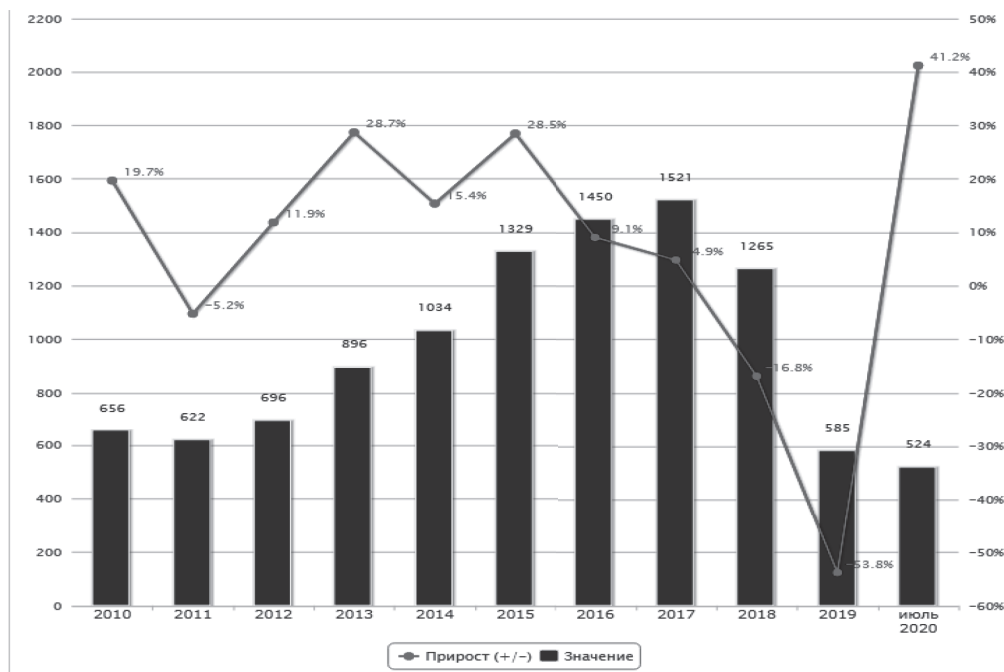

Диаграмма 1. Количество преступлений экстремистской направленности (Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ¹) / Extremist crimes, N (Official website of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation)

Коммуникация между органами власти и населением

Возможную угрозу резонансного роста протестных проявлений отметил в докладе независимой исследовательской группы Сергей Белановский, который сумел правильно спрогнозировать рост массовых выступлений в 2011–2012 годах. Авторы доклада прямо указывают, что «современные протестные настроения, могут привести к крупным социально-политическим потрясениям»².

Чтобы предупредить подобный сценарий развития событий органы власти должны устанавливать с населением отношения солидарности и сотрудничества, путем проведения последовательной государственной информационной политики, направленной на профилактику распространения экстремистских взглядов, устранение причин и факторов, их продуцирующих.

¹ Информация с официального сайта Генеральной прокуратуры Российской Федерации [эл. ресурс]: <https://genproc.gov.ru>.

² Белановский С. Россию ждут политические потрясения [эл. ресурс]: <https://zen.yandex.ru/media/pragmatic/sergei-belanovskii-rossiiu-jdut-politicheskie-potriaseniia-5ee7c18ed23b471e869a913b>.

Необходимость активного информационного противодействия следует непосредственно из норм Федерального закона «О противодействии экстремизму»¹, где в числе основных принципов противодействия экстремистской деятельности законодателем указаны:

- принцип гласности;
- приоритет мер, направленных на предупреждение экстремистской деятельности;
- сотрудничество государства с общественными и религиозными объединениями, иными организациями, гражданами в противодействии экстремистской деятельности.

Системная реализация этих принципов должна происходить в рамках государственной информационной политики, которая реализуется посредством воспроизводства и распространения информации, удовлетворяющей интересы государства и гражданского общества, и направлена на обеспечение конструктивного диалога между ними и их представителями.

В контексте настоящей статьи, цель коммуникации между властью, обществом и средствами массовой информации в сфере профилактики экстремистских взглядов можно определить, как формирование в сознании населения негативного образа экстремистов, призывающих решать социально-политические проблемы путем насилия. Причем, основные усилия государственной информационной политики по противодействию экстремизму, должны быть направлены не только на профилактику, выявление и пресечение противоправной деятельности конкретных носителей подобных взглядов, но в первую очередь на диагностику и блокирование причин и условий, детерминирующих подобные проявления, компрометацию основных положений экстремистской идеологии, используемой для привлечения в свои ряды новых сторонников. Борьба с конкретными носителями радикальной идеологии без устранения факторов, ее продуцирующих – путь в никуда, ибо место изолированных от общества радикалов займут новые лица, попавшие под влияние экстремистской идеологии.

Ключевая задача государства и общества – совершенствование государственной информационной политики противодействия экстремизму и радикализму

Чтобы противодействовать подобному развитию событий ключевой задачей государства и общества должно стать последовательное совершенствование государственной информационной политики противодействия экстремизму, под которой понимается «способность и возможность субъектов политики воздействовать на сознание, психику людей, их поведение и деятельность с помощью информации в интересах государства и гражданского общества» [Попов: 38].

¹ Федеральный закон от 25 июля 2002 г. N 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [эл. ресурс]: <https://base.garant.ru/12127578/>.

Современная информационная политика противодействия экстремизму должна отвечать уровню внешних и внутренних экстремистских угроз.

К числу внешних экстремистских угроз относятся попытки финансовой и информационной поддержки рядом иностранных государств деструктивной деятельности, осуществляемой иностранными или международными неправительственными организациями, направленной на дестабилизацию общественно-политической и социально-экономической обстановки в Российской Федерации, включая инспирирование «цветных революций», распространение экстремистской идеологии и радикализма в обществе.

К числу внутренних экстремистских угроз относится распространение идеологии насилия, вовлечение граждан в деятельность экстремистских сообществ, возбуждение ненависти либо вражды, унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а также принадлежности к какой-либо социальной группе, в том числе путем распространения призывов к насильственным действиям, прежде всего с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»; подготовка и совершение террористических актов. Опасным способом дестабилизации общественно-политической и социально-экономической обстановки в Российской Федерации в последние годы стало привлечение различных групп населения к участию в несогласованных публичных мероприятиях (включая протестные акции), которые умышленно трансформируются в массовые беспорядки.

Характерной особенностью экстремистских организаций стало привлечение к ним молодежи, в том числе отличающихся высокой степенью организованности неформальных объединений националистов. Реальную угрозу представляет распространение радикализма в том числе в спортивных школах и клубах, проникновение приверженцев экстремистской идеологии в тренерско-преподавательский состав.

Для качественной реализации государственной антиэкстремистской информационной политики усилий правоохранительных структур, ориентирующихся в основном на репрессивные методы пресечения экстремизма, недостаточно. События в Украине, Белоруссии, Киргизии, да и в США, достаточно убедительно это продемонстрировали. Необходимо существенно повысить роль предупредительного фактора в противодействии экстремизму, а для этого привлечь к данной работе представителей центральных и региональных СМИ, сотрудников пресс-служб федеральных органов исполнительной власти, блогеров, представителей политических партий, религиозных и общественных организаций, которые должны обеспечить граждан полной, всесторонней и достоверной информации об опасности последствий экстремизма для личности, государства и общества, что, собственно, является конституционной нормой¹.

¹ Статья 29 Конституции Российской Федерации [эл. ресурс]: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/.

Задачи противодействия экстремизму в информационной сфере

При организации деятельности субъектов, осуществляющих противодействие экстремизму в информационной сфере, следует учитывать, что в нашей стране запрет цензуры является конституционной нормой. Свобода СМИ выступает в качестве одного из гарантов демократии. Пункт 2 ст. 19 Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. устанавливает: «Каждый человек имеет право на свободное выражение своего мнения; это право включает свободу искать, получать и распространять всякого рода информацию, и идеи, независимо от государственных границ, устно, письменно или посредством печати, или художественных форм выражения, или иными способами по своему выбору»¹.

В силу упрощенного понимания данного положения отдельные СМИ становятся в оппозицию к структурам власти, выходят в рамках своих публикаций за рамки правового пространства, мотивируя свою радикальную позицию свободой СМИ. Но свобода СМИ не может быть абсолютной, так как требования закона и запросы общества к СМИ формируют систему определенных ограничений данной свободы. Следует согласиться с Ю. А. Решетовым, что абсолютной, «не учитывающей интересы общества, свободы СМИ не существует, точно так же как, например, невозможно говорить о свободе государств, не говоря об обязанностях, налагаемых на них международным правом, и в том числе добросовестно соблюдать свои международные обязательства»².

В силу своего предназначения СМИ с одной стороны, должны обеспечивать доступ граждан к полной, и достоверной информации, а с другой – защищать общественное и индивидуальное мнение от различных форм манипулирования таким мнением. М.М. Васягина справедливо утверждает, что в ряде случаев концепция «свободной, не контролируемой информации» на самом деле работает на экстремистские и террористические внутригосударственные и международные организации и группировки [Решетов: 97], которым эта концепция помогает захватить или подчинять своему влиянию то или иное средство массовой информации в целях последующей дестабилизации социально-политической обстановки в стране или регионе, нарушения установленного порядка управления, подрыва авторитета власти, инициирования недовольства населения действиями правительства, неспособного навести надлежащий порядок и защитить собственных граждан от насилия и т.д., что мы отчетливо наблюдали в действиях оппозиции в Украине и Белоруссии.

Попытки идеологического обоснования экстремизма

Субъекты экстремистской деятельности, опираясь на СМИ, во все исторические периоды пытались убедить общество в объективной необходимости при-

¹ Ведомости ВС СССР. 1976. N 17. Ст. 291.

² Ограничения свободы СМИ и борьба с терроризмом [эл. ресурс]: http://www.echr.ru/news/msg.asp?id_msg=166.

менения насилия для достижения декларируемых ими экзистенциальных целей. Идеологическое обоснование экстремизм получил в XIX веке, когда немецкий радикал Карл Гейнцген провозгласил, что запрет убийства неприменим в политической борьбе и что фактическая ликвидация сотен и тысяч людей может быть оправдана, исходя из «высших интересов человечества». Он был уверен, что с помощью экстремистских акций даже небольшая группа единомышленников сумеет создать хаос в самом сильном государстве [Васягина: 36]. Отличительными чертами современного политического экстремизма являются пропаганда и использование насилия, возбуждение протестных настроений, прежде всего, в молодежной среде, блокирование органов власти, провоцирование столкновений с органами правопорядка с гиперболизацией их последствий в отечественных и зарубежных СМИ, образование различных параллельных структур власти в виде комитетов, партий, движений, лидеры которых оседают в странах – геополитических противниках России, финансирующих антироссийские информационные проекты.

Таким образом, задача повышения эффективности государственной антиэкстремистской информационной политики в современный период является крайне актуальной. Однако, разработать положения информационной политики, утвердить соответствующие концепции и стратегии – далеко не все. Необходимо определить информационный инструментарий, позволяющий довести антиэкстремистскую информацию населению. При реализации этого направления деятельности возникает серьезная проблема. Возможности информационного воздействия традиционных СМИ в последние десятилетия существенно сократились. Так, по оценкам экспертов, большинство российских граждан газеты не выписывают, читают их 1-2%, информационные программы телевидения смотрит в основном взрослое население, а среди молодежи этот показатель не превышает 5%. Более того, у 40% респондентов дома телевизора нет вообще, радио слушают в основном те, кто ездит на машине, да и то, их внимание привлекают музыкальные программы.

Подобная реакция населения представляется адекватной, так как сегодня информационное пространство заполнено людьми, которые из журналистики сделали бизнес или политическое (иногда семейное) хобби, с большим числом около всяческих экспертов, которые кочуют по каналам, как бродячий цирк, при появлении которых, нормальный человек переключает канал.

Выводы

Вектор информационного противодействия экстремизму сегодня переместился в социальные сети, где происходят наиболее интересные дискуссии, однако авторитетные эксперты государства и общества в этих дискуссиях практически не участвуют. В результате, конструктивный диалог представителей государства, общества и СМИ по проблемам противодействия экстремизму, не налажен, что сказывается на обострении социальной конфликтности.

В тех сферах, где отмечаются попытки диалога власти и общества, превалируют технологии одностороннего воздействия власти на общество с целью продвижения интересов власти, без анализа и учета мнения общества, являющегося, как и власть, значимым субъектом политических отношений. Более того, согласно Конституции Российской Федерации, многонациональный народ является единственным источником власти в Российской Федерации. Подобную позицию власти можно объяснить спецификой исторического развития России, при котором государственная власть всегда пыталась подчинить себе интересы общества и говорить от имени народа. С другой стороны, низкий уровень гражданского самосознания, политическая пассивность, высокая конфликтность и радикализм значительной части населения осложняют гармонизацию отношений и побуждают власть брать инициативу на себя. В том числе и во взаимоотношениях со СМИ, в которых власть также пытается диктовать свою волю, осуществлять контроль над деятельностью региональных и местных СМИ посредством проведения регулярных совещаний по информационным вопросам. Подобная политика власти по установлению политического, кадрового и экономического контроля над СМИ, приводит к монополизации информационной сферы властью, что нарушает равный доступ граждан и их объединений к информации. Уместно утверждать, что информационная политика воспринимается чиновниками исключительно как инструмент реализации интересов региональной (муниципальной) власти, направленных на формирование у населения благоприятного впечатления о своей деятельности, путем пресс-релизов и сообщений, регулярно транслируемых пресс-службами областной или муниципальной власти. СМИ регионального и муниципального уровней вынуждены печатать эти пресс-релизы без объективной корректировки, опасаясь в противном случае «оргвыводов». А это существенно снижает роль СМИ как субъекта массовой коммуникации.

Таким образом, современная информационная политика, реализуемая сегодня как в рамках страны в целом, так и на уровне регионов, не отвечает уровню внешних и внутренних угроз безопасности государству и не в полной мере соответствует повседневным запросам общества. Образно говоря, в коммуникационном пространстве СМИ, государство и общество как бы представляют собой субстанции параллельных миров, живущие рядом, но не пересекающиеся. А раз так, то информационное пространство заполнено любыми новостями, кроме тех, которые должны определять реальное содержание антиэкстремистской информационной политики.

Пути исправления сложившейся ситуации представлены в Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года. К числу ключевых направлений следует отнести: создание единой государственной системы мониторинга в сфере противодействия экстремизму в целях выявления фактов распространения экстремистской идеологии и ограничения доступа к информационным ресурсам, тиражирующим экстремистские материалы;

формирование специализированного информационного банка данных экстремистских материалов в целях совершенствования правоприменительной

практики в сфере противодействия экстремизму, выявления способов оказания экстремистскими организациями информационно-психологического воздействия на население;

- разработка регионами и муниципалитетами целевых программ по формированию системы профилактики экстремизма и терроризма, предупреждению межнациональных (межэтнических) конфликтов;

- повышение действенности мер выявления и устранения источников и каналов финансирования экстремистской и террористической деятельности;

- проведение конференций, форумов, тематических встреч с представителями средств массовой информации и интернет-сообщества в целях противодействия распространению экстремистской идеологии;

- устранение причин и факторов, осложняющих миграционную ситуацию в стране;

- объективное информирование граждан о деятельности субъектов противодействия экстремизму, формирование у них заинтересованности в противодействии экстремизму.

Реализация указанного выше комплекса мер должна способствовать стабилизации общественно-политической ситуации в стране, снижению числа экстремистских угроз и как следствие уменьшению доли преступлений насильственного характера в общем количестве преступлений экстремистской направленности; предупреждению и пресечению попыток распространения экстремистских материалов в средствах массовой информации и сети Интернет.

Указанные меры должны также способствовать росту активности институтов гражданского общества в профилактике и предупреждении экстремистских проявлений, формированию атмосферы неприятия экстремистской идеологии.

Источники

Васягина М.М. (2014). Информационный аспект профилактики экстремистской деятельности. В сборнике: Реализация государственной политики по противодействию терроризму и экстремизму в Российской Федерации: основные направления, проблемы и перспективы. Материалы Всероссийской научно-практической конференции X Державинские чтения в Республике Мордовия. С. 34-38.

Журавель В.П. (2002). Северный Кавказ и некоторые аспекты борьбы с проявлениями терроризма // Право и безопасность. № 2–3. [режим доступа]: https://dpr.ru/pravo/pravo_3_ogl.htm

Информационная политика (2003) / Под общ. ред. В.Д. Попова. М.: Изд-во РАГС. Решетов Ю.А. (2001). Свобода информации: кому она принадлежит? // Московский журнал международного права. №2.

Рюмшин С.А. (2019). Медиация в регулировании взаимодействия органов власти и гражданского общества в России. Дисс... на соискание ученой степени кандидата социологических наук, РАНХиГС. Москва.

Шарков Ф.И., Понеделков А.В. (2018). Коалиционные модели международных коммуникаций в контексте глобального управления (на примере БРИКС) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. Т. 18. № 1. С. 85-95.

Шарков Ф.И., Понеделков А.В., Васьков М.А. (2019). О роли политикоадминистративных элит в инновационном развитии современной России // Коммуникология. Том 7. №3. С. 15-25.

Contena, B., Loscalzo, Y., & Taddei, S. 2015. Surfing on social network sites: a comprehensive instrument to evaluate online self-disclosure and related issues. *Computers in Human Behaviour*. No. 49. P. 30-37.

Denning D. (2010). Terror's web: how the internet is transforming terrorism. In: M. Yar, Y. Jewekes (Eds.), *Handbook of Internet Crime*. Willan Publishers. P. 194-212.

Desmond P. (2002). Thwarting cyberterrorism. *Network World*. Vol. 19. No. 7. P. 72-74.

Frontlines: Young People at the Forefront of Preventing and Responding to Violent Extremism (2019). UNDP Global Report. New York.

Goodboy A., Martin, M. (2015). The personality of a cyberbully: examining the dark triad. *Computers in Human Behaviour*. No.49. P. 1-4.

Holdaway L., Simpson R. (2018). Improving the Impact of Preventing Violent Extremism Programming: A Toolkit for Design, Monitoring and Evaluation. Oslo: UNDP, Oslo Governance Centre [available at]: <https://www.unwomen.org>.

McLennan N., Thompson J. (2015). Quality Physical Education (QPE): Guidelines for Policymakers. Paris: UNESCO.

Organization for Security and Cooperation in Europe. (2019). Understanding Referral Mechanisms in Preventing and Countering Violent Extremism and Radicalization That Lead to Terrorism: Navigating Challenges and Protecting Human Rights – A Guidebook for South-Eastern Europe. Vienna.

Schmid A. (2005). Terrorism as psychological warfare. *Democracy and Security*. No. 1(2), 138.

United Nations Office on Drugs and Crime (2019). Global Programme to End Violence against Children. Roadmap on the treatment of children associated with terrorist and violent extremist groups. Vienna.

■ ■ ■ Problems of Communication between Government, Society and the Media in the Field of Extremism Prevention

Vorontsov S.A.¹, Sharkov F.I.², Ponedelkov A.V.¹

1. Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Moscow, Russian Federation.

2. Moscow State University of International Relations (MGIMO).

Abstract. This article examines the problems of communication between the government, society and the mass media in the field of extremism prevention through a systematic information policy aimed at identifying the causes and factors that determine radical manifestations, determining measures aimed at their localization, and forming a persistent rejection of illegal behavior of citizens and their associations in society. The competent organization of interaction between the government, society and the media makes it possible to synthesize their efforts in the field of extremism prevention. This approach encompasses not only basic security-based counter-terrorism measures, but also systematic preventive steps to address the underlying conditions that encourage individuals to radicalize and join violent extremist groups. It is necessary to develop specific recommendations and action plans at the federal, regional and local levels of both state and municipal authorities in active interaction with the mass media, in particular, focusing on the root social reasons why some people are attracted to extremist organizations and what measures to combat extremism are most effective.

Keywords: protest moods, extremism, prevention, power, society, mass media, communication space, information policy, censorship, measures

For citation: Vorontsov S.A., Sharkov F.I., Ponedelkov A.V. (2021). Problems of Communication between Government, Society and the Media in the Field of Extremism Prevention. *Communicology (Russia)*. Vol. 9. No.1. P. 99-111. DOI 10.21453/2311-3065-2021-9-1-99-111.

Inf. about the authors: Vorontsov Sergey Alekseevich – Dr.Sc. (Law), Professor of the Department of Procedural Law, RANEPA; Sharkov Felix Izosimovich – Dr.Sc. (Soc.), Professor, honored scientist of the Russian Federation, professor at the chair of sociology, MGIMO; Ponedelkov Alexander Vasilievich – Dr.Sc. (Polit.), Professor, honored scientist of the Russian Federation, Head of the Department of Political Science and Ethnopolitics of RANEPA. Address: 119571, Russia, Moscow, Administration, RANEPA. Address: 119571, Russia, Moscow, Vernadsky av., 84. E-mail: raven_serg@mail.ru; sharkov_felix@mail.ru; ponedelkov@uriu.ranepa.ru.

Received : 15.01.2021. *Accepted:* 15.03.2021.

References

- Contena, B., Loscalzo, Y., & Taddei, S. 2015. Surfing on social network sites: a comprehensive instrument to evaluate online self-disclosure and related issues. *Computers in Human Behaviour*. No. 49. P. 30-37.
- Denning D. (2010). Terror's web: how the internet is transforming terrorism. In: M. Yar, Y. Jewekes (Eds.), *Handbook of Internet Crime*. Willan Publishers. P. 194-212.
- Desmond P. (2002). Thwarting cyberterrorism. *Network World*. Vol. 19. No. 7. P. 72-74.
- Frontlines: Young People at the Forefront of Preventing and Responding to Violent Extremism (2019). UNDP Global Report. New York.
- Goodboy A., Martin, M. (2015). The personality of a cyberbully: examining the dark triad. *Computers in Human Behaviour*. No.49. P. 1-4.
- Holdaway L., Simpson R. (2018). Improving the Impact of Preventing Violent Extremism Programming: A Toolkit for Design, Monitoring and Evaluation. Oslo: UNDP, Oslo Governance Centre [available at]: <https://www.unwomen.org>.
- McLennan N., Thompson J. (2015). Quality Physical Education (QPE): Guidelines for Policymakers. Paris: UNESCO.
- Organization for Security and Cooperation in Europe. (2019). Understanding Referral Mechanisms in Preventing and Countering Violent Extremism and Radicalization That Lead to Terrorism: Navigating Challenges and Protecting Human Rights – A Guidebook for South-Eastern Europe. Vienna.
- Popov V.D., ed. (2003). Information policy. M.: Publishing house of RAGS (In Rus.).
- Reshetov Y.A. (2001). Freedom of information: who owns it? *Moscow Journal of International Law*. No. 2 (In Rus.).
- Ryumshin S.A. (2019). Mediation in the regulation of interaction between the authorities and civil society in Russia. Diss ... for the degree of candidate of sociological sciences, RANEPA. Moscow (In Rus.).
- Schmid A. (2005). Terrorism as psychological warfare. *Democracy and Security*. No. 1(2), 138.
- Sharkov F.I., Ponedelkov A.V. (2018). Coalition models of international communications in the context of global governance (on the example of BRICS). *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: International Relations*. Vol. 18. No. 1. P. 85-95 (In Rus.).
- Sharkov F.I., Ponedelkov A.V., Vaskov M.A. (2019). On the role of political and administrative elites in the innovative development of modern Russia. *Communicology*. Vol. 7. No. 3. P.15-25 (In Rus.).

United Nations Office on Drugs and Crime (2019). Global Programme to End Violence against Children. Roadmap on the treatment of children associated with terrorist and violent extremist groups. Vienna.

Vasyagina M.M. (2014). Informational aspect of the prevention of extremist activity. In the collection: Implementation of state policy on countering terrorism and extremism in the Russian Federation: main directions, problems and prospects. Materials of the All-Russian scientific-practical conference X Derzhavin readings in the Republic of Mordovia. P. 34-38 (In Rus.).

Zhuravel V.P. (2002). North Caucasus and some aspects of combating manifestations of terrorism. *Law and Security*. No. 2-3 [access mode]: https://dpr.ru/pravo/pravo_3_ogl.html (In Rus.).

■ ■ ■ Развитие диалога в сети как новый формат PR-деятельности органов власти

Конов В.В.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), Москва, Российская Федерация.

Аннотация. В статье рассматриваются тенденции развития и проблемы цифровой трансформации в области PR-деятельности органов власти. Выявлена и обоснована необходимость активного развития в интернет пространстве сбалансированной связи с общественностью со стороны органов власти. Автор исходит из предположения, что интернет для работника PR-службы является новой информационной реальностью, оказывающей существенное влияние на механизмы управления общественным мнением. Открытый диалог, построенный на постоянной и совершенствующейся основе, в параллель развитию интернет технологий, является основой сбалансированной и максимально эффективной связи органов власти с общественностью. На основе проведенного исследования автор приходит к выводу, что консервативной системе государственной службы необходимо адаптироваться к информационным запросам аудитории, предлагая адекватный перечень удобных интерактивных сервисов и легко воспринимаемые форматы взаимодействия.

Ключевые слова: интернет, общественность, цифровая трансформация, цифровизация, органы государственной власти, связи с общественностью, интернет-коммуникации, PR-служба

Для цитирования: Конов В.В. Развитие диалога в сети как новый формат PR-деятельности органов власти // Коммуникология. 2021. Том 9. №1. С. 112-126. DOI 10.21453 / 2311-3065-2021-9-1-112-126.

Сведения об авторе: Конов Валерий Викторович – магистрант кафедры Общественных связей и медиаполитики Института государственной службы и управления РАНХиГС. Адрес: 119571, Россия, г. Москва, пр-т Вернадского, 84. E-mail: v.konov@bk.ru.

Статья поступила в редакцию: 26.01.2020. *Принята к печати:* 10.03.2021.

Предпосылки развития интернет-коммуникаций

Активно меняющаяся информационная среда влияет на все общественные процессы без исключения. По данным отчета о состоянии цифровой сферы Digital 2021, число людей в РФ, использующих интернет на начало 2021 года, составляет более 124 млн. В сравнении с аналогичным периодом 2020 г. количество пользователей интернета в Российской Федерации в 2021 г. увеличилось на 6,0 млн. (+5,1%). В январе 2021 года в нашей стране было 99 млн. пользователей социальных сетей, их количество за год увеличилось на 4,8 миллиона (+5,1%). В январе 2021 года количество пользователей социальных сетей в Российской Федерации составило 67,8% от общей численности населения [Керр].

Очевидно, что нынешний кризис COVID-19, это сильнейшее испытание, с которым столкнулась вся мировая финансово-экономическая система, долгосрочные последствия которого до сих пор неизвестны и с трудом прогнозируются. Влияние на экономику зеркально отражается на обществе в целом, что трансформирует коммуникации органов государственной власти с общественностью. Государственное управление в данных условиях обязано соответствовать запросам общества и в некоторой степени быть законодателем мод в области интернет-коммуникаций. За последний 2020 год в PR-деятельности органов власти сделан упор на интернет-коммуникации, объем которых за сопоставимый период нескольких предыдущих лет увеличился в разы. Причинами активного перехода в интернет пространство явились не только необходимость дистанционного взаимодействия в условиях пандемии, но и общий революционный тренд цифровой трансформации в обществе, который был заложен в нашей стране значительно раньше. Увеличивающийся поток информации является тем ресурсом, который обеспечивает качественную жизнедеятельность общества и государства. Указом Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. N 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года»¹ цифровизация наряду с другими национальными приоритетами, в числе которых сохранность населения, обеспечение его здоровья и благополучия, создание возможностей для самореализации, развития талантов, комфорт и безопасная среда для жизни людей; право на труд и предпринимательство, закреплена как одна из приоритетных национальных целей развития Российской Федерации на ближайшие десять лет.

Выявлено, что изначально активнее всего в нашей стране начала развиваться коммуникационная среда социальных сетей, собственно социальные сети задали основной вектор направления развития цифровой трансформации. В чем же преимущества социальных сетей перед другими масс-медиа, делающие сети наиболее эффективным механизмом политической мобилизации и пропаганды? В первую очередь, интерактивностью, ведь если газеты, журналы, радио, телевидение, по преимуществу монологичны, то интернет-пространство превращает человека в соучастника событий; сети изначально требуют выразить отношение человека к происходящему, и, главное, предоставляют для этого выражения различные необременительные возможности. Лайки, репосты, клики не требуют от сетевой личности большого труда, но включают ее в данное событие, создают иллюзию соучастия и сопричастности [Кириллина 2017; 2020]. Потенциал информационно-пропагандистского воздействия социальных сетей не в пример другим СМИ чрезвычайно высок, ведь в интернете можно перепроверить информацию, ознакомиться с другими позициями, найти первоначальный источник новостей [Могилевская]. Социальные сети – это так же от-

¹ Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. N 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года»: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102792289>.

личная возможность проявления социальной активности со стороны населения. Технологически создание группы или канала стало общедоступной и простой задачей. И население, зачастую по собственной инициативе, всё активнее объединяется и создает каналы, с целью решения определенных остросоциальных и общественно-значимых задач. Для PR-служб всех уровней органов государственной власти социальные сети являются эффективным инструментом для проведения интернет-коммуникаций с общественностью. Именно этим инструментом, при грамотной организации работы по взаимодействию с гражданами и СМИ, возможна реализация задачи максимальной информационной открытости власти. При этом контент социальных сетей обязывает PR-службы очень чутко отслеживать и своевременно реагировать на вопросы общественности, проявлять PR-активность, формируя собственную повестку. Интернет позволяет целенаправленно воздействовать на аудиторию с целью выработки и закрепления у населения позиции по различным вопросам внесенной в повестку органами власти.

Необходимо отметить, что совсем недавно существовало только две основные формы коммуникаций с общественностью, относящихся к социально-речевой практике, это устная и письменная. С продвижением цифровых технологий появилась новая, очень быстро развивающаяся коммуникация – устно-письменная, которая может выражаться в различных трансформациях, с усилением или уменьшением одного из признаков устной или письменной речи. Устно-письменная (дигитальная) коммуникация наиболее молодой вид коммуникации, устно-письменное взаимодействие с гражданами органами власти стало развиваться не так давно. PR-службы властных структур и сами политики осознали необходимость присутствия в социальных сетях и блогосфере. Данный вид коммуникации позволяет наиболее быстро взаимодействовать с гражданами, в том числе и в формате online. По сути, блог, это любое активное интерактивное присутствие гражданина в сети интернет, которое выражается в личной публикации выбранной информации. Блог можно рассматривать как веб-сайт, основное содержимое которого, регулярно добавляемые новости, содержащие текст, изображения и мультимедиа. Дополнительной особенностью блога является расположение новостей в хронологическом порядке: более новые над более старыми [Шибанова]. До последнего времени в системе составления информационных сообщений для внешней аудитории наблюдался определенный консерватизм, но все чаще официальные сообщения получают позитивный настрой, это связано с тенденциями развития интернет-коммуникаций.

Широко распространяется графическая передача звуков и слогов цифрами – пиктограммы, эмодиконы, смайлики, которые так же активно вошли в обиход социальных сетей, сокращая слова и выражая эмоции пользователя. «Эмодзи», это японское слово, в переводе «картинки с характером». В 2015 г. по версии Оксфордского словаря, именно смайлик, картинка «эмодзи» стало словом года. Социальные сети охотно принимают и используют графический язык передачи эмоций, который продолжает свое развитие.

Работа PR-служб органов государственной власти в основном завязана на письменной коммуникации, это же касается форм подачи информации. Специалисты служб по связям с общественностью выбирают и делают ставку преимущественно на цитаты ньюсмейкеров. Заголовки пресс-релизов и итоговые материалы СМИ это демонстрируют. В PR-текстах жанрового предпочтения нет, совершенно разные жанры и форматы переплетаются без каких либо устоявшихся правил и требований. И только последние десять лет органы государственной власти начали использовать более широкий круг элементов присущих и PR, и рекламным, и журналистским коммуникациям. Процессы конвергенции способствовали модификации жанров, видоизменению и влиянию на процессы унификации информационных материалов. Выпускаемая PR-службой информация способна подходить под формат разнородных по тематике СМИ. При этом серьезным недочетом в работе служб по связям с общественностью органов государственной власти до сих пор является концентрация внимания на работе только с исходящей информацией. Конечно исходящая информация, это важный фронт работы PR-специалиста, но отсутствие внимания к входящей информации и внешним источникам грозит снижением уровня компетентности в ведении вопросов текущей повестки. Входящая информация позволяет оценивать общественные настроения, анализировать и прогнозировать вариативность поведения населения по важным, в т.ч. социальным вопросам и проблемам.

Современный PR так же развивается с процессом трансформации и развитием новых видов коммуникаций. PR-жанры преобразуются, трансформируясь под влиянием окружающей медиасреды. Как отмечал в своих работах В.С. Комаровский: «PR – это неотъемлемая часть эффективного управления любой организованной формой деятельности, как частной фирмы, так и государства в целом» [Комаровский: 71]. Интернет оказался лучшим средством взаимодействия в медийной среде, с момента его появления он значительно отодвинул и продолжает оттеснять остальные средства на второй план.

Формируется новый коммуникационный процесс в работе органов власти, очевидно что это способствует видоизменению восприятия властных структур. Развитие интернет технологий определяет становление новой политической технологии, которая уже сейчас выводит политический процесс на более качественный уровень. В данных условиях PR-службам важно сохранить и развивать имеющийся уровень диалога с гражданами на постоянной основе. Для PR-служб интернет является пространством, открывающим доступ к быстрой и действенной коммуникации, и характеристики этого пространства сегодня необходимо эффективно развивать и использовать.

Проблемы развития цифровой трансформации, реализуемые и планируемые решения

Можно уверенно констатировать, что цифровизация коммуникации является неотвратимым процессом, который последовательно развивается. В каж-

дой отрасли экономики цифровая трансформация развивается в своем сценарии и уровень его успешности напрямую зависит не только от позитивных экономических показателей но и от готовности общества к её принятию. В обществе сложилось множество стереотипов, которые мешают развитию цифровизации. К основным из них можно отнести:

- уверенность, что человек надежнее и замещение человеческих отношений искусственным интеллектом неприемлемо;
- страх за потерю конфиденциальной информации и вторжение в личную жизнь человека;
- сомнения в надежности, страх перед возможными проблемами в работе техники с последующими сбоями и негативными последствиями;
- и давно пугающий сценарий из фантастических и околonaучных рассуждений о выходе машин из под контроля, с последующим захватом и даже уничтожением человечества искусственным интеллектом. При этом доля людей положительно относящихся к развитию искусственного интеллекта и процессу становления цифровизации неуклонно увеличивается.

Выявлено, что причинами, влияющими на изменение отношения к цифровой трансформации, является практический, положительный опыт пользователей во многих областях применения по следующим основным элементам:

- электронный доступ к получению государственных услуг;
- интернет банкинг – онлайн банковские услуги, электронные платежи;
- медицинские услуги – электронная запись на прием через интернет, электронное досье пациента, перспективный дистанционный мониторинг пациента, и т.д.;
- электронная коммерция – в первую очередь, это онлайн маркетинговые услуги;
- интернет новости – электронные газеты, информационные обзоры, интернет-радио, и т.д.;
- интернет телевидение;
- сфера досуга и развлечений;
- интернет реклама.

Очевидно, что удобство, а с ним положительные эмоции пользователей [Кириллина 2020], формируют спрос на предоставление, а главное развитие качественных сервисов. Людям есть с чем сравнивать, ведь совсем недавно приходилось тратить много времени в очередях на оформление любой государственной услуги перечень которых достаточно значителен. А сейчас, автоматически сформированная заявка обрабатывается в регламентированный срок, и человеку остается только произвести онлайн платеж пошлины или налога, а затем явиться в государственное учреждение в выбранное им время, что бы забрать готовый документ. Конечно, это революционные изменения, которые активно обсуждаются в обществе, причем в положительной риторике, тем самым расширяя и вовлекая в пользовательский круг новых людей, даже тех кто был стойким противником развития цифровизации.

Выявлена глобальная проблема цифровой трансформации в нашей стране, в основе которой лежит низкий уровень цифровой грамотности населения. Особо остро эта проблема стоит перед гражданами среднего и пожилого возраста. На государственном уровне решение данной задачи закреплено на законодательном уровне и определено как направление деятельности за ответственными ведомствами. Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации ведет работу по оценке текущего состояния и перспектив изменения уровня цифровой грамотности населения Российской Федерации. Был разработан и выполняется план деятельности Министерства связи и массовых коммуникаций Российской Федерации на период 2013-2018 годов, утвержденный приказом Минкомсвязи России № 242 от 9 сентября 2013 года¹. Значимым в этой области является и Приказ Министерства связи и массовых коммуникаций Российской Федерации от 28 июля 2014 г. № 226 «Об утверждении критериев медиаграмотности и методики оценки уровня медиаграмотности населения»². Уровень цифровой грамотности населения Российской Федерации в 2018 году составил 58%. К 2024 году этот показатель должен быть доведен до 75%. Ответственными за выполнение данной задачи назначен Департамент государственной политики в области средств массовой информации.

Но следует принять во внимание, что помимо устранения цифровой безграмотности стоит не менее важная задача изменения традиционного сознания пользователей, для которых привычной является работа с материальными, а не цифровыми объектами. В основном сознание изменяется по мере развития цифровой грамотности и происходит это постепенно. Интернет-коммуникация органов власти с населением так же способствует в перестроении общества и изменении сознания от традиционного к восприятию цифровых новшеств.

Потребность в развитии PR-деятельности с использованием интерактивной коммуникации обуславливает выделение ресурсов на развитие кратных увеличившимся потребностям. Это предполагает выделение значительного объема времени на обработку увеличивающегося потока входящей и исходящей информации, поддержание и развитие уровня технологического состояния информационно-коммуникационных ресурсов, качественное и своевременное регулирование уровня знаний персонала, участвующего в работе. При внедрении новых платформ взаимодействия с населением времени на переобучение персонала для последующего обслуживания информационных ресурсов ничтожно мало.

¹ Сайт Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации / страница Департамента государственной политики в области средств массовой информации: <https://digital.gov.ru/ru/ministry/departments/50/>.

² Медиа Цифровая грамотность // Сайт Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/540/>.

На сегодняшний день очевидны явные проблемы требующие скорейшего решения:

- недостаточность ИТ-инфраструктуры, это касается как технической составляющей так и программных продуктов;

- нехватка грамотных ИТ-специалистов, способных качественно проектировать, обслуживать увеличивающуюся ИТ-инфраструктуру и поддерживать стабильную работу сервисов;

- необходимость изменений парадигм в управлении PR-деятельностью в органах государственной власти. На сегодняшний день в редких государственных структурах внесены изменения или корректировки в положения о работе PR-служб в части задач и функций связанных с цифровой трансформацией. И даже те редкие изменения, которые были внесены, к сожалению являются не ясными и не исчерпывающими;

- расширение доступа к широкополосному интернету, в т.ч. мобильному интернету, как основному драйверу способному дать высокий импульс экономического прорыва и вовлеченности населения в процесс цифровой трансформации.

Стоит отметить, что если вопрос оснащенности ИТ-инфраструктуры решается достаточным финансированием для обновления и увеличения технических ресурсов, то проблема дефицита специалистов более сложная и требует особого внимания. В первую очередь, это стимулирование молодых специалистов и создание условий для их сохранения в стране и предотвращения оттока за рубеж.

Во время пандемии цифровая эволюция вносит свой вклад в экономическую устойчивость, но не является панацеей от негативных экономических последствий всеобщего социального дистанцирования. В то время как высокий уровень цифровой трансформации, безусловно, помогал большинству экономик, его способность смягчить удар зависела от качественного состава экономик.

Развитые в цифровом отношении страны, особенно страны с высокой степенью доверия к цифровым технологиям, вступили в пандемию с некоторыми явными преимуществами и, как можно ожидать, переживут ее. В дополнение к преимуществам рабочей силы, более готовой к переходу в интернет, а также цифровых платформ, готовых помочь людям работать, учиться, делать покупки и играть онлайн, развитые страны, как правило, богаче, с большим количеством ресурсов, что смягчит экономический удар. Экономика развивающихся стран оказалась в невыгодном положении, столкнувшись с особенно жестким выбором времени, глубины и продолжительности изоляции и мер социального дистанцирования [Chakravorti, Chaturvedi, Filipovic, Brewer: 39-43].

По данным интерактивного исследовательского отчета, который индексирует доверие к цифровой экономике и ее эволюцию в 90 странах во время пандемии COVID-19 «Индекс Цифрового Интеллекта» проведенного Школой Флетчера при Университете Тафтса, Бостон в партнерстве с компанией Mastercard, наша страна входит в состав наиболее перспективных стран по уровню цифровизации. В исследовательской работе было задействовано 160 индикаторов, целью

которых было отслеживание четырех главных факторов: предложение, спрос, институты и инновации [Digital Intelligence Index].

Необходимо взять во внимание опыт азиатских стран, таких как Вьетнам, Индия и Китай, который показывает, что мобильный доступ в интернет стал мощным двигателем развития и является самым быстрым путем вовлечения населения в пользовательскую среду. На сегодняшний день инвестиции в развитие мобильного интернета имеют максимальную окупаемость, это несомненно стимулирует инвесторов вкладываться в данное направление, что успешно сокращает дефицит мобильного интернета. Во всем мире Китай лидирует в области развития мобильного интернета, опережая западных конкурентов в области мобильных технологий. Секрет успеха в сочетании экономического роста и крупных инвестиций в инфраструктуру 4G, а также лидерство на конкурентном рынке мобильных телефонов, за счет таких компаний как Xiaomi, Oppo, Huawei и Vivo. Можно сделать прогноз, что опережая остальных в области мобильных платежей, электронной коммерции и кредитовании через мобильные сервисы, Китай будет мировым лидером в создании и экспорте мобильных технологий в ближайшее десятилетие.

В Российской Федерации мобильный интернет есть, но его недостаточно. Предполагем, что он будет продолжать развиваться и так же как в странах Азии будет драйвером становления цифровизации в нашей стране. Основным пользователем и заказчиком мобильного интернета является общественность, и это конечно учитывается PR-службами органов государственной власти в построении стратегии и политике интернет-коммуникаций. Уже сегодня активно разрабатываются и внедряются мобильные приложения различных интернет сайтов и платформ по оказанию государственных услуг и сервисов для мобильного интернета. Но необходимо помнить, что мобильный интернет и мобильный телефон, это только первый шаг к раскрытию преимуществ цифровизации.

Пандемия позволила усвоить важный урок, а именно то, что высокое качество доступа к интернету и уровень технической оснащенности пользователей напрямую влияют на качество дистанционного обучения и работы. Надежный наземный широкополосный доступ и лучшие устройства: современные ноутбуки, планшеты или настольные компьютеры, это ключевой фактор устойчивости экономики во времена сильной зависимости от цифровых технологий. В такой среде учиться и работать в интернете намного проще, чем на одном смартфоне. Мобильный интернет хорошо подходит для более пассивных действий потребления, таких как прокрутка социальных сетей, чтение новостей, общение в мессенджерах и тому подобное. Персональный компьютер с надежным широкополосным подключением остается самым важным инструментом, являющимся орудием стабильной экономики.

Очевидно, что страны с развитой цифровой экономикой, как правило, лучше предоставляют государственные услуги в режиме онлайн из-за превосходной инфраструктуры и развитой доступности к интернету. Для таких стран характерен охват цифровой трансформации огромных частей государственного секто-

ра и эффективность данного взаимодействия на сегодняшний день не имеет сопоставимой конкуренции. Цифровая трансформация государства должна основываться на цифровизации компаний, являющихся базовыми концентраторами развития. По сути это зарождающейся скелет новой, цифровой жизни. Процесс становления имеет эволюционный характер и развитие его в обществе идет повсеместно. Пока наша страна имеет ограниченные ресурсы и важной задачей государства является их разумное распределение, способствующее гармоничному развитию цифровой экономики.

Выявлено, что Российские банки, по оценке консалтинговой компании Boston Consulting Group (BCG), оказались значительно лучше подготовленными к пандемии коронавируса COVID-19, чем иностранные – результаты исследования обнародованы 21 апреля 2020 года [Grasshoff, Coppola, Pfuhler, Bochtler, Gittfried, Vogt, Wiegand]. Внедрение онлайн банкинга, это яркий пример формирования концентратора в качестве средства развития и продвижения собственного цифрового продукта. Государственные сайты активно внедряют функцию онлайн оплаты налогов и государственных услуг и активно взаимодействуют с банками.

Так же примером качественного освоения цифрового пространства является внедрение портала государственных услуг Российской Федерации – Госуслуги. Разработчики понимая, что с позиции пользователя доступ ко всем услугам удобен из одного окна, реализовали данный принцип на одной платформе. В каталог государственных сайтов включены официальные информационные интернет-ресурсы, посвященные деятельности фактически всех государственных ведомств. Навигация в каталоге организована таким образом, чтобы вы могли быстро найти нужное ведомство и его контактную информацию, ознакомиться с предоставляемыми услугами или перейти на официальный сайт¹. Уже сейчас в режиме онлайн государственные органы уведомляют пользователя о сроках окончания действия документов и необходимости их продления, заблаговременно предоставляют расчеты к оплате налогов, данные о пенсионных накоплениях, предоставляется информация о местных услугах района, округа, города и региона. Пользователь же может подавать документы на получение паспортов, как внутреннего так зарубежного; подать документы на получение разрешения на ношение оружия; регистрацию водительских удостоверений и постановке автомобиля на учет; записать ребенка в школу и на кружки; обратиться в фонд занятости и найти работу; записаться к врачу; оплатить штраф и многое, многое другое. Государство нацелено в ближайшей перспективе в электронный формат перевести до 95% государственных услуг. Практика внедрения сайтов показывает, что данная цель вполне реализуема и востребована. Из внедренных за последнее время 48 новых услуг, доля онлайн-обращений достигает до 90%, это подтверждает то, что данный формат принят населением и одобрен. Очередная, обновленная версия портала заработает в марте 2021 года, она долж-

¹ Концепция функционала сайта // Официальный сайт Государственных услуг Российской Федерации: <https://www.gosuslugi.ru>.

на стать более технологичной и трансформироваться в сторону ускорения процессов проверок и межведомственного согласования. Это означает, что пользователь сможет в кратчайшие сроки получить услугу или необходимую справку в один клик без утомительной беготни по сбору дополнительных сведений и справок для их выдачи.

В активной фазе находится реализации государственными органами задача перехода документов с бумажных носителей в электронный формат. Уже реализован переход в электронный формат: трудовых книжек, СНИЛС, свидетельств о праве на собственность, медицинских карт, сертификатов на материнский капитал, страховок ОСАГО, и др. В тестовом режиме реализуется переход в электронный формат внутренних паспортов и водительских удостоверений. Число электронных документов будет увеличиваться по мере продвижения электронной практики и формирования базы данных сведений в государственных информационных системах, которые обеспечат качественный и безболезненный переход от бумажных документов.

На сегодняшний день государство понимает важность дальнейшего развития ИТ-технологий и активно поддерживает их развитие в нашей стране. «Мы планируем создать на конкурсной основе шесть крупных исследовательских центров, которые будут работать в области ИТ-технологий. На эти цели мы выделяем, может быть, трудно сопоставимые с теми деньгами, которые выделяются в других местах и в других странах, но все-таки для нас это приличные ресурсы, до 2024 года шесть миллиардов рублей мы планируем выделить на эти цели. Вот по этому пути мы будем идти, создавая, в том числе, не только административно, но и насыщая их необходимой техникой, оборудованием, привлекая лучших специалистов, надеюсь, в том числе и из-за рубежа. Это я исхожу из того, что и вам, может быть, представится возможность и будет интерес приехать и пообщаться со своими коллегами, поработать вместе. Да, такие примеры работы в некоторых сферах — спасибо за поднятый палец — со специалистами из других стран у нас есть», — рассказал Владимир Путин¹.

С началом года реализуются разработанные меры поддержки ИТ-отрасли. Начиная с 1 января 2021 года вступил в силу и действует «налоговый маневр»:

- налог на прибыль для компаний ИТ-отрасли снижается с 20% до 3%;
- страховые взносы в фонд оплаты труда уменьшается с 14% до 7,6%;
- так же НДС для разработчиков из реестра отечественных решений будет равен нулю.

Малый и средний бизнес получил 1 трлн. рублей поддержки. Это те меры, которые направлены на поддержание отрасли в период пандемии, а так же на стабилизацию кадрового состава ИТ-индустрии, т.е. одно из решений проблемы кадрового дефицита о чем говорилось ранее, и привлекательности индустрии для потенциальных инвесторов.

¹ Путин В.В. Выступление на онлайн-конференции посвященной искусственному интеллекту 04.12.2020 г.: <https://youtu.be/39IENEyhuTs>.

Органы государственной власти в становлении цифрового общества

Участие органов государственной власти в становлении цифрового общества оценивается как существенное. Тематические сайты органов власти разработаны и действуют с разным уровнем функциональности. Сайты федеральных органов власти консолидированы на платформе Государственные услуги. Некоторые сайты интегрированы в единое информационное пространство, некоторые, в основной массе региональные, пока взаимосвязаны гиперссылками. Тем не менее идет постоянная работа по унификации и объединению рабочих пространств, улучшаются технологии. Я. Ариэль и Р. Авидар определяют, не только технологические особенности платформы определяют ее уровень интерактивности и коммуникабельности, но и характеристики ее пользователей [Ariel, Avidar].

Выявлено, что коммуникационная система, построенная на системном учете мнения и потребностей населения, способна грамотно реагировать и взаимодействовать на всех уровнях власти. PR-активность органов государственной власти по средствам интернет-коммуникаций направлена воздействовать на все слои населения и в обязательном порядке должна учитывать специфику особенностей населения нашей необъятной страны, людей с разным укладом жизни. Все это влияет на направления работы PR-служб, ведь именно они определяют потребность населения и реагируют изменениями в ещё формирующемся виртуальном пространстве.

Определены основные направления работы PR-подразделений органов власти, реализованные и активно продвигаемые в цифровом пространстве:

- выстраивание и организация коммуникаций с общественностью. Формирование постоянного, двустороннего диалога с аудиторией и СМИ;
- расширение линейки сервисов государственных услуг и их продвижение, с акцентом на прямой диалог с властью;
- модернизация существующих систем, направленная на увеличение эффективности работы государственных органов и служб;
- формирование информационной повестки, повышающей открытость органов власти и способствующей формированию лояльных общественных настроений;
- сбор, изучение и анализ общественных настроений и мнений. Службы по связям с общественностью изучают информационные предпочтения населения и социальных групп, анализируют и прогнозируют их потребности;
- разработка, утверждение и последующее сопровождение информационной политики органов власти, как результат изучения и анализа предпочтений и потребностей населения;
- организация и реализация информационных мероприятий и программ, в рамках PR-деятельности государственных органов власти.

Таким образом, новые цифровые технологии проникают во все сферы человеческих отношений. Процесс становления цифрового общества в обязательном порядке должен учитывать, что каждый гражданин-пользователь свободен в вы-

боре источника информации, сам определяет для себя информационные потребности и оценивает качество получаемой информации. Формируются предпочтения, вкус и культура интернет аудитории. Развитие всех направлений цифровизации и интернет-технологий модифицирует не только коммуникационные процессы но и корректирует институты власти в отношении демократических практик. Каждый гражданин-пользователь становится партнером, который напрямую формирует вопросы и задачи органам государственной власти. Гражданин, общественные группы участвуют в формировании повестки, участвуют в вопросах принятия управленческих решений органами власти. Ответом со стороны органов власти должна быть доступная и легко воспринимаемая информация, учитывающая интересы всех сторон. Перед органами государственной власти стоит важная задача правильного позиционирования себя в медийном интернет пространстве и формирования общественного доверия к проводимой ими политике.

Следовательно, службам связи с общественностью органов государственной власти при формировании повестки и проведении различных форм PR-активности необходимо учитывать информационные предпочтения целевых групп населения, в т.ч. по территориальным и национальным признакам. В реализации данной задачи PR-службы должны стремиться к максимально прозрачному, открытому и доверительному диалогу с общественностью. Д.В. Афанасьев отмечает, что доверие является ключевым показателем отношения общества к политике государства, необходимым условием жизнеспособности политической системы [Афанасьев].

Интернет-коммуникации позволяют в реальном времени вести открытый диалог с максимально широким кругом общественности. Формируемый силами PR-служб контент информационного ресурса или веб-сайта в обязательном порядке должен иметь качественную обратную связь. Профессор Ф.И. Шарков указывает, что одним из «важнейших показателей развития государственности, и прежде всего в социальной сфере, является интенсивность и широта его информационно-коммуникативной активности» [Шарков]. Интернет-коммуникации кардинально видоизменяют информационное пространство, меняют основы коммуникаций с гражданами, ставят перед PR-службами совершенно новые задачи и требования, взвешенной и планомерной деятельности в силу высокой социальной ответственности органов государственной власти. Так же необходимо учитывать, что современное медиапространство очень чувствительно и формирует общественное мнение мгновенно и безапелляционно. Нельзя забывать, что в социальных медиа распространяется как публичная, так и приватная информация, что требует дополнительного правового регулирования [Hart]. Любое неподготовленное высказывание представителя властных структур, тем более имеющее приватные свойства, способно пошатнуть не только авторитет конкретного лица, но и целого органа власти, от лица которого он выступает.

Интернет для работника PR-службы, это новая и очень мощная информационная реальность, оказывающая существенное влияние на механизмы управления восприятием. И только выстроенный PR-службой на постоянной и совер-

шенствующейся основе открытый диалог, в параллель развития интернет технологий, является гарантом сбалансированной и максимально эффективной связи с общественностью со стороны органов власти. Учитывая скорость развития и распространения интернет-коммуникаций, PR-службам необходимо все больше и больше времени и внимания уделять этому направлению коммуникаций.

Таким образом, интернет сегодня позволяет PR-службам мгновенно получать обратную связь с аудиторией и реагировать на ее запросы, это совпадает с задачами органов власти выстраивать работу исходя из потребностей и запросов граждан. Развивающиеся интернет технологии и коммуникации помогают совершенствовать уровень качества предоставления государственных услуг, открывают новые, ранее недоступные для населения сервисы. В этом быстро развивающемся цифровом мире органам государственной власти в своей PR-деятельности важно постоянно поддерживать уровень необходимых знаний специалистов PR-служб, а так же следует выстраивать модель коммуникаций соответствующую с новой формирующейся медиасредой.

Вывод

Расширяющийся поток информации, её доступность, увеличение источников получения информации, участие граждан в процессе открытого диалога требует со стороны государственного контента постоянного совершенствования, способного соответствовать информационным запросам общественности. Для российской общественности развитие процессов интернет-коммуникаций с органами государственной власти определяет новый уровень реализации своих прав, при значительном снижении затрат и времени, обход бюрократических препон чему способствует минимизация человеческого фактора. А самое главное ощущение каждого человека, что он может напрямую обратиться к государству и быть услышанным. Конечно, это возможно только при обеспечении, развитии и совершенствования двусторонней, сбалансированной связи с общественностью со стороны органов власти, что определяет широкий фронт предстоящей работы PR-служб органов государственной власти.

Источники

Афанасьев Д.В. (2014). Общество и власть: поиск путей формирования взаимного доверия // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. № 5. С. 173–178.

Кириллина Н.В. (2017). Символический обмен как системная характеристика коммуникативных практик // Поведенческая экономика современности и формирование рынков будущего. Материалы VII международной социологической Грушинской конференции 15-16 марта 2017 г. С. 1701-1703.

Кириллина Н.В. (2020). Феномен вовлеченности как отражение социального потенциала коммуникации // Коммуникология. Том 8. №1. С.27-33.

Комаровский В.С. (2003). Государственная Служба и СМИ. Воронеж: Издательство ВГУ.

Могилевская Г.И. (2016). Мобилизационный потенциал социальных сетей в современных информационных войнах / Г.И. Могилевская // Молодой ученый. №6 (110). С. 871-873 [эл. ресурс]: <https://moluch.ru/archive/110/26957/>.

Шарков Ф.И. (2014). Информационно-коммуникационная парадигма развития российской государственности // Коммуникология. Т.3. №1. С. 111-119.

Шибанова Ю.В. (2015). Коммуникативные практики служб по связям с общественностью органов власти в сети интернет // Вестник Нижегородского Университета им. Н.И. Лобачевского. Нижний Новгород.

Ariel Y., Avidar R. (2015). Information, Interactivity, and Social Media. *Atlantic Journal of Communication*. No. 23. P. 19-30.

Chakravorti B., Chaturvedi R.S., Filipovic C., Brewer G. (2020). Digital in Time of COVID. The Fletcher School at Tufts University [access mode]: <https://sites.tufts.edu/digitalplanet/files/2020/12/digital-intelligence-index.pdf>

Digital Intelligence Index (2020). исследование Школы Флетчера при Университете Тафтса, Бостон [access mode]: <https://digitalintelligence.fletcher.tufts.edu/trajectory>.

Grasshoff G., Coppola M., Pfuhrer T., Bochtler S., Gittfried N., Vogt P., Wiegand C. (2020). Global Risk 2020: It's Time for Banks to Self-Disrupt. Boston Consulting Group (BCG) [access mode]: <https://www.bcg.com/ru-ru/publications/2020/global-risk-time-for-banks-to-self-disrupt>.

Hart C.E. (2017). Social Media Law: Significant Developments. *The Business Lawyer*. No. 72. P. 235-242

Kemp S. (2021). Digital 2021: Global Digital Overview. The Russian Federation. 11 Feb. 2021 [el. source]: <https://datareportal.com/reports/digital-2021-russian-federation?rq=digital-2021>.

■ ■ ■ Dialogue in Internet Channels as a New Trend in PR Activity of Public Authorities

Konov V.V.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Moscow, Russia.

Abstract. The paper represents the author's view on the development trends and issues of digital transformation in the field of PR activities of government bodies. The author reveals and substantiates the need for active development in the Internet space of balanced communication of the authorities with the citizens. The author proceeds from the assumption that for a PR-service employee, the Internet is a new information reality that has a significant impact on the mechanisms of public opinion management. An open dialogue, built on a constant and improving basis, in parallel with the development of Internet technologies, is the basis for a balanced and most effective communication between the authorities and the public. Based on the study, the author comes to the conclusion that the conservative system of civil service needs to adapt to the information needs of the audience, offering an adequate list of convenient interactive services, easy messages and formats of interaction.

Keywords: internet, digital transformation, digitalization, government bodies, public relations, internet communications, PR service

For citation: Konov V.V. (2021). Dialogue in Internet Channels as a New Trend in PR Activity of Public Authorities. *Communicology (Russia)*. Vol. 9. No. 1. P. 112-126. DOI 10.21453/2311-3065-2021-9-1-112-126.

Inf. about the author: Konov Valery Viktorovich – graduate student at the Department of Public Relations and Media Policy of the Institute of Public Administration and Administration, RANEPA. Address: 119571, Russia, Moscow, Vernadsky av., 84. E-mail: v.konov@bk.ru.

Received: 26.01.2020. *Accepted:* 10.03.2021.

References

- Afanasyev D.V. (2014). Society and Power: Search for Ways to Form Mutual Trust. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. No. 5. P. 173-178 (In Rus.).
- Ariel Y., Avidar R. (2015). Information, Interactivity, and Social Media. *Atlantic Journal of Communication*. No. 23. P. 19-30.
- Chakravorti B., Chaturvedi R.S., Filipovic C., Brewer G. (2020). Digital in Time of COVID. The Fletcher School at Tufts University [access mode]: <https://sites.tufts.edu/digitalplanet/files/2020/12/digital-intelligence-index.pdf>
- Digital Intelligence Index (2020). Study of the Fletcher School at Tufts University, Boston [access mode]: <https://digitalintelligence.fletcher.tufts.edu/trajectory>.
- Grasshoff G., Coppola M., Pfuhler T., Bochtler S., Gittfried N., Vogt P., Wiegand C. (2020). Global Risk 2020: It's Time for Banks to Self-Disrupt. Boston Consulting Group (BCG) [access mode]: <https://www.bcg.com/ru-ru/publications/2020/global-risk-time-for-banks-to-self-disrupt>.
- Hart C.E. (2017). Social Media Law: Significant Developments. *The Business Lawyer*. No. 72. P. 235-242
- Kemp S. (2021). Digital 2021: Global Digital Overview. The Russian Federation. 11 Feb. 2021 [el. source]: <https://datareportal.com/reports/digital-2021-russian-federation?rq=digital-2021>.
- Kirillina N.V. (2017). Symbolic exchange as a system characteristic of communicative practices. In: Behavioral Economics and Future Markets Formation. Materials of the VII International Sociological Grushin Conference, March 15-16, 2017. P. 1701-1703 (In Rus.).
- Kirillina N.V. Engagement as a reflection of communicative potential. *Communicology (Russia)*. 2020. Vol. 8. No.1. P. 27-33. DOI 10.21453 / 2311-3065-2020-8-1.
- Komarovsky V.S. (2003). Government Service and Mass Media. Voronezh: Voronezh State University Publishing House (In Rus.).
- Mogilevskaya G.I. (2016). The mobilization potential of social networks in modern information wars / G.I. Mogilevskaya. *Young scientist*. No. 6 (110). P. 871-873 [el. source]: <https://moluch.ru/archive/110/26957/> (In Rus.).
- Sharkov F.I. (2014). Information and communication paradigm of the development of Russian statehood. *Communicology*. Vol.3. No.1. P. 111-119 (In Rus.).
- Shibanova Y.V. (2015). Communicative practices of public relations services of authorities on the Internet. *Bulletin of Lobachevsky Nizhny Novgorod University*. Nizhny Novgorod (In Rus.).

■ ■ ■ Проблемы развития лидерского потенциала на региональном уровне

Филиппов И.М.

Администрация Главы Чувашской республики, г. Чебоксары, Российская Федерация.

Аннотация. В современных условиях цифровой трансформации лидерство в молодежной среде приобретает особую значимость. Знания о характеристиках информационного и массового сознания, психологических и социальных особенностях функционирования молодежного лидерства, готовности масс следовать за лидером в молодежной среде, приобретают особую значимость. Проведенные исследования с области молодежного лидерства показали, что внеучебная общественная работа не всегда создают оптимальные условия для формирования лидерских качеств молодого человека. Молодые люди сегодня погружены в цифровые технологии. Действующие ранее методики выявления и развития лидерских качеств перестают работать в новой коммуникативной среде.

Цель исследования в области развития лидерства состоит в определении проблем в формировании лидерского потенциала и их актуализации на региональном уровне. Это должно способствовать лучшему эмпирическому пониманию некоторых важных аспектов процесса развития лидерства. Автор исходит из предположения, о том, что эпизодически проводимые локальные исследовательские проекты, основанные на опросах, вряд ли добавят большую ценность этой зарождающейся науке о развитии лидерства. Напротив, методологические и аналитические подходы, использующие индивидуализированный подход к развитию лидера, скорее всего, дадут больше информации, чем те, которые пытаются смоделировать средние тенденции по данной выборке.

Ключевые слова: молодежь, лидерство, государство, лидерский потенциал, лидерство как форма коммуникации, коммуникативная личность

Для цитирования: Филиппов И.М. Проблемы развития лидерского потенциала на региональном уровне // Коммуникология. 2021. Том 9. №1. С. 127-137. DOI 10.21453/2311-3065-2021-9-1-127-137.

Сведения об авторе: Филиппов Иван Михайлович – помощник Главы Чувашской Республики, аспирант Московского государственного областного университета. Адрес: 428004, Россия, г. Чебоксары, Президентский бульвар, 10. E-mail: filivanmih@yandex.ru

Статья поступила в редакцию: 19.02.2021. *Принята к печати:* 15.03.2021.

При проведении исследований в сфере лидерства следует учитывать некоторые специфические аспекты. Одним из таких аспектов является изучение релевантных уровней: внутриличностный и межличностный; диадический; командный и организационный. В начале исследования важно четко определить уровень исследования и выбрать тип исследовательского проекта. В частности, представ-

ляется, что межуровневые подходы (например, индивидуумы внутри команд, команды внутри организаций) дают большие перспективы для дальнейшего понимания процессов развития лидерских качеств.

Развитие лидерства – это динамичный и длительный процесс, который по своей сути предполагает учет времени. Формирование лидера – это развитие, которое можно концептуализировать как процесс, происходящий на протяжении всей жизни. При этом очевидным является и то, что автор может ограничить исследовательские временные рамки. При этом нельзя не учитывать индивидуализированную природу развития лидерских качеств личности. Лидеры не развиваются одинаково, следуя одинаковым моделям роста. Люди делают разные выводы из одного и того же опыта; некоторые усваивают ключевые уроки опыта с большей готовностью, чем другие. Рауденбуш [Raudenbush: 501-525] предложил личностно-траекторный подход к исследованию развития. Такой подход может помочь ученым лучше понять индивидуальный характер развития лидера, особенно когда они используются в сочетании с обоснованными решениями о времени и сроках протекания ключевых процессов.

Сегодня исследование лидерских качеств молодежи становится предметом психологических, социологических, философских, экономических и политических дисциплин. С одной стороны, молодежь представляет наиболее активную социальную категорию, что подтверждается участием представителей молодежи в недавно прошедших протестных акциях¹. С другой стороны, наблюдается достаточно высокий уровень пассивности [Григорьев, Миронова], нежелание молодежи детально вникать в политические вопросы. От молодежи ждут некую социальную активность. Но мало кто спрашивает у самой молодежи, чего ей не хватает в современных условиях, каковы ее потребности и пожелания. Социальная общественная активность представляет собой определенный гарант новых идей, неординарных подходов и смелых решений. Кроме того, эти качества являются основанием для привития управленческих качеств. Считается, что личность должна обладать следующими качествами: активной жизненной позицией, нравственностью и желанием служить обществу.

Потребности и желания молодежи в современных условиях

В связи с этим летом 2020 г. с участием автора было проведено социологическое исследование «Потребности и желания молодежи в современных условиях» в Чувашской Республике. Опрос проходил в электронной форме посредством размещения его на портале «Народный контроль Чувашской Республики» в сети Интернет среди молодежи из Чувашии. Цель данного исследования заключалась в определении текущих потребностей молодежи в Чувашской Республике и выявлении основных трендов в молодежной среде, для более объективной картины, в возрасте от 14 до 35 лет.

¹ Протестные акции в поддержку Алексея Навального, январь 2021.

Ключевые задачи исследования: проанализировать текущие возможности самореализации молодого поколения в регионе; определить ценностную составляющую, потребности, страхи и переживания современной молодежи; выявить эффективность текущей государственной молодежной политики в Российской Федерации; изучить текущее отношение молодежи к общественной деятельности; найти наиболее желаемые форматы участия молодежи в общественной деятельности; определить социокультурные, политические и социальные тренды в молодежной среде; определить наиболее эффективные социальные лифты в современных условиях.

Большинство представителей современной молодежи испытывает проблемы в поисках гармонии с самим собой, а также жизненные сложности из-за проблем с поиском работы и трудоустройством, сложности из-за проблем с досугом и веселым времяпрепровождением, проблемы в самовыражении, саморазвитии. Наибольшее беспокойство, по ответам респондентов, вызывает страх потерять близкого человека, не найти себя в будущем и не реализовать свой потенциал, а также страх остаться одному или быть преданным.

По итогам проведенного опроса, в качестве основных жизненных целей выделяются: получение от жизни как можно больше ярких эмоций и впечатлений, обретение гармонии в семейных отношениях и воспитание детей, стремление увидеть мир и посетить много стран, а также реализовать себя как лучшего специалиста в своей профессиональной сфере и оставить после себя след в истории.

Результаты исследования показали, что 61% молодежи Чувашии полагают достаточными созданные для них возможности для самореализации в России, но в Чувашской Республике показатель составил только 50%. При этом каждый пятый опрошенный респондент (16%) уверен, что молодежь может себя полностью реализовать в России, в то время как 45% ответили положительно, но обратили внимание на некоторые препятствия. Значительна доля тех, кто считает, что возможности самореализации в России и в Чувашии в частности ограничены или отсутствуют полностью – 39% (в Чувашии – 51%). Из них 33% опрошенных считают, что лишь малая часть молодежи может себя реализовать в России (в Чувашии – 41%). Другие убеждены в том, что в нашей стране 6% и в Чувашской Республике 10% не создано практически никаких возможностей для самореализации.

Говоря о причинах, мотивирующих молодежь к смене постоянного места жительства и переезду из своего города, можно выделить следующие основные причины: проблемы с уровнем жизни, поиском работы и низкая заработная плата, отсутствие возможностей для самореализации.

Для изменения положения дел в республике молодежь предпочитает принимать участие в выборах или принимать активное участие в волонтерской или добровольческой деятельности, в благотворительности. При этом для изменения положения дел в республике представители молодежи оказывают личную помощь людям.

Больше половины опрошенных (74%) согласны с тезисом, что общественная деятельность может помочь молодежи в самореализации: 18,0% из них сказа-

ли, что полностью с этим согласны, а 56% частично с этим согласились. Свое несогласие с данным тезисом выразило 12,7% российской молодежи (9,7% – частично не согласны, 3% – полностью не согласны). Оставшиеся 13,3% затруднились с ответом на поставленный вопрос.

Из множества возможных вариантов образовательных мероприятий российская молодежь в наибольшей степени хотела бы посещать курсы по ораторскому искусству и публичным выступлениям, курсы по финансовой грамотности и инвестированию, курсы по правовой грамотности и знанию закона, а также практикумы по развитию творческих навыков и тренинги по повышению лидерских качеств, целедостижению и личностному росту.

Кроме того, довольно популярными для молодежи могут стать следующие форматы молодежных образовательных мероприятий: молодежные образовательные форумы и съезды, бизнес-курсы по основам предпринимательства, открытые встречи с известными успешными людьми.

Наиболее распространенными источниками получения информации о событиях в России и в мире в молодежной среде являются: социальные сети, новостные сайты, а также просмотр видеоблогов на YouTube. Удобнее всего молодежи из Чувашской Республики просматривать информационный контент в интернете посредством просмотра блогов на YouTube, в формате сторис в Instagram, чтения текстовых постов в социальных сетях, непродолжительных видео-постов и просмотра постов с картинками с минимальным количеством текста.

Потребность общества в профессиональных молодежных лидерах

Большинство респондентов (86%) подчеркнули потребность общества в профессиональных молодежных лидерах. Наиболее важными качествами молодежного лидера, по мнению респондентов, являются: умение понять и принять чужую точку зрения в формируемом коллективе (стартапы, бизнес, инфраструктура); трудолюбие и работоспособность; уравновешенность и самообладание; профессионализм и компетентность, стремление к самообразованию; способность к нововведениям и новаторство; предприимчивость, умение рискнуть во имя полезной цели; умение противостоять давлению, отстаивать свою позицию в интересах коллектива; сострадательность, милосердие и терпение; умение видеть и переоценивать свои недостатки (самокритичность); умение делиться властью и делегировать полномочия.

Подавляющее большинство молодежи уверено в том, что государству при реализации политического курса в молодежной политике в первую очередь необходимо уделять внимание трудоустройству и повышению доступности и качества высшего образования в стране.

В целях создания эффективных механизмов трудоустройства и социальных лифтов, а также развития системы профессиональных стажировок и практик молодежи 15 сентября 2020 года в Чебоксарском экономико-технологическом колледже состоялось подписание Меморандума о создании общереспубликан-

ского молодежного движения «Молодежь Чувашии». Меморандум был подписан между Врио Главы Чувашской Республики О.А. Николаевым и представителями ключевых молодежных общественных организаций Чувашии (студенческие советы, координационный совет работающей молодежи, творческие объединения и молодежные НКО). На базе Центра молодежных инициатив при Министерстве образования и молодежной политики Чувашской Республики города Чебоксары была создана краудсорсинговая платформа (единая площадка для обмена опытом, знаниями, современными методиками и технологиями работы с молодежью).

Участники встречи рассказали, что идея подписания меморандума возникла вследствие общего желания молодежных НКО республики объединить усилия и направить свои ресурсы на всестороннюю поддержку молодежных инициатив, реализацию амбициозных проектов. Также важным, по их мнению, является необходимость обеспечения условий для развития молодежных кадровых лифтов и участия активной молодежи в социально-экономическом развитии региона.

Развитие молодежных движений на региональном уровне

Одной из своих важных задач лидеры нового молодежного движения считают развитие молодежных движений в муниципальных районах республики. Участники встречи готовы делиться опытом по написанию грантовых заявок на реализацию социальных проектов.

В связи с этим 26 февраля 2021 года в Центре молодежных инициатив при Министерстве образования и молодежной политики Чувашской Республики состоялось открытие республиканской школы социального проектирования. Цель данного направления – повышение проектной культуры молодежи Чувашии, развитие навыков и выявление потенциала участников международных грантовых конкурсов и всероссийских форумных компаний. Обучающий программа «Республиканская школа социального проектирования» включает в себя комплекс теоретических и практических наработок, необходимых для профессиональной разработки и успешной реализации социальных проектов. Также работа ведется по обучению молодежи написанию бизнес проектов на базе центров «Мой бизнес» на территории Чувашской Республики.

Кроме того, с 6 апреля 2020 года в Чувашской Республике по поручению временно исполняющего обязанности Главы Чувашской Республики О.А. Николаева¹, в целях привлечения на управленческие должности в социальной, экономической и общественно-политической сферах молодых людей и специалистов, обладающих высоким уровнем развития лидерских качеств и управленческих компетенций, стартовали ежегодные республиканские конкурсы «Команда молодых лидеров» и «Управленческая команда». Оператором конкурсов является

¹ В соответствии с Указом Главы Чувашской Республики от 10 февраля 2020 г. № 32 «О республиканских конкурсах «Управленческая команда» и «Команда молодых лидеров».

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (РАНХиГС).

Для участия в конкурсах необходимо было пройти регистрацию с размещением видеопрезентации на Портале органов власти Чувашской Республики lider.sar.ru, заочное тестирование с использованием дистанционных технологий в системе «Прометей», предназначенной для автоматизированной оценки знаний. Тестирование состояло из двух частей: комплексные и практические задания. По условиям конкурсов, для прохождения в следующий этап необходимо было успешно пройти два этапа тестирования, набрав за каждый из них не менее 60%. Испытание успешно прошли 230 участников. Далее проводилось дистанционное тестирование с идентификацией личности, по итогам которого в проекте осталось 92 участника. Темы дискуссий и порядок их проведения был определен экспертной комиссией. Полуфинал проходил в очном формате групповой дискуссии. В течение установленного времени участниками Конкурса готовились устный и письменный ответы, которые обсуждались с участием членов экспертной комиссии, в ходе групповой дискуссии, по результатам которой 25 участников, получивших наивысшие оценки членов экспертной комиссии, допущены к финалу. Финал проходил в форме индивидуального собеседования с полуфиналистами конкурса. Результаты оформлены решением (протоколом заседания экспертной комиссии) о финалистах конкурса. Членами экспертной комиссии в ходе проведенного индивидуального собеседования участникам конкурса задавались вопросы, направленные на оценку лидерских способностей, креативного и продуктивного мышления, оценку ораторского мастерства конкурсантов, их общих интеллектуальных способностей. По итогам конкурса открытым голосованием большинством голосов решением экспертной комиссии было объявлено 5 победителей.

Описанный выше и подобные ему республиканские конкурсы направлены на совершенствование государственного управления, привлечение на управленческие должности молодых специалистов до 35 лет, обладающих высоким уровнем развития лидерских качеств и управленческих компетенций, а также состоявшихся руководителей в возрасте до 55 лет с опытом работы на управленческих должностях не менее трех лет. Данные конкурсы будут проходить в ежегодном формате

Также масштабно в настоящее время ведется работа по изменению порядка формирования, подготовки и использования резерва управленческих кадров Чувашской Республики. Резерв управленческих кадров Чувашской Республики – это группа высококвалифицированных и перспективных лиц, имеющих опыт руководящей либо управленческой деятельности, успешно проявивших себя в сфере профессиональной и (или) общественной деятельности, обладающих необходимыми профессионально-деловыми и личностными качествами и высокой степенью ответственности, позволяющими рассматривать их в качестве кандидатов для замещения руководящих должностей. Планируется, что комиссией бу-

дет проводиться отбор из числа лиц, состоящих в кадровых резервах на замещение должностей руководителей подведомственных органов исполнительной власти Чувашской Республики организаций. В резерв сможет также претендовать любой гражданин, имеющий опыт руководящей либо управленческой деятельности не менее трех лет, высшее образование и не имеющий ограничений, установленных порядком формирования данного резерва.

Подготовка молодежного резерва управленческих кадров

В целях содействия развитию системы государственного и муниципального управления, совершенствования порядка формирования и эффективного использования резерва управленческих кадров Чувашской Республики, выявления и привлечения на управленческие должности в социальной, экономической и общественно-политической сферах специалистов, обладающих высоким уровнем развития лидерских качеств и управленческих компетенций в Чувашской Республике создан Совет экспертов в области оценки управленческих компетенций при Главе Чувашской Республики¹ (далее – Совет).

Администрации Главы Чувашской Республики поручено обеспечить привлечение членов Совета к оценке кандидатов на управленческие должности в системе государственного управления Чувашской Республики.

Проанализировав молодежную политику в Чувашской Республике, обратили внимание на отсутствие образовательных программ по подготовке лидеров в молодежной среде на базе образовательных учреждений высшего образования. Программ по комплексной работе с неформальными лидерами в молодежной среде, лидерами некоммерческих общественных организаций и т.п., выявлению и развитию у них лидерских качеств. Необходимо уделить особое внимание развитию необходимых навыков лидеров в молодежной среде, развитию волонтерской деятельности. Служение обществу выражается в первую очередь в готовности к волонтерской работе, которая становится всё популярнее среди российской молодежи. Будущий лидер должен уметь управлять и уметь прислушиваться, чутко реагировать на чужую боль [Григорьев, Миронова]. Необходимо развивать у молодых людей чувство гражданской ответственности, воспитывать потребность помогать другим, распространять среди молодежи интерес к волонтерству. Вовлечение молодых людей в общественную деятельность оказывает большое влияние на развитие лидерских способностей. В первую очередь это имеет огромное и позитивное влияние на познавательное и эмоциональное развитие [Pfeiffer].

Необходимо уделить особое внимание самоопределению личности. Основным содержанием социально – психологической подготовки является создание

¹ Указом Главы Чувашской Республики от 25.12.2020 № 321 «О дополнительных мерах по развитию кадрового потенциала Чувашской Республики и о внесении изменений в некоторые указы Главы Чувашской Республики» образован Совет экспертов в области оценки управленческих компетенций при Главе Чувашской Республики. Советом определены цели, задачи, полномочия данного Совета, порядок его работы.

благоприятных условий для позитивного личностного самоопределения. Становление положительного образа включает в себя постепенное принятие своей индивидуальности и положительную оценку своего личностного потенциала, не только в виртуальном пространстве.

Для формирования лидерских качеств личности необходимо создавать особую развивающую социальную среду. Развивающая социальная среда – это социум, отличающийся от обычной среды более высокими по содержанию и интенсивности характеристиками совместной деятельности и общения, эмоционально и интеллектуально насыщенной атмосферой сотрудничества и созидания. В такой среде формируются межличностные и межгрупповые механизмы успешного саморазвития личности [Пономарёв, Ланцев, Кырчиков].

Необходимо отметить, что интерес к общественной деятельности в молодежной среде возрастает. Молодые люди стремятся реализовать свои таланты через различного рода объединения волонтерской направленности, экологических движений, организации наставнической и вожатской деятельности. Основное – это предоставить молодежи возможность самореализации. Внеучебная деятельность учит гражданской ответственности, важности и ценности служения обществу, этики и влияет на внутренний духовный мир человека.

Лидеры в любой сфере человеческой жизни интересны тем, что именно в них проявляется воля к жизни. В них ощущается внутренняя сила, заставляющая их достигать свои жизненные цели как можно более эффективно. Лидер – это воплощение жизненной силы, стремящейся к идеалу. В каждом из нас есть зачатки жизненной силы, и стремление к совершенству заставляет нас испытывать неудержимое желание достичь высшей духовной и материальной ценности в самих себе и окружающем нас мире.

Необходимо разработать целенаправленную систему работы по организации процесса развития и активизации лидерского потенциала и необходимых навыков [Котрухова]. В этом отношении основными задачами являются: научить молодого человека правильно проявлять, развивать базовые лидерские качества и грамотно применять свой лидерский потенциал; совершенствовать умения и навыки владения харизматическим влиянием, принципам гибкости, основным технологиям управления.

Лидер, сообщающий информацию, должен не просто говорить, он должен быть интересен современной молодежи, ему не нужно передавать им собственную энергию, он должен высвободить ту, что скрыта в них. Для осуществления всех этих функций необходимы знания, умения и навыки эффективного лидерства, одним из элементов которого могут быть социальные коммуникации.

Лидерство как форма коммуникации

Таким образом, лидерство представим как форму эффективной коммуникации между субъектом управления и его объектом, используя все возможные современные технологии и механизмы. Эффективному лидеру присущи следу-

ющие качества: высокий уровень развития эмоционального интеллекта, способность убеждать, талант установления позитивных отношений в социально-психологической группе и крупном коллективе, способность влиять на поведение объектов управления. Эффективный лидер умеет успешно использовать все типы коммуникаций, все коммуникативные каналы: словесные, книжные, мультимедийные и другие [Шарков]. Для формирования навыков эффективного лидера необходимо, чтобы социальный субъект был «коммуникативной личностью». Теорией коммуникативной личности занимались такие смежные научные дисциплины, как социология, философия, психология и лингвистика.

Необходимо на профессиональном уровне обучать молодежь лидерству, опыт лидерского поведения можно и нужно формировать, в том числе в моделируемых ситуациях, развивая тем самым соответствующие лидерские качества, актуальные в современных условиях.

Лидерство можно представить как сферу взаимодействия. Лидерство не столько личностный, сколько межличностный феномен. Важная задача лидера состоит в построении прочных коммуникативных отношений с другими людьми. Лидерство основано на неформальном влиянии лидера. Лидер обладает влиянием на последователей, но этот ресурс влияния имеет выраженный личностный компонент (а не просто формальный, должностной).

Чтобы увеличить организационную и групповую эффективность, необходимо научиться не только наиболее эффективно подготавливать лидеров, но и создавать организационное окружение, в котором лидер сможет хорошо работать. Путь к лидерству происходит через деятельность и практику взаимодействия индивидов друг с другом [Рябушко]. Но для этого межличностные взаимоотношения должны быть достаточно развиты, организационное окружение – быть открытым и допускать возможность для личности социально расти и развивать в себе лидерский потенциал.

Инициатива лидерства требует дальнейшего осмысления и развития. Развитие лидерского потенциала молодежи и весь комплекс предпринимаемых мер по формированию эффективного лидерства в России будет способствовать качественному обновлению страны.

Выводы

В настоящее время и государство, и общество обеспокоены тем, чтобы выявить и подготовить грамотных лидеров, на которых ляжет ответственность за динамичное развитие государства. Наш анализ подтверждает актуальность формирования лидерских качеств в молодежной среде. На наш взгляд создание условий для успешной социализации и эффективной самореализации, а также возможности для самостоятельного и эффективного принятия решений молодыми людьми будет способствовать взаимосвязанному улучшению качества жизни молодого поколения и развитию страны в целом. Таким образом, формирование созидательной активности молодежи является одним из приоритетных на-

правлений реализации молодежной политики в РФ, которое приведет к увеличению вклада молодых людей в повышение благосостояния страны, что повысит как социально-экономическое благополучие всего ее населения, так и конкурентоспособность на международной арене.

Источники

Григорьев А.В, Миронова Ю.Г. (2016). О Причинах пассивности политического участия астраханской студенческой молодежи // Каспийский регион: политика, экономика, культура. № 3 (48). С. 77.

Котрухова Р.И. (2009). Эффективное лидерство и развитие лидерского потенциала современной молодежи // Вестник Челябинского государственного университета. №14(152). Специальный выпуск. С. 54-58.

Пономарёв А.В., Ланцев А.О., Кырчиков М.С. (2020). Лидерство в молодежной среде. Учебное пособие, уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург.

Рябушко А.Н. (2016). Роль информационных технологий в формировании образа региональных политических лидеров. Диссертация на соискание ученой степени кандидата политических наук. Санкт-Петербург.

Шарков Ф.И. (2008). Массовые коммуникации и медиапланирование. М.: Альфа-Пресс.

Pfeiffer S.I. (2012). Lessons learned from working with high-ability students. Gifted Education International. Advance online publication. DOI: 10.1177/0261429412440653.

Raudenbush S.W. (2001). Comparing personal trajectories and drawing causal inferences from longitudinal data. *Annual Review of Psychology*. No.52. P.501-525.

Sternberg R.J., Jarvin L., Grigorenko E.L. (2011). Explorations in giftedness. New York: Cambridge University Press.

■ ■ ■ Problems of Developing Leadership Potential at the Regional Level

Filippov I.M.

Administration of the Head of the Chuvash Republic, Cheboksary, Russia.

Abstract. In current conditions of digital transformation, the study of youth leadership is of particular practical importance. Knowledge of the characteristics of information and mass consciousness, psychological and social characteristics of the functioning of youth leadership, the willingness of the masses to follow the leader in the youth environment, acquire special significance. The research in the field of youth leadership shows that extracurricular, social work does not always create optimal conditions for the formation of leadership qualities of a young person. Young people today are immersed in digital technology, hence, the previous practices of identifying and developing leadership qualities no longer work in the youth environment.

The purpose of this research in the field of leadership development is to identify problems in the formation of leadership potential and their actualization at the regional level. This should contribute to a better empirical understanding of some important aspects of the

leadership development process. The author proceeds on the assumption that occasional, local survey-based research projects are unlikely to add much value to this nascent science of leadership development. In contrast, methodological and analytical approaches based on a personalized approach to leader development are likely to provide more information than those that attempt to model average trends in a given sample.

Keywords: youth, leadership, state, leadership potential, leadership as a form of communication, communicative personality

For citation: Filippov I.M. (2021). Problems of Developing Leadership Potential at the Regional Level. *Communicology (Russia)*. Vol. 9. No.1. P. 127-137. DOI 10.21453/2311-3065-2021-9-1-127-137.

Inf. about the author: Filippov Ivan Mikhailovich – assistant to the Head of the Chuvash Republic, assistant to the Deputy of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, postgraduate student of the Moscow State Regional University. Address: 428004, Russia, Cheboksary, Presidential Boulevard, 10. E-mail: filivanmih@yandex.ru.

Received: 19.02.2021. *Accepted:* 15.03.2021.

References

- Grigoriev A.V., Mironova Yu.G. (2016). On the reasons for the passivity of political participation of the Astrakhan student youth. *Caspian region: politics, economy, culture*. No. 3 (48). P. 77 (In Rus.).
- Kotrekhov R.I. (2009). Effective leadership and development of leadership potential of modern youth. *Bulletin of Chelyabinsk state University*. No.14 (152), special issue. P. 54-58 (In Rus.).
- Pfeiffer S.I. (2012). Lessons learned from working with high-ability students. *Gifted Education International*. DOI: 10.1177/0261429412440653.
- Ponomarev A.V., Lantsev O.A., Kurchikov M.S. (2020). Leadership in the youth environment. Ural Federal University named after the first President of Russia Boris Yeltsin, Yekaterinburg (In Rus.).
- Raudenbush S.W. (2001). Comparing personal trajectories and drawing causal inferences from longitudinal data. *Annual Review of Psychology*. No.52. P. 501-525.
- Ryabushko A.N. (2016). The role of information technologies in shaping the image of regional political leaders. Cand.Sc. diss. polit. Saint-Petersburg (In Rus.).
- Sharkov F.I. (2008). Mass communications and media planning. Moscow: Alfa-Press.
- Sternberg R.J., Jarvin L., Grigorenko E.L. (2011). Explorations in giftedness. New York: Cambridge University Press.

КОНФЛИКТОЛОГИЯ

CONFLICT RESOLUTION STUDIES

■ ■ ■ Выявление социальных барьеров в этноконфессиональном пространстве публичных коммуникаций приграничных регионов¹

Зотов В.В.¹, Алексеенко А.И.²

1. Московский физико-технический институт (национальный исследовательский университет) (МФТИ), Москва, Российская Федерация.

2. Юго-Западный государственный университет (ЮЗГУ), Курск, Российская Федерация.

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена необходимостью разработки эффективных мер локализации и преодоления возможных отрицательных последствий этноконфессиональных процессов в приграничных субъектах РФ, что достигается при развитом уровне этноконфессионального пространства публичных коммуникаций. Методология организации такого пространства базируется на концепции менеджмента публичных ценностей, которая рассматривает общественное развитие через призму активного вовлечения заинтересованных сторон в обсуждение общественно значимых задач и участию в процессе реализации принятых решений. Целью работы является определение социальных барьеров данного пространства, затрудняющих взаимодействие его стейкхолдеров. Методами исследования стали систематизация публикаций, которая позволила раскрыть сущность понятия «социальный барьер коммуникации», осуществить их классификацию, а также экспертный опрос, проведенный авторами в 2020 годах среди представителей основных заинтересованных сторон, позволившего определить уровень проявления выделенных социальных барьеров.

Научная новизна обуславливается введением определения социальных барьеров этноконфессионального пространства публичных коммуникаций, авторской классификацией данных барьеров исходя из структуры двусторонней симметричной коммуникации, в рамках которой можно выделить коммуникаторов, сообщение, каналы, эффективность / результат и ситуация. Такая классификация позволила выделить следующие социальные барьеры коммуникаций: для коммуникаторов эти барьеры проявляются как низкая активность и инициативность, различия тезаурусов коммуникаторов и их низкая коммуникативная и коммуникационная компетентность; для сообщений – это фальсификация сообщений и имитация процесса коммуникации; для каналов коммуникации – это их несовпадение и барьер обратной связи; для ожидаемого результата – это его рассогласование; для ситуации коммуникации – это смещение актуализации событий. По данным экспертного опроса среди данных барьеров ключевыми следует назвать низкую активность и инициативность представителей заинтересованных сторон, стремление к имитации процесса коммуникации вместо реального диалога и партнерства, отсутствие обратной связи (отсутствие реакции одних заинтересованных сторон на действие других).

Ключевые слова: этноконфессиональные отношения, приграничный регион, пространство публичных коммуникаций, стейкхолдеры, социальные барьеры, предотвращение конфликтов, гармонизация отношений, национальная политика

¹ Статья выполнена в рамках гранта РФФИ 19-011-00835 А «Формирование пространства публичных коммуникаций как условие снижения рисков межнациональных и этноконфессиональных конфликтов в приграничных регионах».

Для цитирования: Зотов В.В., Алексеенко А.И. Выявление социальных барьеров этноконфессионального пространства публичных коммуникаций приграничных регионов // Коммуникология. 2021. Том 9. № 1. С. 139-150. DOI: 10.21453/2311-3065-2021-9-1-139-150.

Сведения об авторах: Зотов Виталий Владимирович – доктор социологических наук, профессор, профессор департамента философии МФТИ; Алексеенко Александр Иванович – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры философии и социологии ЮЗГУ. Адрес: 141701, Россия, Московская область, г. Долгопрудный, пер. Институтский, 9. E-mail: om_zotova@mail.ru; alex-2-alex@mail.ru.

Статья поступила в редакцию: 10.01.2021. *Принята к печати:* 22.02.2021.

Концепции менеджмента публичных ценностей как новая методологическая основа этноконфессионального пространства публичной коммуникации

К регионам, наиболее уязвимым к дестабилизирующим факторам, следует отнести приграничные субъекты РФ, которые в силу своего геополитического положения занимают одно из значимых мест в системе национальной безопасности. В этом плане крайне сильно проявляется геополитический аспект взаимосвязи национальной безопасности и миграции, в частности, этнический контекст миграции. Увеличение социальных групп, отличающихся друг от друга по этноконфессиональной принадлежности, накладывается на рост внутренних факторов, способствующих росту депрессивности региона, а именно невысокие доходы и плохое материальное благополучие населения в субъектах РФ, большой уровень безработицы и страх утраты работы у значительной доли занятого населения, высокие цены на коммунальное обслуживание и товары первой необходимости, нехорошее состояние здоровья и проблемы с лечением, малокомфортное жильё и неосуществимость решения «квартирного вопроса».

Это повышает вероятность возникновения межнациональных конфликтов, поэтому для российских регионов проблема налаживание диалога и партнёрства между представителями заинтересованных сторон представляется значимой и актуальной. Решение противоречий видится в развитии регионального этноконфессионального пространства публичной коммуникации, в рамках которого организуется диалог и партнёрство между всеми заинтересованными сторонами по решению проблем в сфере межнациональных отношений, при этом обе стороны должны стремиться к согласию, идя на определенные уступки, изменяя или, точнее сказать, адаптируя свое поведение к принятию взаимоприемлемых решений с целью относительно безболезненного выхода из создавшегося положения. Методология организации такого пространства базируется на концепции менеджмента публичных ценностей, которая рассматривает общественное развитие через призму активного вовлечения самих граждан в обсуждение общественно значимых задач и участие в процессе реализации принятых решений [Волкова]. Данная концепция провозглашает необходимость расширения круга заинтересованных лиц, вовлекаемых в процесс разработки

и/или реализации государственной политики в тех или иных областях, что способствует ослаблению традиционных бюрократических механизмов и повышает эффективность деятельности государства. Вопрос о сетевой форме публичного управления, принципиальным образом изменяющей статус органов власти во взаимоотношениях с обществом, одним из первых поставил Р. Родес [Rhodes].

Обращение к данной концепции в рамках реализации национальной политики требует исследование этноконфессионального пространства публичных коммуникаций с целью повышения эффективности его организации. Именно в рамках такого пространства возможно налаживание диалога и партнёрства при решении межнациональных и межконфессиональных проблем при условии преодоления социальных барьеров между представителями заинтересованных сторон. К основным представителям заинтересованных сторон следует отнести региональные и федеральные органы власти; медиаторов в лице комиссий по межнациональным и межконфессиональным отношениям; структуры гражданского общества, представленные религиозными объединениями, некоммерческими организациями, созданные по национальному признаку; политическими партиями; молодежными объединениями и казачеством; массмедиа всех уровней; местное сообщество, в том числе лидеры общественного мнения, представители национальных диаспор и землячеств; высшие учебные заведения, осуществляющие подготовку иностранных студентов.

При декларировании перехода к данной модели в качестве базовой для системы публичного управления целесообразно конкретизировать понятие «социальные барьеры коммуникации», описав особенности данных барьеров в этноконфессиональном пространстве публичных коммуникаций и оценить уровень их проявления.

Методы исследования социальных барьеров пространства публичных коммуникаций

Выявление социальных барьеров было осуществлено на основе аналитического обзора публикаций по социальным барьерам коммуникации и факторам, затрудняющим взаимодействие в этноконфессиональном пространстве публичных коммуникаций с последующей систематизацией и классификацией. Оценка уровня их проявления осуществлялась на основе данных экспертного опроса, проведенного в ноябре 2020 года в Курском области как типичном приграничном моноэтническом регионе (типичность определялась по социально-экономическим и миграционным показателям Росстата¹). В значительной части приграничных субъектов РФ численность русского населения составляет более 90%, что позволяет признать их моноэтническими регионами. Таким образом результаты экспертного опроса можно распространить

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели // Федеральная служба государственной статистики, официальный сайт: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204>.

на большую часть приграничных моноэтнических регионов. В опросе приняли участие 100 представителей, выделенных нами стейкхолдеров, которые своей деятельностью затрагивают отношения в сфере межконфессиональных и межнациональных отношений. В их число вошли представители диаспор и религиозных конфессий, масс-медиа, государственные служащие Комитетов молодёжной политики и туризма, информации и печати и внутренней политики Курской области, муниципальные служащие администраций г. Курска, Железнодорожного и Центрального округов и Курского района, члены общественных, молодежных, волонтерских организаций и политических партий, проводящих мероприятия на национальную тематику, работники международных отделов вузов Курска и профессорско-преподавательский состав кафедр, работающих с иностранными студентами, сотрудники правоохранительных органов (Управление по вопросам миграции и Центр противодействия экстремизму МВД России, отделы полиции по г. Курску и Курскому району), а также блогеры и лидеры общественного мнения, пишущие на национальную тематику.

Социальные барьеры пространства публичных коммуникаций: содержание понятия

При анализе факторов, затрудняющих коммуникацию, в научных публикациях применяются такие термины как «коммуникативные барьеры», «коммуникационные барьеры» и/или «информационно-коммуникационные барьеры». В частности, Е. В. Карпенко обращается к термину «коммуникативные барьеры», подвергая анализу *«помехи, возникающие в процессе взаимодействия власти и общества, препятствующие эффективному осуществлению социального управления, порождающие разную интерпретацию сообщений и ведущие к рассогласованию социальных интересов»* [Карпенко]. Отметим позицию А. М. Зимичева, который исследовательское внимание акцентирует на том, что коммуникативные барьеры – это факторы, служащие причиной (детерминантой) конфликтов [Зимичев]. А профессор А. В. Соколов оперирует в своих исследованиях коммуникационными барьерами, рассматривая последние как препятствия, возникающие на пути движения смысла от коммуниканта к реципиенту [Соколов]. А такой исследователь как Д. П. Хижняков обращается к более общему, по его мнению, термину – «информационно-коммуникационные барьеры», который используется им для обозначения побочного эффекта информационно-коммуникационной деятельности в социальном управлении. Барьеры такого рода появляются *«на различных отрезках пути движения информации по информационно-коммуникационным каналам от источника к реципиенту (адресату) информации, и обратно»* [Хижняков: 129]. Выше приведенных примеров, на наш взгляд, достаточно, чтобы уяснить сущность барьеров коммуникации. В данном случае **факторы социальной организации, которые мешают осуществлять в полном объеме коммуникации между представителями заинтересованных сторон будем именовать именно барьерами коммуникации**, чтобы не вдаваться информационные (содержательные) и коммуникационные (структурные) аспекты.

Анализ классификаций барьеров при осуществлении коммуникаций позволяет отметить большое их многообразие из-за применения разных оснований (правда в некоторых случаях явно непрописанных). Например, Е. В. Карпенко в системе коммуникаций регионального уровня публичного управления выделяет пять типов таких барьеров: субъективные, социокультурные, социально-стратификационные, социально-институциональные, инфраструктурно-технологические [Карпенко]. Наиболее развернутую классификацию можно встретить в работе О.А. Васильевой, которая выделяет социокультурные (социально-статусные), культурные, мировоззренческие, профессиональные, личностно-психологические, смысловые, организационные и технические [Васильева: 88]. Но такая классификация явно избыточна из-за фактического дублирования некоторых барьеров (культурного, смыслового и мировоззренческого). В своём диссертационном исследовании Т.А. Бочарова среди коммуникационных барьеров, которые создают трудности при взаимодействии контрагентов информационно-аналитической работы, выделяет технические, инструментальные, организационные, статусные, семантические и психологические [Бочарова: 133].

Отметим, что для барьеров коммуникаций имеются и более примитивные варианты классификаций. Например, в работе Г.В. Пушкарёвой указывается на такие два затрудняющих процесс коммуникации фактора как психологический и инфраструктурный [Пушкарева: 131]. Г.М. Андреева разделяет коммуникативные барьеры на те, что связаны с погрешностями в каналах передачи информации, и те, что порождены социальными причинами [Андреева]. В классификации А.И. Левина и О.М. Кобылкиной обнаруживается деление коммуникационных барьеров на технические, психологические, социальные [Левин, Кобылкина]. Возможно, все эти классификации имеют право на существование, но для исследуемой проблематики важнее, что практически каждый исследователь выделяет барьеры, относящиеся к особенностям жизнедеятельности людей и их отношений в обществе, то есть социальные барьеры.

На наш взгляд, в контексте организации диалога и партнерства особое внимание необходимо уделить социальным барьерам коммуникации, при этом последние трактовать как совокупность социальных факторов, ведущих к рассогласованию интересов заинтересованных сторон и препятствующих их эффективному взаимодействию при решении общественно значимых проблем в определенной сфере жизнедеятельности общества (в нашем случае – в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений).

Классификация социальных барьеров пространства публичных коммуникаций

Социальные барьеры в этноконфессиональном пространстве публичных коммуникации безусловно имеют свою специфику. Если отталкиваться от структуры двусторонней симметричной коммуникации, в рамках которой можно выделить коммуникаторов, сообщение, каналы, эффективность / результат и ситуация, то социальные барьеры можно классифицировать следующим образом.

Во-первых, для коммуникаторов эти барьеры проявляются как низкая активность, различия тезаурусов коммуникаторов и их низкая коммуникативная и коммуникационная компетентность. **Низкая активность и инициативность представителей заинтересованных сторон** выражается в нежелании обсуждения этноконфессиональных проблем в пространстве публичных коммуникаций. Как правило, национально-специфические компоненты культур чаще всего создают проблемы межкультурной коммуникации, которые достаточно хорошо изучены и описаны [Катеринич, Петренко, Мустафаев; Кузьмин]. Но на наш взгляд, в контексте заявленной проблематике необходимо рассматривать тезаурусы как стойкую, эмоционально окрашенную, детерминированную культурой упрощенную информационную модель (картину) социокультурной реальности. И именно **различия тезаурусов**, возникающие из-за их принадлежности к разным сегментам общекультурного пространства страны, выступает социальным барьером коммуникации. **Недостаточная компетентность** представителей заинтересованных сторон может проявляться, с одной стороны, в низком уровне владения информационно-телекоммуникационными технологиями социально-сетевого взаимодействия (низкая коммуникационная компетентность), а с другой стороны, у участников взаимодействия недостаточные знания, навыки и умения налаживания отношений между представителями различных культур.

Во-вторых, для сообщений (месседж) – это фальсификации сообщений и имитация процесса коммуникации. Существование так называемого **фальсификационного барьера** связано с распространением слухов или дезинформации в пространстве публичных коммуникаций [Каширина]. Органы власти, реализующие государственную национальную политику, не всегда честны перед другими стейкхолдерами, потому что им необходимо давать информацию в определенном свете – в контексте мероприятий и целевых показателей региональных государственных программ (подпрограмм) гармонизации межнациональных отношений и предотвращения этнических конфликтов. Для пространства публичных коммуникаций в целом, как и для его этноконфессионального сегмента, также характерна **имитация процесса коммуникации** между органами власти и представителями заинтересованных сторон. Сегодня процесс взаимодействия с представителями заинтересованных сторон идет под жестким контролем органов власти и вследствие этого обюрочрачиваются, лишается живого диалога. Чиновники, не усматривая необходимости в системном и реальном взаимодействии со структурами общества, имитируют общественный диалог [Бабинцев].

В-третьих, для каналов коммуникации – это их несовпадение и барьер обратной связи. **Несовпадение каналов коммуникации** возникает из-за того, что несмотря на рост значимости социальных медиа, госорганы продолжают быть ориентированы на традиционные массмедиа, такие как печать, радио и телевидение. А в социальной сети на сегодня фиксируется незначительное количество аккаунтов госструктур, в ведении которых находятся вопросы взаимодействия с представителями национальных объединений и диаспор, а также несовпадение распределения в социально-сетевом пространстве публичных ком-

муникаций, с одной стороны аккаунтов некоммерческих организаций, которые созданы по национальному признаку, а также представителей национальных общин и диаспор, а с другой – аккаунтов региональных органов власти, осуществляющих взаимодействие с национальными некоммерческими организациями [Зотов, Губанов]. **Барьер обратной связи** возникает в том случае, когда неэффективная обратная связь не дает отправителю достаточно информации о корректности восприятия переданного им сообщения [Мескон, Альберт, Хедоури]. В этноконфессиональном пространстве публичных коммуникаций он проявляется в том случае, если у органов власти субъекта РФ нет действенных мониторинговых инструментов, позволяющих определять мнение, узнавать позиции представителей заинтересованных сторон на различные события в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений, отслеживать тенденции и настроения в региональном социуме среди коренного населения, диаспор и мигрантов, прогнозировать дальнейшее развитие ситуации.

В-четвертых, для ожидаемого результата – это его **рассогласование**, которое возникает из-за несовпадения видения основных стейкхолдеров роли региона в системе национальной безопасности российского общества как конечного результата реализации государственной национальной политики, а именно рассматривают ли его в качестве пограничного барьера, цивилизационного фронта или «плавильного котла». В большинстве регионов власти формально декларируют поддержку этнокультурного многообразия, но реально государственные региональные программы ориентированы на адаптацию и дальнейшую интеграцию мигрантов, на задачи по укреплению гражданского единства и формированию российской нации, то есть они видят свою задачу в «растворении» прибывающих мигрантов в региональном социуме. В то время как диаспоры и представляющие их некоммерческие организации ориентированы на равноправные контакты, позволяющие сохранить свою национальную идентичность.

В-пятых, для ситуации коммуникации – это **смещение актуализации событий**, которое происходит из-за того, что процесс взаимодействия между основными стейкхолдерами разворачивается на фоне «повестки дня», которую устанавливают масс-медиа или те, кто является заказчиком новостной ленты [Дьякова]. Последняя может совпадать с обыденной реальностью, а может иметь с ней мало общего. Отметим, что журналисты часто используют новости о конфликтах в межнациональной сфере, так как они всегда востребованы и интересны, тем самым они искажают тему межэтнических отношений, в погоне за сенсационными, скандальными фактами смещают акценты с главного на второстепенное [Борщева].

Оценка выраженности социальных барьеров в этноконфессиональном пространстве публичных коммуникаций региона

Как показывают результаты экспертного опроса, большинство опрошенных экспертов считает, что в регионе есть эффективная система взаимодействия

между представителями заинтересованных сторон с целью гармонизации отношений и предотвращении конфликтов в этноконфессиональной сфере регионе. Так считает 71 %. Сложившиеся взаимоотношения между представителями заинтересованных сторон сферы этноконфессиональных отношений 62 % оценивают как партнерские, четверть экспертов характеризует их как сложные, но конструктивные, 12 % говорит об отсутствии взаимодействия и лишь 1 % об их конфликтности. Но в то же время ответы на вопрос: «Считаете ли Вы, что для успешного решения задач по гармонизации этноконфессиональных отношений и предотвращения конфликтов следует изменить систему организации взаимодействия между представителями заинтересованных сторон?» получены противоположные ответы: 38 % опрошенных считают, что эти отношения следует менять, а 39 %, что нет. Это говорит о желании использования новых форм диалога, при этом существует боязнь разрушить уже выстроенное конструктивное общение.

В Таблице 1 представлена экспертная оценка проявления в этноконфессиональном пространстве публичных коммуникаций региона основных социальных барьеров, препятствующие развитию диалога и партнерства. Сводные индексы рассчитывались как разница между утвердительными и отрицательными ответами на вопрос «Что, на Ваш взгляд, препятствует развитию диалога и партнерства в этноконфессиональной сфере между представителями заинтересованных сторон?» (Индекс рассчитан по формуле $I = R_4 + 1/2 \cdot R_3 - 1/2 \cdot R_2 - R_1$, где R_4 – доля ответов «да, в полной мере»; R_3 – доля ответов «скорее да, чем нет»; R_2 – доля ответов «скорее нет, чем да»; R_1 – доля ответов «безусловно нет».

Таблица 1. Оценка экспертами уровня выраженности основных барьеров, препятствующие развитию диалога и партнерства в этноконфессиональном пространстве публичных коммуникаций региона / Assessment by experts of the level of severity of the main barriers hindering the development of dialogue and partnership in the ethno-confessional space of public communications in the region

Социальные барьеры		Индекс оценки	«Затрудняюсь ответить»
Для коммуника- торов	1) низкая активность и инициативность представителей заинтересованных сторон	0,16	7
	2) низкий уровень компетенций представителей заинтересованных сторон в области информационно-телекоммуникационных технологий	-0,05	7
	3) низкий уровень компетенций представителей заинтересованных сторон в области налаживания и реализации этноконфессионального взаимодействия	0,05	9
	4) социально-культурного различия между представителями заинтересованных сторон	0,01	5

Окончание табл. 1

	Социальные барьеры	Индекс оценки	«Затрудняюсь ответить»
Для сообщений (месседж)	5) стремление к имитации процесса коммуникации вместо реального диалога и партнерства	0,22	15
	6) искажение реальной ситуации в угоду собственным интересам	0,02	17
Для каналов коммуникации	7) несовпадение (различия в предпочтениях) каналов коммуникации между представителями заинтересованных сторон	0,02	25
	8) отсутствие обратной связи (отсутствие реакции одних заинтересованных сторон на действие других)	0,09	16
Для ожидаемого результата	9) рассогласование ожидаемых результатов от диалога и партнёрства	0,03	19
Для ситуации коммуникации	10) смещение в масс-медиа акцентов этноконфессиональной проблематике	0,08	18

Данные, представленные в таблицы, показывают, что все барьеры, выделенные нами, признаются экспертами в качестве таковых, за исключением низкого уровня компетенций представителей заинтересованных сторон в области информационно-телекоммуникационных технологий. Здесь в экспертной среде преобладает мнение, что это не препятствует развитию диалога и партнерства в этноконфессиональной сфере между представителями заинтересованных сторон.

Заключение. Дальнейшее развитие этноконфессионального пространства публичных коммуникации связано с необходимостью разрешения определенного круга проблем, а именно преодоления ряда социальных барьеров коммуникации, под которыми предложено понимать факторы социальной организации, которые мешают осуществлять в полном объеме коммуникации между представителями заинтересованных сторон. Анализ имеющихся публикаций, сложившейся практики коммуникаций позволяет выделить следующие социальные барьеры пространства публичных коммуникаций: для коммуникаторов эти барьеры проявляются как низкая активность и инициативность, различия тезаурусов коммуникаторов и их низкая коммуникативная и коммуникационная компетентность; для сообщений – это фальсификация сообщений и имитация процесса коммуникации; для каналов коммуникации – это их несовпадение и барьер обратной связи; для ожидаемого результата – это его рассогласование; для ситуации коммуникации – это смещение актуализации событий. По данным экспертного опроса среди данных барьеров ключевыми для этноконфессионально-

го пространства публичных коммуникаций следует назвать низкую активность и инициативность представителей заинтересованных сторон, стремление к имитации процесса коммуникации вместо реального диалога и партнерства, отсутствие обратной связи (отсутствие реакции одних заинтересованных сторон на действие других).

Источники

- Андреева Г.М. (1980). Социальная психология. М.: Изд-во Мос. ун-та.
- Бабинцев В.П. (2017). Власть и общество в «провинциальном» регионе: специфика взаимодействия // Власть. Т. 25. № 3. С. 34-41.
- Борщева Н.Н. (2014). Межнациональная тематика в российских СМИ: профессионально-этический аспект // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. Т. 8. № 1. С. 90-96.
- Бочарова Т.А. (2009). Технологии информационно-аналитической работы в органах исполнительной власти региона: дис. ... канд. социол. наук: 22.00.08. Белгород.
- Васильева О.А. (2012). Эффективная обратная связь – ключевой фактор успешности коммуникационного процесса // Международный научно-исследовательский журнал. № 6-2 (6). С. 87-89.
- Волкова А.В. (2013). Публичные ценности и система государственного управления в России. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та.
- Дьякова Е.Г. (2003). Массовая политическая коммуникация в теории установления повестки дня: от эффекта к процессу // Полис. Политические исследования. № 3. С. 109-119.
- Зимичев А.М. (1993). Психология политической борьбы. СПб.: Санта.
- Зотов В.В., Губанов А.В. (2020). Социальные сети как основа взаимодействия власти и некоммерческих организаций, созданных по национальному признаку, в пространстве публичных коммуникаций // Цифровая социология. Т. 3. № 2. С. 35-45.
- Карпенко Е.В. (2009). Социальные условия преодоления коммуникативных барьеров на региональном уровне государственного управления: дис. ... канд. социол. наук: 22.00.08. Орел.
- Катеринич О.А., Петренко С.П., Мустафаев Ф.М. (2013). Этносфера и проблемы межкультурной коммуникации. Ростов-на-Дону: СКНЦ ВШ АПСН.
- Каширина М.В. (2013). Фальсеоинтеракция как особая форма социального взаимодействия // Социум и власть. №6 (44). С. 11-16.
- Кузьмин А.В. (2006). Миграция: проблемы межкультурной коммуникации. Улан-Удэ: Изд-во ВСГТУ.
- Левин А.И., Кобылкина О.М. (2015). Коммуникационные барьеры в системе управления органов государственной власти // Государство и общество: вчера, сегодня, завтра. Серия: Социология. № 14 (1). С. 167.
- Мескон М.Х., Альберт М., Хедоури Ф. (2019). Основы менеджмента, СПб.: Диалектика.
- Пушкарева Г.В. (2009). Информационные технологии в принятии государственных решений: современные тенденции // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. Т. 2. № 2. С. 128-139.
- Соколов А.В. (2002). Общая теория социальной коммуникации. СПб.: Изд-во Михайлова В.А.
- Хижняков Д.П. (2011). Информационно-коммуникационные барьеры в региональной практике государственного управления // Современные проблемы науки и образования. № 5. С. 129-135.
- Rhodes R.A.W. (1996). The New Governance: Governing Without Government // Political Studies. № 1. P. 9-26.

■ ■ ■ Identification of Social Barriers in the Ethno-Confessional Space of Public Communication of Border Regions¹

Zotov V.V.¹, Alekseenko A.I.²

1. Moscow Institute of Physics and Technology (National Research University), Moscow, Russia.

2. Southwest State University, Kursk, Russia.

Abstract. The relevance of the study is substantiated by to the need to develop effective measures for localization and overcoming possible negative consequences of ethno-confessional processes in the border regions of the Russian Federation, which is achieved with a developed level of the ethno-confessional space of public communication. The methodology for organizing such a space is based on the concept of public values management, which considers social development through the prism of active involvement of stakeholders in the discussion of socially significant tasks and participation in the implementation of the decisions made. The aim of the work is to determine the social barriers of this space that impede the interaction of its stakeholders. Based on systematization of relevant publications, the authors reveal the essence of the concept of “social barrier of communication” and classify them; based on the expert survey conducted by the authors in 2020 among representatives of the main stakeholders, level of manifestation of the identified social barriers is determined.

Scientific novelty of the paper consists in the introduction of the definition of social barriers in the ethno-confessional space of public communications, the author’s classification of these barriers based on the structure of two-way symmetric communication, within which communicators, message, channels, efficiency / result and situation can be distinguished. This classification made it possible to single out the following social barriers to communication: for communicators, these barriers are manifested as low activity and initiative, differences in the thesauri of communicators and their low communicative and communication competence; for messages – falsification of messages and imitation of the communication process; for communication channels – their mismatch and a feedback barrier; for the expected result – its mismatch; for a communication situation – the displacement of the actualization of events. According to the expert survey, among these barriers, the key ones are low activity and initiative of representatives of stakeholders, the desire to imitate the communication process instead of real dialogue and partnership, and the lack of feedback (lack of reaction of some stakeholders to the actions of others).

Keywords: ethno-religious relations, border region, public communications space, stakeholders, social barriers, conflict prevention, harmonization of relations, national policy

For citation: Zotov V.V., Alekseenko A.I. (2021). Identification of Social Barriers in the Ethno-Confessional Space of Public Communication of Border Regions. *Communicology (Russia)*. Vol. 9. No.1. P. 139-150. DOI 10.21453/2311-3065-2021-9-1-139-150.

¹ The research is granted RFBR, grant 19-011-00835 A Formation of the space of public communication as a condition for reducing the risks of interethnic and ethno-confessional conflicts in border regions.

Inf. about the authors: Zotov Vitaliy Vladimirovich – Dr. Sc.(Soc.), Prof., Professor at the Department of Philosophy, Moscow Institute of Physics and Technology (National Research University); Alekseenko Aleksandr Ivanovich – Cand.Sc.(Soc.), Associate Professor of the Department Philosophy and Sociology, Southwest State University. *Address:* 141701, Russia, Moscow region, Dolgoprudny, per. Institutskii, 9. E-mail: om_zotova@mail.ru, alex-2-alex@mail.ru.

Received: 10.01.2021. *Accepted:* 22.01.2021.

References

- Andreeva G.M. (1980). Social psychology. M.: Publishing House of Moscow University (In Rus.).
- Babintsev V.P. (2017). Authority and society in the provincial region: specifics of interaction. *Vlast'*. Vol. 25. No. 3. P. 34-41 (In Rus.).
- Bocharova T. A. (2009). Technologies of information and analytical work in the executive bodies of the region: dissertation... candidate of sociological sciences: 22.00.08. Belgorod (In Rus.).
- Borscheva N.N. (2014). Interethnic topics in russian media: professional and ethical aspect. *Topical problems of humanities and socio-economic sciences*. Vol. 8. No. 1. P. 90-96 (In Rus.).
- Dyakova E.G. (2003). Mass Political Communication in the Agenda-Setting Theory: from Effect to Process. *Polis. Political Studies*. No.3. P. 109-119. DOI 10.17976/jpps/2003.03.11 (In Rus.).
- Karpenko E.V. (2009). Social conditions for overcoming communication barriers at the regional level of public administration: dissertation... candidate of sociological sciences: 22.00.08. Oryol (In Rus.).
- Kashirina M.V. (2013). Falseinteraktsiya as a special form of social interaction. *Society and Power*. No. 6 (44). P. 11-16 (In Rus.).
- Katerinich A.A., Petrenko S.P., Mustafaev F.M. (2013). Ethnosphere and problems of intercultural communication Rostov-on-Don: SCNC VSH APSN (In Rus.).
- Khizhnyakov D.P. (2011). Information-communication barriers in regional state administration practice. *Modern problems of science and education*. No. 5. P. 129-135 (In Rus.).
- Kuzmin A.V. (2006). Migration: problems of intercultural communication. Ulan-Ude: Publishing House of VSSTU (In Rus.).
- Levin A.I., Kobylkina O.M. (2015). Communication barriers in the management system of public authorities. *State and society: yesterday, today, tomorrow. Series: Sociology*. No. 14 (1). P. 16-27 (In Rus.).
- Mescon M.H., Albert M., Khedouri F. (2019). Basics of Management. St. Petersburg: Dialectics (In Rus.).
- Pushkareva G.V. (2009). Information technology in public decision-making: modern trends. *Problem analysis and public management design*. Vol. 2. No. 2. P. 128-139 (In Rus.).
- Rhodes R.A.W. (1996). The New Governance: Governing Without Government. *Polis. Political Studies*. No 1. P. 9-26 (In Rus.).
- Sokolov A.V. (2002). General theory of social communication. St. Petersburg: V.A. Mikhailov Publishing House (In Rus.).
- Vasilieva O.A. (2012). Effective feedback is a key factor in the success of the communication process. *International Research Journal*. No. 6-2 (6). P. 87-89 (In Rus.).
- Volkova A.V. (2013). Public values and the system of public administration in Russia. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University (In Rus.).
- Zimichev A.M. (1993). Psychology of political struggle. St. Petersburg: Santa (In Rus.).
- Zotov V.V., Gubanov A.V. (2020). Social networks as a basis for interaction between authorities and non-profit organizations established on the basis of nationality in public communications space. *Digital sociology*. Vol. 3, No. 2, P. 35-45. DOI: 10.26425/2658-347X-2020-2-35-45 (In Rus.).

■ ■ ■ «Общественный диалог» в социокультурной среде и его управленческие перспективы в коммуникационной теории Б. Пирса и В. Кронена

Андриянова Т.В.

Курский государственный университет, Курск, Российская Федерация.

Аннотация. В исследованиях последнего десятилетия отечественные социологи все чаще обращаются к коммуникационным теориям в дискурсе конструирования социальной реальности и актуализации смыслов современной социокультурной среды. По мнению автора, одной из наиболее перспективных, хотя и не лишенных внутренних противоречий, представляется «теория координированного управления смыслом» Б. Пирса и В. Кронена. Появившись в американской науке во второй четверти XX века как философский проект, она достаточно быстро стала методологической основой многих эмпирических экспериментов. Целью настоящего исследования является представление управленческих перспектив данной теории в контексте «общественного диалога» как проекта, реализованного в конце 90-х годов XX в городе Купертино (штат Калифорния). Здесь обрисовывается и соответствующий круг задач, а именно – показать, как онтологическая теория становится базой для построения социальной технологии управления процессами взаимодействия в городской среде и какие управленческие ресурсы были использованы для достижения конечной цели проекта. В выводах сформулировано значение коммуникации как первичного социального процесса, обуславливающего расширение шести концепций как основы «грамматики» теории координированного управления смыслом.

Ключевые слова: коммуникационная теория, общественный диалог, управление, теория координированного управления смыслом, общество

Для цитирования: Андриянова Т.В. «Общественный диалог» и его управленческие перспективы в коммуникационной теории Б. Пирса и В. Кронена // Коммуникология. 2021. Том 9. №1. С. 151-159. DOI 10.21453 / 2311-3065-2021-9-1-151-159.

Сведения об авторе: Татьяна Владимировна Андриянова – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии Курского государственного университета. Адрес: 305004, Россия, г. Курск, ул. Радищева, 29. E-mail: andriyanova.tv@gmail.com.

Статья поступила в редакцию: 16.12.2020. *Принята к печати:* 02.02.2021.

В работах 70-80 годов XX века американские исследователи У. Барнетт Пирс и Вернон Э. Кронен представили свой взгляд на теорию коммуникации, сформулированный в дальнейшем как Coordinated Management of Meaning (далее СММ) и известный в русском переводе как «теория координированного управления смыслом» [Pearce 1976; Pearce, Cronen].

Отечественная традиция изучения СММ представляется интегральной в силу использования большого количества междисциплинарных подходов. Так, в социологии, по мнению О.Е. Ионовой, данная теория может быть рассмотрена в контексте интегральной методологии, включающей контекст социального

конструктивизма, феноменологию П. Бергера и Т. Лукмана, теорию парадигм Т. Куна, постструктурализм М. Фуко и Ж. Дерриды и т.д. При сходстве общих методологических подходов, российские социологи обращаются к разным переводам самой аббревиатуры СММ, представляя ее либо в русском варианте – КУС [Андриянова; Ионова], либо переводя понятие «meaning» как смыслообразование. В частности, Ионова отмечает: «Смыслообразование не осуществляется изолированно, поэтому ключевой момент в создании смыслов — координирование этого процесса с другими участниками коммуникации» [Ионова: 131]. Понятие «смыслообразование» в данном случае трактуется автором в контексте определения американского философа, специалиста по философии искусственного интеллекта Джона Сёрла, как объемный процесс, в котором «смысл является результатом социальных практик» [Ионова: 131].

При исследовании коммуникативных механизмов современных смысловых противостояний, как считает Т.З. Адамьянц [Адамьянц], необходимо учитывать потенциал СММ и ее ограничения в представлении о смысле: «с одной стороны, декларируется множественность смыслов в соответствии с идеями и положениями постмодернизма. С другой стороны, созданный в результате коммуникативных взаимодействий латентный смысловой конструкт фактически оказывается константным: это и есть та самая “тайна”»¹ [Адамьянц: 102].

В нашем понимании перевод данного названия СММ можно представить как «теория координированного управления смыслом», что более соответствует коннотации английского языка и отражает сам процесс создания, координации и управления смыслами в процессе взаимодействия. Такое же понимание названия данной теории мы обнаружили и в исследовании когнитивной интеграции Л.В. Нургалеевой, где, в частности, подчеркивается онтологическая трактовка коммуникации у Пирса и Кронена: «она мыслится как форма человеческого существования, а не технология знакового обмена» [Нургалеева: 60]. Само возникновение определенных коммуникационных шаблонов Нургалеева определяет как «творческий акт» посредством которого акторы-коммуниканты «создают новый источник смысловых связей, становящихся контекстом для дальнейших коммуникативных экспериментов» [Нургалеева]. Сама идея координированного управления смыслами заключается в попытке отследить «взаимозависимости и порождения фиксируемой сознанием системы разворачивающихся значений» [Нургалеева]. В контексте важности построения «общественного диалога» в качестве одного из оснований формирования пространства публичных коммуникаций, как указывает Ф.И. Шарков, можно рассматривать не только реальные коммуникации, но и социальные сети [Шарков].

Американские исследователи Р. Уэст и Л. Тернер пишут об этом в терминах правил, которые устанавливаются для создания и интерпретации значений и постоянных отклонений от них вследствие необходимости координировать значе-

¹ Под «тайной» в данном случае понимается одна из базовых характеристик СММ, понимаемая как ограниченность возможностей исследования шаблонов общения и корректной интерпретации их результатов.

ния [West, Turner: 111]. Интересным представляется тот факт, что сам Рич Уэст, будучи определенное время президентом NCA (National Communication Association) и одним из ведущих исследователей так называемой «школьной коммуникации» (classroom communication), признает наличие данного противоречия. В своих работах он не раз обращался к широкому диапазону тем: от межличностного общения до межкультурного общения, учитывая контекст того, что находится между ними [West, Turner]. Ценным в работах Уэста является наличие критериев коммуникации, позволяющих акторам активно участвовать в процессе ее оценки вместо того, чтобы только наблюдать со стороны. Выделенные им шесть объемных групп представляют достаточно разнообразный спектр коммуникации:

- «теория Я» (самость) и сообщения в контексте теории символического взаимодействия;
- отношения и их развитие с точки зрения теории социального обмена;
- группы, команды и организации в теориях групповой мышления и организационной культуры;
- общественность как феномен парадигмы нарративов;
- медиа (средства массовой информации) в рамках теории использования и удовлетворения;
- культура и разнообразие как «приглушенная теория» групп и феминистская точка зрения.

Процесс присвоения значений сообщений происходит на основе прошлого опыта индивида в коммуникациях с учетом предыдущих социальных обстоятельств. Новая социальная реальность выступает здесь как результат общих договоренностей о континууме знаний значений окружающего мира подчас сложных и противоречивых. Целью СММ является усиление продуктивности взаимодействий путем координации и управления процессом создания значения, о чем говорят в своих работах Пирс и Кронен. Еще в середине 70-х годов XX века, сотрудничая в Массачусетском университете, авторы задумали своей проект СММ как сюжетно-ориентированный в рамках философии коммуникации. Довольно скоро он обрел вполне реальные очертания, а его активная разработка должна была, по словам Пирса, «сделать наши социальные миры связными и жить в них с честью и достоинством» [Pearce 2004]. На первом этапе разработки концепции управления смыслами учитывались критерии адекватного отражения всего спектра человеческой коммуникации и возможности их применения в эмпирических исследованиях.

В своих более поздних статьях Пирс указывал на возможности расширения СММ через процесс общественного диалога [Pearce W.B., Pearce K.A., 2000a]. Оценивая эту теорию в целом как успешно соответствующую общепринятым критериям социальных научных исследований, например, в способности учитывать статистически значимый процент дисперсии зависимых переменных, ее автор отмечал, что она все же чаще используется как эвристическая в интерпретационных исследованиях межличностного общения [Pearce, 1994]. Непрерывная эволюция СММ описывается в терминах трех траекторий: одна линия развития включала в себя приведение ее в соответствие с другими традициями (например, американский прагматизм или анализ языка Витгенштейна)

и пересмотр основных теоретических концепций языка и правил самих создателей; вторая – сохранила интерпретативный характер СММ применительно к другим контекстам, включая публичную коммуникации; третья – знаменует переход от интерпретативной теории к практике, в которой СММ функционирует как руководство для исследователей и содержит грамматику, которая делает когерентными дальнейшие исследования в данном русле. И если первоначально СММ применялась к процессам межличностной коммуникации посредничества и терапии, то с конца 1980-х годов ее начали применять в качестве практической теории для публичного обсуждения спорных вопросов.

В середине 1990-х годов группа ученых и практиков в области коммуникации, опираясь на СММ сформировала консорциум общественного диалога (Public Dialogue Consortium далее PDC) как некоммерческую организацию, занимающуюся повышением качества общественной коммуникации. В его работе были учтены недостатки предыдущего опыта, несовместимые с грамматикой СММ, а именно: формат («одноразовое» вмешательство в сложные социальные процессы), местоположение (работа только в университетских кампусах, хотя и занимающихся социальными проблемами), фрейминг (в рамках имеющихся сторон «неразрешимой» проблемы) и структура (позиционирующие себя в качестве экспертов ученые-интервенционисты). PDC совместно с сити-менеджментом реализовала с 1996 по 2000 год в штате Калифорния (г. Купертино) один из проектов, призванный выявить наиболее насущную социальную проблему для местного сообщества, и придать ей продуктивную форму. Быстрое изменение этнического состава города – вот вопрос, который больше всего беспокоил жителей Купертино. Они описывали этническое разнообразие как «пороховую бочку, ожидающую взрыва» [Krey: 4] и не желали говорить об этом публично, боясь «дать искру». И хотя впоследствии произошло несколько событий, которые могли бы спровоцировать этнический конфликт, взрывоопасной конфронтации не произошло. Скорее всего проблема нейтрализовалась благодаря тому, что в городе увеличилась численность жителей, а способность решать этот и другие волнующие их вопросы, позволила улучшить и межнациональные отношения. В ответах на открытый вопрос о проблемах, стоящих перед городом в ходе опроса, проведенного в апреле 2000 года, только 2% стратифицированной случайной выборки упомянули расовое или этническое разнообразие, при этом 82% согласились с тем, что город «делает достаточно для того, чтобы представители всех этнических групп чувствовали себя желанными гостями в Купертино» [Pearce W.B., Pearce K.A. 2000a: 407]. Сравнение данных опросов населения города в 1998 и 2000 году, приведенных Пирсами, показывает, что наибольшее изменение (с 28% до 49%) заметно в ответах респондентов, которые заявили, что увеличение этнического разнообразия «не повлияло на то, как я отношусь к людям других рас» [Pearce W.B., Pearce K.A. 2000a]. В личной беседе с авторами сити-менеджер Купертино Дон Браун интерпретировал эти результаты как означающие, что жители закончили «проработку вопроса» и что увеличение разнообразия является «свершившимся фактом жизни» [Pearce W.B., Pearce K.A. 2000a]. Среди маркеров успеха проекта были отмечены:

- чрезвычайно сложные общественные встречи, на которых жители обсудили, как «горячий национальный вопрос» управлялся раньше и как он должен управляться будущим [Pearce W.B., Pearce K.A. 2000b];
- активная деятельность «5Cs» (the Citizens of Cupertino Cross-Cultural Consortium);
- создание «Партнерства» («Collaborative») как организации, объединяющей старшую школу, школьные округа, местный колледж и руководство города, обязавшую поощрять мультикультурализм;
- создание должности помощника сити-менеджера по связям с районами города;
- создание в управлении шерифа должности, 75% обязанностей которой было уделено связям с национальными общинами;
- награждение сити-менеджера Премией менеджеров лиги калифорнийских городов за 1999 год за продвижение разнообразия [Pearce W.B., Pearce K.A. 2000b: 8];
- чувство сопричастности жителей и городских чиновников к проекту.

Следуя грамматике СММ, авторы исследований занимались рефлексивными оценками наблюдаемых социальных практик, привлекая по возможности внешних наблюдателей. Кронен описывает это как коэволюционный процесс, в котором традиции практики, с одной стороны, информируют, а с другой, сами информируются грамматиками дискурсивных и разговорных практик. Было обнаружено, что СММ способствовала широкому информированию участников по ходу реализации проекта в сообществе Купертино и была расширена за счет результатов исследования. Этот опыт в целом, по мнению авторов, укрепил уверенность в центральной черте СММ-трактовки коммуникации как первичного социального процесса и привел к значительному расширению шести концепций, включая координацию, формы коммуникации, событие (случай), логическую силу, позицию личности и контекстуальную реконструкцию.

Коммуникация как первичный социальный процесс

В конце 80-х годов Пирс, заимствуя термин Херри [Harre] «люди-в-разговоре», вводит понятие «коммуникативная перспектива» [Pearce 1989: 23-31], которая состоит в умении рассматривать события и объекты социального мира как созданные, совместно сконструированные скоординированными действиями. Она предполагает радикальный сдвиг в том, что стоит на первом плане при восприятии социальной реальности: обычно мы сосредотачиваемся на обыденных вопросах (кто с кем разговаривает, кто слушает, когда они это делают, как люди говорят и слушают и какой язык они используют), а коммуникативная перспектива основана на убеждении, что люди на самом деле говорят и делают по отношению друг к другу нечто, являющееся «материалом», из которого делается то, что в противном случае могло бы показаться доминирующей реальностью, такой как класс, пол, идеология, личности и т.д. Эта точка зрения дискутирует с более традиционными социальными теориями и согласуется с теориями так называемых микропроцессов, например, этнометодологией.

Коммуникационная перспектива привела в проекте сообщества Купертино авторов к принципиальной приверженности самому процессу, а не достижению желаемых результатов или анализу исходных условий. Усилия были сосредоточены на «создании разговоров» (общественного обсуждения) там, где они иначе не существовали бы и на формировании самих этих «разговоров» определенным образом. В результате проект отличался от общепринятой практики по меньшей мере тремя методами.

Во-первых, авторы поставили перед собой задачу управлять «архитектурой» разговоров о проблеме, сосредоточившись на их всеохватности и качестве. Здесь явно отсутствовали такие привычные, например, для политики процедуры, как: определение «сторонников» или «противников» на основе утверждаемых ими позиций; проведение опросов для оценки поддержки или несогласия с конкретными решениями; «подсчет голосов»; убедительные выступления; сплочение сторонников; таргетирование несогласных и лишение власти возражающих.

Во-вторых, сам «разговор» рассматривался как форма действия, а не как его замена. Так, один из участников общего собрания в ратуше Купертино в октябре 1996 года, выражая свое удивление тем, как так много людей могут так долго говорить, не предпринимая при этом никаких действий, назвал эту встречу «упущенной возможностью». Напротив, авторы проекта понимали, что она достигла нескольких целей на этой ранней стадии начавшегося процесса. Наиболее важным было то, что местные жители увидели для чего предназначена модель и испытали ее на себе, продуктивно беседуя с представителями других этнических групп о неразрешимой ранее проблеме. Позже в проекте другие жители захотели выйти за рамки разговоров о проблеме и сделать что-то по этому поводу. Авторы отмечают, что на этом этапе это было большим достижением, и следующим вопросом, мог стать поиск того, что жители считают недостающим для решения проблемы. Интерпретация успешности результатов состояла здесь в том, что основные цели были достигнуты без некоторых традиционных признаков «победителя»: волнения от горячих столкновений; «очернения врага» и публично показанной боли побежденных противников. Пирс и Кронен назвали такое создание определенного рода разговоров «публичным диалогом», что само по себе может стать необходимым и достаточным условием успеха.

В-третьих, ненамеренно была разработана альтернативная модель функционирования городской власти. До этого времени предпочтительная модель реализовывалась городским правительством, предоставляющим жителям качественное обслуживание как клиентам [Osborne, Gaebler]. Другие модели позиционировали городское самоуправление как: позволяющее людям брать на себя ответственность за свои собственные условия жизни; предоставляющее решение социальных проблем на основе профессиональной диагностики и предоставления услуг; облегчающее деятельность по самостоятельной помощи сообществам [Larpe, Du Bois]. Однако в данном проекте городское руководство приняло на себя ответственность за создание «архитектуры» разговоров о проблемах жителей и участие в них, с учетом видения будущего и действий, которые, по мнению населения, привели бы к желаемому результату. Такие разго-

воры происходили на ежегодных собраниях в ратуше, спонсируемых «5Cs» при поддержке города, на полугодовых собраниях «Партнерства» и в других местах.

Правительство города Купертино было готово взять на себя эту новую ответственность, поскольку его ключевые лидеры признавали, что известные формы политического процесса и участия общественности были недостаточны здесь для решения самых сложных вопросов. На вопросы прессы о том, как в данном случае политические лидеры справляются с проблемой, которая вызывает сильные общественные чувства, но не обсуждается открыто и как профессиональные менеджеры решают проблему, в условиях, когда она не артикулирована, а любое потенциальное решение связано с риском общественного недовольства, сити-менеджер Дон Браун ответил, что большинство общин «приняли традиционный подход реагирования на проблемы» [Pearce W.B., Pearce K.A. 2000a: 409]. То есть это решение вопроса постфактум с особыми предлагаемыми действиями, например, создание комиссий по человеческим отношениям, которые принимают жалобы и разрабатывают ответные меры. Эти ответы могут варьироваться от той или иной формы посредничества до судебного преследования за незаконную дискриминацию или преступления на почве ненависти [Pearce W.B., Pearce K.A. 2000a]. Такие общепринятые практики обычно реактивны и возникают уже после неприятных или трагических событий. Они скорее корректируют, чем предупреждают их, вызывая разногласия, консервируя дискурсивные структуры вины и жертвы.

Выводы

Поскольку использование коммуникативной перспективы позволило авторам создать нечто отличное и лучшее, чем обычная практика, уверенность в центральном тезисе СММ укрепилась и нашла свое отражение в шести ее ведущих концептуальных принципах.

Поскольку использование коммуникативной перспективы позволило авторам создать нечто отличное и лучшее, чем обычная практика, уверенность в центральном тезисе СММ укрепилась и нашла свое отражение в шести ее ведущих концептуальных принципах, получивших название «грамматика СММ»: координация, формы коммуникации, событие (случай), силы логики, позиция личности-посредника и контекстуальная реконструкция.

Источники

Адамьянц Т.З. (2019). Коммуникационные механизмы современных смысловых противостояний. *Социологические исследования*. № 3. С. 98-105. DOI: 10.31857/S013216250004282-3.

Андриянова Т.В. (2019). Исследовательский потенциал теории координированного управления смыслообразованием в управлении социальными процессами. Глобальные вызовы и региональное развитие в зеркале социологических измерений: материалы IV междунар. науч.-практ. интернет-конф., г. Вологда, 25 марта – 2 апреля 2019 г. Вологда: ФГБУН ВолНЦ РАН, С. 184-189.

Ионова О.Е. (2010). Конструирование социальной реальности в теории координированного управления смыслообразованием. *Вестник МГИМО Университета*. №4. С. 130-135.

Нургалеева Л.В. (2015). Когнитивная интеграция в контексте моделирования современных образовательных сред. *Гуманитарная информатика*. № 9. С. 51-63. DOI 10.17223/23046082/9/4.

Шарков Ф.И. (2019). Социальные сети как основа формирования пространства публичных коммуникаций. *Коммуникология*. Т.7. №4. С.32-40.

Harre R. (1984). *Personal being: A theory for individual psychology*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Krey D. (1999). Cupertino asks, «Can we talk about diversity?». In: *Western City*. 75. P. 4-8.

Lappe F M., Du Bois P.M. (1994). *The quickening of America: Rebuilding our nation, remaking our lives*. San Francisco: Jossey-Bass.

Osborne D., Gaebler T. (1993). *Rernventing government: How the entrepreneurial spirit is transforming the public sector*. New York: Plume.

Pearce W.B. (1976). *The Coordinated Management of Meaning: A rules-Based theory of Interpersonal Communication*. In: G.R. Miller (Ed.), *Explorations in Interpersonal Communication*. P. 17-36. Beverly Hills, CA: Sage.

Pearce W.B. (1994). *Interpersonal communication: Making social worlds*. New York: HarperCollins.

Pearce W.B. (2004). *Coordinated management of meaning*. *The Journal of Systemic Consultation and Management*. No. 15. P. 89-100.

Pearce W.B., Cronen V. (1980). *Communication, action, and meaning: The creation of social realities*. New York: Praeger.

Pearce W.B., Pearce K.A. (2000a). *Extending the Theory of the Coordinated Management of Meaning (CMM) Through a Community Dialogue Process*. *Communication Theory*. №4. P. 405-423.

Pearce W.B., Pearce K.A. (2000b). *Combining passions and abilities: Toward dialogic virtuosity*. *Southern Communication Journal*. 65. P.161-175.

West R., Turner L.H. (2017). *Introducing Communication Theory Analysis and Application* (6th ed.). McGraw-Hill Higher Education.

■ ■ ■ Public Dialogue in the Socio-Cultural Environment and its Management Perspectives in the Communication Theory of W. Barnett Pearce and Vernon E. Cronen

Andriyanova T.V.

Kursk State University, Kursk, Russia.

Abstract. In the research of the past decade, Russian sociologists are increasingly turning to communication theories in the discourse of constructing social reality and actualizing the meanings of the modern socio-cultural environment. According to the author, one of the most promising, although not devoid of internal contradictions, is the "Theory of coordinated control of meaning" by W.B. Peirce and V.E. Kronen. Appearing in American science in the second quarter of the twentieth century as a philosophical project, it quickly became the methodological basis for many empirical experiments. The purpose of this study is to present the management perspectives of this theory in the context of Public Dialogue as a project implemented in the late 90's of the XX century in Cupertino (California). The corresponding range of tasks is also outlined here, namely, to show how ontological theory becomes the basis for building a social technology for managing interaction processes in the urban environment and what management resources were used to achieve the final goal of the project. In the conclusions, the significance of communication as a primary social process is formulated, which determines the expansion of six concepts as the basis of the "grammar" of the theory of coordinated meaning management.

Keywords: communication theory, public dialogue, management, theory of coordinated management of meaning, society

For citation: Andriyanova T.V. (2021). Public Dialogue in the Socio-Cultural Environment and its Management Perspectives in the Communication Theory of W. Barnett Pearce and Vernon E. Cronen. *Communicology (Russia)*. Vol. 9. No.1. P. 151-159. DOI 10.21453/2311-3065-2021-9-1-151-159.

Inf. about the author: Andriyanova Tatyana Vladimirovna – Cand.Sc.(Soc.), associate professor at the Department of Sociology, Kursk State University. Address: 305004, Russia, Kursk, Radishchev st., 29. E-mail: andriyanova.tv@gmail.com.

Received: 16.12.2020. *Accepted:* 02.02.2021.

References

- Adamyants T.Z. (2019). Communication mechanisms of modern semantic confrontations. *Socis (Sotsiologicheskiye issledovaniya)*. No.3. P. 98-105. DOI: 10.31857/S013216250004282-3 (In Rus.).
- Andriyanova T.V. (2019). The research potential of the theory of coordinated management of meaning formation in the management of social processes. In: Global challenges and regional development in the mirror of sociological dimensions (Global'nyye vyzovy i regional'noye razvitiye v zerkale sotsiologicheskikh izmereniy): materials of the 4th international scientific-practical Internet conference, Vologda, March 25 – April 2, 2019 Vologda: VolRC RAS. P. 184-189 (In Rus.).
- Harre R. (1984). *Personal being: A theory for individual psychology*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Ionova O.I. (2010). Construction of social reality in the theory of coordinated management of meaning formation. *Vestnik MGIMO*. No. 4. P.130-135 (In Rus.).
- Krey D. (1999). Cupertino asks, «Can we talk about diversity?». *Western City*. 75. P. 4-8.
- Lappe F M., Du Bois P.M. (1994). *The quickening of America: Rebuilding our nation, remaking our lives*. San Francisco: Jossey-Bass.
- Nurgaleyeva L.V. (2015). Cognitive Integration in the Context of Modeling Modern Educational Environments. *Humanitarian informatics (Gumanitarnaya informatika)*. No.9. P. 51-63. DOI: 10.17223/23046082/9/4 (In Rus.).
- Osborne D., Gaebler T. (1993). *Rerenvting government: How the entrepreneurial spirit is transforming the public sector*. New York: Plume.
- Pearce W.B. (1976). The Coordinated Management of Meaning: A rules-Based theory of Interpersonal Communication. In: G.R. Miller (Ed.), *Explorations in Interpersonal Communication*. P. 17-36. Beverly Hills, CA: Sage.
- Pearce W.B. (1994). *Interpersonal communication: Making social worlds*. New York: HarperCollins.
- Pearce W.B. (2004). Coordinated management of meaning. *The Journal of Systemic Consultation and Management*. No. 15. P. 89-100.
- Pearce W.B., Cronen V. (1980). *Communication, action, and meaning: The creation of social realities*. New York: Praeger.
- Pearce W.B., Pearce K.A. (2000b). Combining passions and abilities: Toward dialogic virtuosity. *Southern Communication Journal*. 65. P.161-175.
- Pearce W.B., Pearce K.A. (2000a). Extending the Theory of the Coordinated Management of Meaning (CMM) Through a Community Dialogue Process. *Communication Theory*. No.4. P. 405-423.
- Sharkov F.I. (2019). Social networks as the basis for the formation of public communications space. *Communicology (Russia)*. Vol.7. No.4. P.32-40 (In Rus.).
- West R., Turner L.H. (2017). *Introducing Communication Theory Analysis and Application* (6th ed.). McGraw-Hill Higher Education.

Международная академия коммуникологии

Коммуникология. Том 9. № 1. 2021. Communicology (Russia). Vol. 9. No 1. 2021.

Ссылку на опубликованные в журнале статьи оформлять следующим образом:

а) на русском языке, например:

Шарков Ф.И., Киреева О.Ф. (2013) Коммуникационный консалтинг гендерных отношений в деловом мире // Коммуникология. Том 3. № 6. С. 25-36.

б) References in English (example):

Sharkov, F.I., Kireeva O.F. (2013) Communication consulting of Gender relations in the business world. *Communicology (Russia)*. Vol. 3. No. 6. P. 25-36.

Никакая часть данной публикации не может быть воспроизведена или распространена в любой форме или любыми средствами, или храниться в базе данных или информационно-поисковой системе без предварительного письменного согласия редакции журнала «Коммуникология», в том числе, но не ограничиваясь, в любой сети или других электронных носителях или при передаче данных, или трансляции для дистанционного обучения. Позиция авторов представленных в номере статей не всегда совпадает с позицией издателей журнала.

No part of this publication may be reproduced or distributed in any form or by any means, or stored in a database or retrieval system without the prior written consent of the Editorial Board of the journal "Communicology", including, but not limited to, in any network or other electronic media or transmission, or broadcast for distance learning. The position of the authors represented in the journal does not always coincide with the position of the publishers of the journal.

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-54393 от 10.06.2013 г.

Зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standard Serial Numbering – ISSN) с присвоением международного стандартного номера ISSN 2311-3065 (print), ISSN 2311-3332 (online).

Включён в базы данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ),

Всероссийского института научной и технической информации

Российской академии наук (ВИНИТИ РАН), EBSCO,

Ulrich's International Periodical Directory (UlrichsWeb),

научной электронной библиотекой "КиберЛенинка", ICI Journals Master List (Copernicus).

Редакция:

119606, г. Москва, просп. Вернадского, 84

Телефоны: +7 (499) 956-05-01, +7 (499) 956-07-01

E-mail: sharkov_felix@mail.ru

Сайт журнала в Интернете: <http://www.communicology.us>

Издатель: Ассоциация специалистов в сфере коммуникаций и информационно-аналитической деятельности «Международная академия коммуникологии»

Индекс журнала в каталоге агентства «Роспечать» – 62195

Тираж 500 экз. Цена свободная.

Подписано в печать 26.03.2021 г. Формат 70х100/16

Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 13. Заказ №

Отпечатано: Акционерное общество

«Т8 Издательские Технологии»

109316, Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5

Тел.: 8 (499) 322-38-30